

Рене Петер

одно лето
с Марселем
Прустом

серия • круг • жизни

серия • круг • жизни

Programme

Pouchkine

*Издание осуществлено в рамках
программы "Пушкин" при
поддержке Министерства
иностраннных дел Франции
и посольства Франции в России.*

---

*Ouvrage réalisé dans le cadre du
programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère
des Affaires Etrangères français et de
l'Ambassade de France en Russie.*

Рене Петер

одно
лето

с Марселем
Прустом

ВОСПОМИНАНИЯ

Перевод с французского
Елены Тарусиной

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Б.С.Г.-ПРЕСС

ББК 84 (4 Г)

П 29

René Peter
Une saison avec Marcel Proust
Souvenirs

Макет и художественное оформление
Веры Коротаевой

П 29 **Рене Петер**

Одно лето с Марселем Прустом: Воспоминания / Пер. с фр. Е. Тарусиной — М.: Б.С.Г.-ИРЕСС, 2007. — 223 с. — (Круг жизни).

ISBN 5-93381-234-X

ISBN 978-5-93381-234-0

Рене Петер (1872—1947) — французский писатель и драматург, автор театральных пьес, пользовавшихся большим успехом, книг о знаменитых писателях и композиторах, историкограф Французской академии. Он общался с выдающимися людьми своего времени, со многими из них дружил. С Прустом и его семьей Петер был знаком с юных лет.

Так же, как и Пруст, он хорошо знал и блистательный высший свет, и причудливый мирок парижской богемы. О них он увлекательно рассказывает в своих мемуарах, стремясь показать читателю, как возник и созрел замысел великого творения Марселя Пруста — «В поисках утраченного времени».

Книга воспоминаний о Прусте вышла в свет спустя полвека после смерти ее автора, в 2005 году, подготовила ее к публикации внучка Рене Петера, Доминик Браше.

ББК 84 (4 Фра)

ISBN 5-93381-234-X

ISBN 978-5-93381-234-0

© Editions Gallimard, 2005

© Е.Тарусина, перевод, 2007

© В.Коротаева, оформление, 2007

© «Б.С.Г.-ИРЕСС», издание на русском языке, 2007

Содержание

Вступление

Глава I

В поисках того времени

Глава II

Дивное лето

Глава III

Во времена «Пульпике»

Глава IV

«И все же...»

Глава V

Перед лицом человеческой глупости

Глава VI,

в которой появляется, а затем исчезает
господин Груссо

Глава VII

Дебюсси, или Голубой конверт

Глава VIII

Самодержавный властитель

Глава IX

В поисках нового пристанища

Глава X

Крушение целого мира

Глава XI

Запретные утехи

Глава XII

Немного солнца за прикрытыми ставнями

Глава XIII

Ужасный Копперфилд

Глава XIV

До самого дна запятых

Глава XV

Ночные птицы

Глава XVI

Путь в Дамаск

Глава XVII

Аромат духов

Глава XVIII

«Когда б он вновь расцвел...»

Вступление

«Петер собирался издать большую книгу о Марселе Прусте, с которым был близко знаком в молодые годы, а недавно даже подготовил для радио самые любопытные отрывки из нее. По странному и печальному стечению обстоятельств, накануне его кончины, когда я пришел в студию читать Анатоля Франса, то случайно услышал, как записывают прежде не издававшиеся, полные жизни и удивительно достоверные записки Рене Петера о Марселе Прусте. А их автор тем временем покидал этот мир.»¹

Я много лет не вспоминала об этой газетной вырезке, она хранилась вместе с другими семейными документами, унаследованными мною по

---

¹ Отрывок из статьи Фернана Грега в газете «Обозреватель» («Le Spectateur»), 19 августа 1947 года. (Прим. автора «Вступления»).

сле смерти родителей, пока один исследователь творчества Дебюсси¹ не обратился ко мне с просьбой поискать кое-какие материалы, и это заставило меня разыскать старую папку из тощего картона и погрузиться в изучение ее содержимого. Кроме статей из газет и журналов, ветхих листов извещений и пожелтевших фотографий, я обнаружила там некий документ, на который никогда прежде не обращала внимания. Это была рукопись, отпечатанная на машинке, местами дополненная или выправленная от руки. Называлась она «Одно лето с Марселем Прустом».

Чтение необычайно увлекло меня, прежде всего потому, что на этих страницах передо мной предстала в непривычном свете личность молодого, еще мало кому известного Марселя Пруста, только вынашивавшего замысел цикла романов «В поисках утраченного времени», но в еще большей степени потому, что я нашла там яркую картину нравов, занятий и развлечений «золотой молодежи» той поры.

---

¹ Дебюсси Клод (1862–1918) – французский композитор, пианист, дирижер и критик. Пользовался репутацией «революционера» в музыке. Огромное влияние на его творчество оказали русские композиторы петербургской школы, а впоследствии – французские поэты-символисты и художники-импрессионисты. (*Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, примечания переводчика.*)

Рене Петер родился в 1872 году, его отцом был знаменитый профессор, член Медицинской академии, родственник и достойный соперник великого Пастера. Семья Петера принадлежала к крупной парижской буржуазии, — той, что описана Филиппом Эриа в романе «Семья Буссардель»¹. Мальчик вырос в великолепном особняке на улице Амбур, где собирались художники, музыканты и литераторы, чаще других там бывали приятели его старшего брата, Дебюсси и Фейдо². Любознательный подросток с удовольствием слушал разговоры старших, жадно ловя каждое слово. Много лет спустя, рассказывая о Дебюсси, ставшем его другом, он сказал: «Светом своего гения Клод озарил мое детство, придал волшебное очарование годам юности и всей моей последующей жизни». Фейдо же впоследст-

---

¹ Э р и а Филипп (псевдоним; наст. имя Раймон Жерар Пейель; 1898–1971) — французский писатель, лауреат Гонкуровской премии (1939), с 1949 г. — член Гонкуровской академии. Наиболее известное произведение, цикл романов о семействе Буссардель — семейная хроника трех поколений биржевых финансистов на фоне кульминационных моментов европейской истории.

² Ф е й д о Жорж (1862–1921) — французский драматург, режиссер и актер, автор около четырех десятков пьес; некоторые из них («Дамский портной», «Займись Амели», «Люсьет Гютье» и др.) по сей день идут на сценах многих театров мира.

вии написал вместе с Петером искрометный водевиль под названием «Я не обманываю мужа», поставленный в «Атене» в феврале 1914 года.

Повзрослев, Рене Петер превратился в очень привлекательного молодого человека, темноволосого, с довольно тонкими, но резкими, волевыми чертами лица; он поселился в квартале Монсо, по соседству с Марселем Прустом, Рейнальдо Аном¹ и Фернаном Грегем.² Друзья частенько собирались вместе, чтобы поделиться новостями из жизни членов их маленького кружка, и порой, увлеченные спором, засиживались до самого утра.

Позднее, став успешным драматургом и историографом Французской академии, он принимал в своем «салоне» на улице Прони множество дипломатов, композиторов, писателей и художников — от Рейнальдо Ана до графа Шам-

---

¹ Ан Рейнальдо (1874–1947) – французский композитор и дирижер, уроженец Аргентины; ученик Жюль Массне, друг Сары Бернар; его новаторские искания нашли наиболее яркое выражение в фортепьянной музыке и песенном творчестве; он оказал огромное влияние на зарождение и становление французского шансона.

² Г р е г Фернан (1873–1960) – французский поэт, критик и историк литературы, учился вместе с Марселем Прустом в лицее Кондорсе; оставил о нем несколько томов воспоминаний.

брена¹, от Поля Валери до Тристана Бернара² и Люсьена Декава³. Это был тот самый мир «блестящих людей» – высшее общество, изображенное Прустом с такой беспощадностью и такой любовью.

Рене Петер познакомился с Прустом еще в детстве: их отцы принадлежали к избранному медицинскому кругу. Потом мальчики потеряли друг друга из виду почти на двенадцать лет и встретились уже взрослыми, когда в 1904 году, после оглушительного успеха пьесы Петера «Тряпка», Пруст, прибегнув к посредничеству Рейнальдо Ана, возобновил знакомство с молодым драматургом. Так случилось, что после смерти матери, в начале лета 1906 года, Пруст перебрался в особняк Резервуар в Версале; всего в нескольких шагах оттуда, на бульваре Руа, жил тогда Рене Петер.

---

¹ Ш а м б р е н Шарль де, граф (1875–1952) – дипломат, член Французской академии, автор нескольких книг по истории и дипломатии, одна из самых известных – «Петербург – Петроград», написанная вскоре после отъезда из России, где Шамбрэн служил первым секретарем французского посольства в 1914 году.

² Б е р н а р Тристан (1866–1947) – французский писатель, среди его произведений несколько романов, множество рассказов, пьес и киносценариев; известен также как автор блестящих афоризмов.

³ Д е к а в Люсьен (1861–1949) – журналист, писатель, автор романов и пьес, один из основателей Гонкурвской академии.

На протяжении пяти месяцев, встречаясь почти каждый день, друзья вели беседы, вспоминая прежние дни, обсуждая последние события, строя грандиозные планы. Потом жизнь снова развела их в разные стороны, Петер женился, к Прусту пришла слава, его окружили толпы льстивых поклонников, и друзья перестали видеться. Больше они не встречались.

Рассказ об одном лете, проведенном с Марселем Прустом, Рене Петер, как это ни удивительно, завершил только в 1947 году и постарался нарисовать образ не столько писателя, сколько человека. Описывает ли он житье Пруста в роскошном, но изрядно обветшалом особняке Резервуар, наблюдает ли за другом, сидящим среди странных посетителей маленького кафе на улице Прони, — кажется, будто и персонажи, и окружающие их декорации только что вышли из-под его пера, возникли прямо тут же, на наших глазах.

Готовя к изданию эту рукопись, я больше всего желала, чтобы читатель, как совсем недавно я сама, увидел великого Марселя Пруста в те дни, когда он еще не познал славы и не стал легендой, и наслаждался очаровательной, полной легкости и веселья атмосферой начала века, безвозвратно исчезнувшей в вихре войны.

*Доминик Браше,
внучка Рене Петера*

Глава I

• В поисках того времени •

«**М**еня переполняет счастье, когда я переступаю порог одного из тех особняков в провинции, где в комнатах стоит едва ощутимый запах затхлости, который никогда не исчезает, его лишь ненадолго смывают потоки свежего воздуха; где, открывая дверь своей комнаты, словно насильно вторгаешься в неведомую жизнь, частички которой рассеяны здесь повсюду, и дерзко хватаешь ее за руку; когда, захлопнув за собой дверь, проходишь вглубь, к столу или к окну и развязно усаживаешься подле нее на диванчик, изготовленный местным обойщиком согласно его представлениям о парижском вкусе; когда бесстыдно изучаешь наготу этой жизни, не смущаясь собственной

вольности, по-хозяйски распоряжаясь в этой комнате, где все пространство заполняют души других людей и даже в форме каминной подставки или узоре на обоях сохраняется отпечаток их снов, и опуская босые стопы на этот незнакомый ковер; весь трепещи, закрываешь дверь на задвижку и чувствуешь себя так, будто нарочно заперся наедине с этой потаенной жизнью, будто подталкиваешь ее к своему ложу и сам укладываешься рядом под широкое белоснежное одеяло, натянув его до самого подбородка; а тем временем за стенами, совсем рядом, церковный колокол над городом отсчитывает часы бессонницы для всех покидающих этот мир и всех влюбленных».¹

Столько наблюдений и мыслей могло родиться только в голове внимательного путешественника с богатой фантазией, свойственной лишь одному из череды мимолетных гостей того жилища, где я целое лето наслаждался самыми изысканными речами, слушая самый приятный на свете голос. Тот старинный особ-

---

¹ Марсель Пруст. Предисловие к «Сезаму и лилиям». (Прим. автора.)

«Сезам и лилии» – книга знаменитого английского писателя и поэта, историка и теоретика искусства Джона Рёскина (1819–1900), перевод которой на французский язык сделал М. Пруст.

няк превратился ныне в ветхое строение, разделенное на убогие мещанские квартиры.

В 1906 году особняк Резервуар был если не лучшим украшением, то, по меньшей мере, наиболее совершенным воплощением архитектурной традиции Версаля. Он нес на себе несмываемый отпечаток того Версаля, который впоследствии с таким размахом изуродовали неуклюжие соперники Рокфеллера Великолепного; того Версаля, который лишился своего провинциального, старомодного обаяния, когда по его улицам стали деловито сновать автомобили. В те дни никто еще не додумался построить на месте Резервуар какой-нибудь дворец, не уступающий в роскоши Трианону (да простит мне это сравнение украшенная бантиками лопата Марии-Антуанетты!)¹, хотя жить в старом особняке было довольно неудобно.

---

¹ Намек на одну из забав Марии-Антуанетты, супруги короля Людовика XVI. Близ Малого Трианона по ее приказу архитектор Р. Мик выстроил королевскую деревню, где были мельница, голубятня, ферма и прелестный, почти сказочный домик королевы под черепичной крышей. Мария-Антуанетта и ее свита развлекались, играя в крестьян: они вскапывали грядки лопатками, увитыми лентами, кормили ягнят, украшенных бантами и колокольчиками. Крытое гумно деревни служило помещением для балов и праздников.

Всевозможные политические интриги и проблемы постепенно накапливались, множась из года в год, пока не привели к тому, что дом оказался заброшен, а затем продан. Так всегда и случается: обломки прошлого в конце концов попадают в руки тех, кто способен только хулить и разрушать.

Признаюсь ли я в том, что и сам ничем не лучше их? Дорога, ведущая меня на поиски того времени, трудна, но приятна. Многие воспоминания уже потускнели и стерлись (в чью гостиную я попаду, открыв вон те двери? Что это за коридор, где шаги звучат так гулко? Откуда этот запах плесени, не от тех ли лепных карнизов с облетевшей позолотой? За что я зацепился ногой, не за этот ли клочок вытертого до дыр ковра?), и я бреду в потемках забвения, так и не вспомнив, как выглядела прихожая этого дома и что в ней находилось, хотя прежде она была знакома мне до мелочей. Кроме нее, я помнил только просторную комнату с двумя широкими окнами, сквозь которые сочился ночной сумрак, — комнату моего друга Марселя, и соседнюю с ней, где жила его преданная служанка Фелиция, а еще в одной, смежной... вроде бы там жила вторая слу-

жанка, или нет? может, я ошибаюсь?.. Здесь всегда пахло смешанными ароматами курящихся благовоний.

Я долго пытался разобраться в том, почему, по какому странному, мистическому стечению обстоятельств эти драгоценные впечатления куда-то улетучились, и понял вдруг, что очаровательный Марсель, центр притяжения маленькой, ныне уже не существующей вселенной, был в те времена совсем не таким, каким его все знали с юных лет.

Внезапно, словно в ответ на призыв о помощи, наполнив собой замкнутый мирок моих воспоминаний, внутри меня зазвучал высокий певучий голос, и я вновь подпал под обаяние его несравненной музыкальности, и вновь услышал давние слова, фразы, рассуждения о людях и вещах, резкие возражения, споры — свидетельства столкновения острых умов. И вот мало-помалу атмосфера тех дней возникла из небытия в вихре образов, взявшихся неведомо откуда, беспорядочно кружащих то вблизи, обретая четкие очертания, то в отдалении, скрываясь за зыбкой пеленой, — они бесцеремонно вторглись в мои мысли и не желали покидать меня, оставаясь не-

уловимыми. Они воскресли с такой лихо-
радочной поспешностью, что не знаю,
удастся ли мне придать им упорядочен-
ный, законченный вид.

* * *

Это было в начале лета 1906 года. Каж-
дый летний сезон мы с матерью проводили в
Версале и жили на бульваре Руа, занимая две
смежные квартиры. В тот вечер я вернулся
домой последним поездом, проведя целый
день в Париже и чувствуя приятную уста-
лость. Войдя в комнату, наполненную умиро-
творяющими ароматами прохладного вечер-
него сада, я заметил лежащий на виду кон-
верт, исписанный тонкими неразборчивыми
строчками: это был почерк Пруста.

Я с нетерпением вскрыл письмо. В нем
говорилось, что мой бесценный друг приехал
в Версаль; он сообщал, что собирается ос-
таться «на несколько дней» и что совершен-
но истерзан горем: хотя прошло уже восемь
месяцев со дня кончины его матери, он все
еще не оправился от потери. Его измученная
душа жаждет перемен, и поэтому он решил

хоть ненадолго поселиться в самом прекрасном месте на земле, подле старинной подружки матери и ее младшего сына, которого знал с детства. В завершение он писал, что хотел бы в эти дни видаться со мной как можно чаще, а потому с моей стороны было бы весьма любезно заглянуть к нему «поболтать минутку» сразу после возвращения из Парижа, если, конечно, этот вечер у меня не занят.

Хотя меня уже клонило в сон, я решил принять приглашение. «Ничего, просто предупреджу, чтобы утром меня не будили слишком рано», — рассудил я и отправился к Марселю.

— Да-да, мой милый, лишь одна мысль неотступно преследует меня, не оставляя в покое, — сказал он. — Впрочем, она служит мне и великим утешением: слава Богу, мне мало осталось жить на свете, в полном одиночестве, без нее, пусть даже в окружении заботливых, чудесных друзей, таких как Рейнальдо¹, Фенелон², или как вы — если,

---

¹ «Рейнальдо» далее всегда будет обозначать «Рейнальдо Ан». (Прим. автора.)

² Ф е н е л о н Бертран де (1878–1914) – дипломат, близкий друг Пруста; погиб на войне в октябре 1914 года. Стал одним из прототипов Робера де Сен-Лу, персонажа цикла романов «В поисках утраченного времени».

конечно, вы примете мою дружбу. Я знаю, у вас безумно много дел! Вам есть чем заняться, кроме как опекать старого зануду вроде меня!

Марсель обожал называть себя стариком¹ и нарочно добавлял себе лет, что порой выглядело довольно смешно и нелепо. Зато по сравнению с ним его собеседники ощущали себя совсем юными: эта уловка Марселя была мне давно знакома, но остальные неизменно попадались на нее и полагали, что он и вправду считает их куда более молодыми, чем они есть. Что же касается «зануды», то это было притворство в чистом виде; Марсель хитрил, он прекрасно знал, что никоим образом не заслуживает подобного прозвища, и ни за что на свете не хотел бы, чтобы его так называли, — разве только он сам об этом попросит.

В результате этой устроенной Марселем неразберихи к концу обычной дружеской беседы мы уже не понимали, где истина, и полностью утрачивали ощущение ре-

---

¹ Марсель Пруст (1871–1922) был всего на год старше Рене Петера, поэтому автору этой книги и казались такими смешными попытки его друга изображать из себя старика.

альности. И напрасно я убеждал себя в том, что он немногим меня старше и я прекрасно об этом помню: помимо воли я втягивался в игру и начинал получать от нее удовольствие. Вскоре я уже не был уверен в том, сколько мне лет на самом деле, и смирился с тем возрастом, какой забавы ради придумал мне Марсель. Эта игра давала Марселю неоспоримые преимущества: все проникались к нему необычайным уважением и оказывали ему знаки внимания, подобающие почтенному старцу. Я безоговорочно подчинился его авторитету и говорил с ним не как ученик со строгим учителем, а просто как младший со старшим, свободно, увлеченно, — взрослея, люди навсегда теряют способность так говорить.

Когда я сегодня вспоминаю об этом, то никак не могу взять в толк, отчего совершенно не робел перед этим необыкновенным человеком: Видимо, все скрытые в нем способности он обращал в искусство блестящей беседы, коей невозможно было пресытиться.

Вокруг Марселя постоянно собирался кружок верных друзей, незаурядных личностей, восхищавшихся его тонким умом — и только умом, ведь его литературный талант

еще никак не проявился, о нем почти никто не догадывался, и менее всего те, кто нынче беззастенчиво твердят, будто уже тогда обнаружили его. Марсель опубликовал только один роман, «Утехи и дни», — довольно безликий и вялый текст, особенно если вспомнить, что он вышел из-под пера самого великого Пруста, — а также два превосходных перевода работ Джона Рескина. Он долго корпел над ними, обложившись словарями, а затем снабдил великолепными предисловиями, в которых мы ныне с удовольствием отыскиваем первые признаки его будущего мастерства.

Был ли он гением? Сам Марсель тогда вряд ли бы в это поверил. И искренне высмеял бы того, кто дерзнул бы открыть ему эту ошеломляющую истину.

Я не виделся с Марселем в те — увы, такие недолгие! — годы, когда он сполна познал славу. Теперь я постоянно упрекаю себя за это, хотя как я мог знать, что ему суждено было так рано нас оставить? Течение жизни уносило меня все дальше и дальше от него, мы двигались в противоположные стороны, я все собирался навестить старого друга, но каждый раз откладывал визит. Завтра, завт-

ра... И вдруг однажды узнал, что это «завтра» уже не наступит.

Итак, я поделюсь воспоминаниями, для меня по-прежнему совсем свежими, и расскажу о подлинных, пережитых нами событиях: передо мной снова возникают те давние годы и «старик Марсель», с его неумной фантазией, бесконечной добротой и утонченными манерами.

Изменился ли он после того, как в его жизнь ворвалась слава, эта безжалостная разрушительница, растерял ли свои прежние бесценные качества? Нам остается только гадать. Его биографы на сей счет ничего толком не сообщают.

Я мало знал Пруста таким, каким он стал, но в этом есть одно преимущество: тем легче мне рассказать о нем — таком, каким он был когда-то.

Глава II

• Дивное лето •

До сего времени он растрачивал свою жизнь, день за днем, на мелкие повседневные хлопоты: трапезы, переодевания к обе-ду и ужину, сон, светские обязанности, встречи с друзьями. Больше всего внима-ния он уделял матери, женщине необычай-но умной: он питал к ней такую нежную и пылкую любовь, какую ни один мужчина в мире никогда не питал к своей возлюблен-ной. Ему вечно не хватало времени на то, чтобы всерьез засесть за перевод произве-дений Рескина, к тому же, он досадовал на то, что эта работа лишает его драгоценных часов общения с друзьями; все знали, что

Рейнальдо, Робер д'Юмьер¹ и особенно Мари Нордленже² частенько выручали его, поскольку превосходно владели английским языком, чего нельзя было сказать о Марселе³. Все знали, что Рейнальдо всегда искренне любил Марселя и навещал его каждый день, едва лишь появлялась свободная минутка, а появлялась она, как правило, только ночью, между часом и тремя... Рейнальдо к тому времени стал очень известным музыкантом, его всюду приглашали, принимали с восторгом и почтением, и выкроить часок-другой для друзей ему было весьма затруднительно. Порой ему приходилось спешно покидать какой-нибудь светский салон, оставляя то интересного собеседника, то влиятельного сановника, изъ-

---

¹ Ю м ь е р Робер д' (1868–1915) – офицер, выпускник Сен-Сира; увлекался литературой, сам писал прозу, был талантливым переводчиком: ему принадлежат переводы на французский язык многих произведений Редьярда Киплинга. Погиб на фронте в годы Первой мировой войны.

² Родственница Рейнальдо Ана, с которой Марсель познакомился, будучи в гостях у матери композитора. (Прим. автора.)

³ Госпожа Пруст, мать Марселя, также оказывала ему поистине бесценную помощь в его работе: она сделала полный подстрочный перевод текстов Рескина. (Прим. автора.)

явившего желание поспособствовать его карьере, — и все ради того, чтобы «заехать на секунду к Марселю, которому так плохо». Трогательная дружба Рейнальдо и Марселя показывала, насколько сильно могут привязаться друг к другу две творческие личности, обладающие чувствительной душой и тонким, глубоким умом.

Итак, встречи друзей (частенько заканчивавшиеся у Вебера или Ларю¹), в широком или узком кругу — последний именовался сенаклем, и я никогда к нему не принадлежал, — продолжались по пять-шесть часов в день, сон или бессонница отнимали у Марселя еще десять-двенадцать часов, два или три уходили на визиты врачей и лечение, остальное же время по праву принадлежало госпоже Пруст, разумеется, за вычетом непредвиденных житейских мелочей и нескончаемого чтения по ночам. Может быть, он уже забыл о цели, которую поставил перед собой много лет назад, и полагал, будто в этой разбросанности, в этом беспорядочном существовании

---

¹ Вебер, Ларю — знаменитые парижские рестораторы. Кафе и рестораны, созданные ими и носящие их имена, до сих пор существуют в Париже и других городах Франции.

и есть его истинное предназначение. Впрочем, он еще не «определил» место своего творчества, а кроме того, был убежден, что здоровье все равно не позволит ему довести начатое дело до конца. Он непрестанно искал себя. Я часто слышал, как он произносит: «Ко мне все так добры, так со мной носятся, стараясь ни на минуту не оставлять одного, и окружают заботой, коей я вовсе не заслуживаю, — ведь я обычный больной, я неудачник, портящий всем праздник!» В ответ раздавались возмущенные возгласы, но так ли уж они были искренни? Если бы он тогда умер, многие стали бы охотно повторять эти его слова, со вздохом добавляя: «Как все это печально, не правда ли? У него был такой своеобразный склад ума... Все так любили его слушать. Нет сомнений, проживи он подольше, он создал бы нечто стоящее!» Между тем, на его похороны собралось бы довольно много народу. Пришел бы кое-кто из великих мира сего, и даже кое-кто из больших писателей — те, кому в тот день удалось бы выкроить время.

Однако вернемся в 1906 год. Незадолго до того Марсель — ему исполнилось тридцать четыре года — перенес страшный удар. Скончалась госпожа Пруст. Для Марселя

это был крах, у него никого и ничего не осталось, а главное, он лишился безграничной любви и заботы, на которой держалась вся его жизнь. Отныне и до конца дней его ожидало полное одиночество. Единственный брат, которого он очень любил и которым гордился их отец, к тому времени женился. Он общался в основном со своими коллегами-медиками, а Марсель чувствовал себя среди них крайне неуютно. Молодой врач сделал блестящую карьеру и стал известным человеком, однако вкусы и стремления братьев ни в чем не совпадали. Настроение Марселя было довольно мрачным: у друзей тоже своя жизнь, они тоже найдут себе жен, создадут семьи, а для него все кончено, не о чем больше мечтать, не у кого найти утешение!.. Я, как и все, думал, что Марселю суждено тихо доживать свой век в ожидании смерти, и письмо, которое я отправил ему в те скорбные дни, стало лишь слабым отголоском моих мыслей. Сочинять это послание было невероятно трудно. Вдобавок ко всему, здоровье Марселя серьезно пошатнулось, и мы опасались самого худшего. Для него потянулись долгие часы отчаяния и одиночества. Тогда-то

в нем, вероятно, заговорил его необычайный ум; тайный голос таланта вразумил его, он к нему прислушался, и внезапно его чудесным образом подхватил и унес порыв вдохновения. Возможно, в этом тайном голосе слышался и голос матери, которая говорила: «Все будет чудесно, малыш, мой взрослый, но такой наивный мальчик, только продолжай работать! Вот увидишь, ты станешь великим человеком. Иди вперед, не останавливайся!»

Итак, прошло восемь месяцев с того горестного дня, мой друг приехал в Версаль, и я, глядя на него, задумался: что за мысли бродят в его голове?.. Может быть, в ней зарождается план великого романа, или возникают образы Свана, Альбертины, Жильберты, или иные смутные видения, а может, ничего подобного нет? Мы много говорили, но из его слов мало что можно было понять. Марсель напускал туману и скрытничал больше чем прежде. Когда он вдруг заявлял: «Сегодня ночью мне предстоит изрядно поработать... есть кое-какие мысли», — я мог только гадать об истинном смысле его слов. И строить всяческие предположения... О дивная летняя пора!

И все же у меня были причины полагать, что в нем уже зародился гений; прочитав эту книгу, вы убедитесь: я оказался прав. Я уверен, то время было самым тяжелым в его жизни, но, несмотря на горечь душевных страданий, для него, да и для нас, его друзей, тоже, эти дни стали исключительно благотворными и, не побоюсь сказать, очень счастливыми — ведь именно в ту пору бурно расцвел не знавший себе равных талант Марсея.

Глава III

• Во времена «Пульпике» •

Отец Марсея, как и мой, был профессором медицинского факультета. С той лишь разницей, что мой отец не только обучал методам лечения, но и сам занимался врачебной практикой. Отец Марсея был крупнейшим специалистом в области санитарии и следил за состоянием крупных городов. Анатоль Франс говорил, что господин Пруст лечит дома и фонтаны. Он был прекрасно сложен, носил бороду и никогда не расставался с пенсне.

Мне вспоминается один давний эпизод. На улице Бонапарта, в Медицинской академии, намечалась большая дискуссия, и хотя я был еще ребенком, меня взяли с собой — «посмотреть, как это происходит». Насколько я

мог судить, сторонники пастеровской теории намеревались вступить в полемику со своими противниками, к числу которых принадлежал и мой отец, причем он был одним из самых ярых и непримиримых. Господин Пруст что-то вещал насмешливо и едко, — впоследствии у Марселя я ни разу не слышал подобного тона, — небрежными движениями теребя шнурок пенсне и глядя на моего отца, сидевшего прямо напротив него. Отец кипятился и отвечал заносчиво, стараясь вывести оппонента из себя. Господин Пруст показался мне крайне неприятным человеком, хотя я и не понял из их спора ни единого слова. Несмотря ни на что, два доктора неизменно сохраняли дружеские отношения. Госпожа Пруст тоже всегда была очень привязана к моей матушке; разумеется, в один прекрасный день мы с Марселем познакомились, — иначе и быть не могло.

Как-то раз, когда я еще был маленьким, я увидел у Марселя большую механическую лошадку, но не сумел на нее вскарабкаться, потому что она оказалась для меня слишком высока. В отчаяния хватился я за ее гриву, стараясь подтянуться. Сжалившись надо мной, он попытался меня подсадить. Ничего не вышло, я кубарем полетел на пол, а он рассмеял-

ся, невольно проявив свойственную всем мальчишкам жестокость, однако смех его звучал мягко и словно бы сдержанно; затихнув, Марсель неожиданно вежливо осведомился, не ушибся ли я и не слишком ли расстроился.

— Вы меня напугали, — добавил он. — С вами правда все в порядке?

— Все просто замечательно, — отважно заявил я, поспешно вскочив на ноги.

— Что ж, тем лучше, — отозвался он. — Скоро вы прекрасно научитесь ездить верхом, вот увидите.

Пожалуй, это все, что я могу припомнить о наших детских встречах. Я потерял его из виду почти на двенадцать лет, но часто слышал, как о нем говорят другие. Все знали, что он учится в лицее Кондорсе, он там на хорошем счету, делает большие успехи и проявляет недюжинные способности. Мне даже ставили Марселя в пример, забыв, что это верный способ внушить стойкое отвращение к кому угодно. В один прекрасный день мой старший брат, где-то случайно встретившись с Марселем, был потрясен его блестящим умом и на следующее утро, увидев меня, рассказал об этом и предупредил: «Берегись!» — что означало: «Остерегайся соперничать с ним, я не

уверен, что ты будешь ему достойным противником». В общем, мне его слова даже польстили: видимо, брат все же не считал меня полным идиотом. Тем не менее, я чуточку обиделся и почувствовал, что его предостережение задело меня за живое. Поэтому я пришел в волнение, когда однажды, повзрослев и получив право именоваться молодым человеком, узнал, что мне суждено вскоре возобновить знакомство с Марселем, хочу я того или не хочу; нам предстояло увидеться на ужине у его родителей, в доме на бульваре Мальзерб, и я не знал, какой будет наша встреча. Марсель выказал подчеркнутое дружелюбие; большеглазый, спокойный, он был очень хорош собой, а когда обращался ко мне, в тоне его слышались покровительственные нотки. Тогда, чтобы смутить его, я решил сыграть роль светского человека, каковым на самом деле никогда не был. Поскольку он похвалил мой смокинг, скроенный по последней моде, мне пришлось на ум совершить обходной маневр и дать бой, выбрав полем сражения изысканность и элегантность: тут, был уверен я, победа мне обеспечена. Я напомнил ему историю с механической лошадкой и его пророчество относительно моих способностей к верховой езде,

добавив, что даже если бы я по собственной воле забросил занятия конным спортом, коим сейчас увлекаюсь, то все равно обожал бы лошадей, ходил на бега и соревнования по конкуру, которые, кстати, я посетил не далее как нынче днем, «заодно повидав знакомых у себя на трибуне».

— У себя на трибуне? — озадаченно спросил Марсель. — А что это за трибуна?

— Разумеется, трибуна для членов Общества.

— Как, вы член Жокей-клуба?

— Нет... Но я член Общества любителей верховой езды.

И тут я подумал: он же в этом ничего не смыслит!

— Когда мне исполнилось восемнадцать, — продолжал я небрежным тоном, — мой отец настоял на том, чтобы мы с братом вступили в это Общество.

— Правда? И как же вы туда попали?

— О, это проще простого! Нужно только иметь двух поручителей и пройти голосование.

— Двух поручителей? Голосование? А могу ли я вас спросить: кто были ваши поручители?

— Ах, конечно... — обронил я нарочито равнодушно. — Это были Ла Эй-Жуслен и

граф де Валон¹. А почему вас это интересует?

Он тут же сменил тему, но по его тону я почувствовал, что вырос в его глазах по меньшей мере на голову. Расстались мы по-приятельски, хотя и не стали закадычными друзьями. Вернувшись домой, я заявил брату:

— Знаешь, в твоём Марселе Прусте нет ничего особенного. Этот тип кое-чем похож на меня.

— И чем же?

— Он тоже сноб.

Пролетело еще несколько лет. Марсель, впитав философские знания, почерпнутые из лекций господина Дарлю², теперь произ-

---

¹ Господин де Ла Эй-Жуслен, член Жокей-клуба, был известнейшим спортсменом. Его имя тесно связано со знаменитыми, популярными во всем мире соревнованиями жеребят-трехлеток, которые устраивали на легендарном ипподроме Лоншан. Граф Бертран де Валлон, великан со светлыми волнистыми волосами, обрамлявшими крупное горбоносое лицо, был одним из светских «львов» Второй Империи. Он похвалялся, что был одним из тех, кто однажды, сидя в ложе Жокей-клуба в Парижской опере, освистал вагнеровского «Тангейзера». (Прим. автора.)

² Д а р л ю Альфонс (1849–1921) – преподаватель Эколь Нормаль, автор курса лекций по философии.

водил впечатление сложившегося глубокого мыслителя, слыл человеком особенным и в свете стал бывать гораздо чаще. Об этом времени рассказывали многие. То была эпоха принцессы Матильды, госпожи Строс, Мадлены Лемер¹ и других. То была эпоха в жизни Марсея, когда им руководил Робер де Монтестью². Пруст пользовался успехом, к нему

---

¹ П р и н ц е с с а М а т и л ь д а, Матильда Летиция Вильгельмина Бонапарт (1820–1904) – дочь одного из братьев Наполеона I, Жерома Бонапарта, бывшего в годы Империи королем Вестфалии. Принцесса Матильда была хозяйкой одного из самых влиятельных литературных салонов в Париже. С т р о с Женестьева (1850–1926), урожденная Алеви, жене композитора Жоржа Бизе, после его кончины вышла замуж за адвоката семейства Ротшильдов, Эмиля Строса. В литературном салоне госпожи Строс часто бывали Мопассан, принцесса Матильда, Монтестью и многие другие. Л е м е р Мадлена (1845–1928) – знаменитая художница-акварелистка, прекрасно разбиравшаяся в музыке и литературе; в ее мастерской собирались многие знаменитые художники, писатели и музыканты блистательной «бель-эпок» – рубежа XIX–XX веков.

² М о н т е с к ь ю - Ф е з а н з а к Робер де, граф (1855–1921) – писатель, знаменитый парижский денди. Его личность была необычайно притягательна, считается, что он стал прототипом многих известных литературных героев, например, дез Эссента из романа Жориса-Карла Гюисманса «Наоборот» и барона де Шарлю из цикла романов Пруста «В поисках утраченного времени».

было приковано всеобщее внимание, о нем шептались в каждом уголке парижских гостиных. Полагали, что он представляет собою нечто среднее между светским бездельником, — каковым он, между прочим, никогда не был, — и ученым мужем, восхищавшим высшее общество своими неисчерпаемыми познаниями. А еще это была эпоха журнала «Ле Банке», об основании которого объявили в 1892 году, на вечере в салоне госпожи Строс. Это было время, когда Марсель почти ежедневно встречался с Даниэлем Алеви¹, Робером де Флером², Фернаном Греггом, Жаком Бизе³, Робером Дрейфюсом⁴. Между де-

---

¹ А л е в и Даниэль (1872–1962) – историк, эссеист, автор биографических произведений; его труды отличались глубоким философским осмыслением истории.

² Ф л е р Робер Пеллеве де Ла Мотт-Анго, маркиз де (1872–1927) – драматург, прозаик, дипломат; учился вместе с Прустом в лицее Кондорсе. С 1921 года был главным редактором газеты «Фигаро».

³ Б и з е Жак (1872–1922) – сын композитора Жоржа Бизе и Женевьевы Алеви, друг Марселя Пруста, с которым он был знаком с юных лет и учился вместе в лицее Кондорсе.

⁴ Д р е й ф ю с Робер (1873–1939) – журналист и писатель, друг Пруста, знавший его еще в годы учебы в лицее Кондорсе; вместе с Д. Алеви и М. Прустом был в редакционной коллегии журнала «Ле Банке».

лом молодой литератор опубликовал несколько статей и небольшой, прекрасно оформленный альбом музыкальных произведений Рейнальдо Ана. Наконец, вышли в свет «Утехи и дни» с предисловием Анатоля Франса и иллюстрациями обожаемой автором госпожи Лемер. Эта книга не принесла Марселю успеха. О ней говорили, что она слишком искусственна и написана по-дилетантски. Впрочем, критик Леон Блюм отозвался о ней довольно благосклонно, зато вскоре появилась убийственная статья Жана Лорена, опубликованная под псевдонимом «Ретиф де ла Бретон». Этот самый Лорен (его настоящее имя Дюваль), довольно посредственный поэт, более известный в обществе как журналист и содомит, в своей еженедельной рубрике «Всякая всячина» в газете «Журналь» так отстегал бедного Марселя, что едва не довел его до могилы.

«С людьми из высшего общества, — писал Лорен, — бороться, по-видимому, бесполезно. Ох уж эти любительские писания завсегдаев светских салонов! Как-то раз мне в руки попала книжица, состряпанная одним из них и наделавшая много шума минувшей весной. Ее предваряет вступление самого г-на Анатоля Франса, и этот

кусочек прелестной прозы, а также подпись его автора очень украсили книгу: не мог же он, в самом деле, отказать в помощи милой даме — ведь он так часто у нее ужинал! Кстати, если бы не иллюстрации г-жи Мадлены Лемер, этот скромный томик, возможно, несколько выиграл бы по сравнению с другими ему подобными.

Итак, «Утехи и дни» г-на Марсея Пруста: сладкая меланхолия, безвольные мечтания, изысканные пуствячки, стремление неведомо к кому, вялая игра в любовь, и все это в претенциозном, жеманном стиле, вперемежку с цветочками г-жи Лемер, разбросанными на полях или в начале глав. Одна из глав носит название «Смерть Бальдассара Сильванда, виконта Сильванского», в качестве иллюстрации к ней нам предлагаются два кувшина, к другой — «Виоланта, или Светскость», — два листочка розы (я ничего не выдумываю). Г-жа Лемер, благодаря своей изобретательности, сумела как никогда удачно приспособиться к авторской манере. Так, например, история г-на Пруста под названием «Друзья: Октавиан и Фабриций» сопровождается картинкой, где изображены две милые кошечки, играющие на гитаре, а еще одна, «Мечта цвета времени», проиллюстрирована тремя павлиньими перьями.

Да, сударыня, тремя павлиньими перьями, ни больше ни меньше. Нам остается только склонить голову и признать свое поражение, не так ли?

В «Утехах и днях» вы обнаруживаете еще одну любопытную главу, «Печальная поездка к морю госпожи де Брев». Де Брев, напев, посев, сомлев... Ах, мимолетная нежность этой де Брев! Три героини носят прелестные имена — Эльмонда, Альдегиза и Эрола, и это, представьте, три парижанки из настоящего, самого что ни на есть благородного предместья.

Высечь бы вас, сударь!»

Статья поражала некоторыми более чем прозрачными намеками, вышедшими из-под пера этого гомосексуалиста, едва ли не самого знаменитого в те годы. Впрочем, такова была обычная манера Лорена — злобная и насмешливо-оскорбительная. Марселя эта статья буквально взбесила: он немедленно послал к обидчику своих секундантов. Дрались на пистолетах, в результате дуэли никто не пострадал, или почти не пострадал, потому что Марсель еще долго ощущал тошнотворный привкус этой истории. Он ужасно огорчился и еще долгие годы не мог избавиться от неприятных воспоминаний. С тех пор его и начала неотступно преследовать аст-

ма. Между тем он опубликовал в «Меркюр де Франс» свою первую работу, посвященную Рескину, однако мало кто упоминает о том, что он полностью посвятил себя литературному труду только с 1903 года, после смерти отца.

Сам я сделал первые шаги в театре в 1904 году: тогда в «Атене» поставили мою пьесу «Тряпка», спектакль прошел успешно, подарив мне несколько новых приятелей, а заодно и множество завистников. Марсель проявил удивительную чуткость и примкнул к стану моих друзей; как-то раз он передал мне через Рейнальдо Ана, с которым я по-прежнему поддерживал знакомство, приглашение зайти к нему на улицу Курсель. Потом сам мне написал. Сначала вот эту коротенькую записку:

Дорогой друг!

Рейнальдо сказал, что Вы спрашивали обо мне, это с Вашей стороны очень любезно. Не желаете ли сегодня вечером прийти на встречу по адресу: улица Курсель, 45, — прихватив с собой самую что ни на есть грязную домашнюю куртку или халат, и встретиться (милый повтор) с Рейнальдо; здесь также будут (наверное, ради благозвучия мне следовало бы написать: Вы также встре-

тите здесь) Коко¹ и, вероятнее всего, еще один мой друг, которому было бы очень приятно с Вами познакомиться. Это представительное общество соберется у меня около девяти часов вечера. Если не сможете прийти так рано, приходите позже, однако имейте в виду, что Рейнальдо, скорее всего, уже нас покинет.

Искренне Ваш
Марсель Пруст

Несколько дней спустя я получил еще одну записку, в которой вы найдете намек на то, о чем мы беседовали на бульваре Мальзерб, обсуждая соревнования по конкуру и общих знакомых из высшего света; вы убедитесь в том, что Марсель помнил все до мелочей, когда этого хотел.

Дорогой друг!

Вы вполне можете прийти в четверть двенадцатого, но если захотите, приходите и позже, я Вас буду ждать. Что же касается знатных особ, то я, чтобы Вы не чувствовали себя неуютно, пригласил двух са-

---

¹ Имеется в виду Фредерик де Мадразо. См. также с. 65. (Прим. автора.)

мых выдающихся из них: Фенелона и Бибеско¹. Однако, принимая во внимание то, что мы собираемся в столь поздний час, я не смею рассчитывать на Фенелона, а вот Бибеско будет непременно.

До скорой встречи.

Искренне Ваш

Марсель Пруст

Пришли и Фенелон, и Бибеско, и я тоже, и еще множество других — Робер де Бильи, Жорж де Лорис, маркиз д'Альбуфера, Рене Блюм²,

---

¹ Б и б е с к о Антуан (1878–1951) – потомок румынского княжеского рода, французский дипломат, драматург, любитель искусства и страстный коллекционер. Он и его брат Эмманюэль были очень дружны с Прустом.

² Б и л ь и Робер де (1866–1917) – друг Марсея Пруста с лицейских времен, выпускник Политехнической школы, инженер, страстный любитель литературы, коллекционер старинных книг. Л о р и с Жорж маркиз де (1876–1963) – писатель, автор драматических и биографических произведений, журналист; много лет дружил с Прустом и состоял с ним в переписке. Луи-Жозеф Сюше, маркиз (с 1925 г. герцог) д'А л ь б у ф е р а (1877–1953) – офицер, заметный светский персонаж, завсегдатая влиятельных литературных салонов. Б л ю м Рене (1878–1942) – знаменитый театральный деятель и музыкальный издатель, директор театра и балета Монте-Карло, друг Дягилева. Брат видного политика Леона Блюма.

Фредерик де Мадразо, а также госпожа Пруст: она то входила, то выходила, грациозно покачивая красивой головой, чуточку крупноватой для ее стройного тела. Вечер удался на славу. Так я в первый — и предпоследний — раз очутился среди членов прустовского сенакля.

Через несколько дней Марсель нанес ответный визит, навестив меня в моей квартире на улице Жуффруа, 93, потом мы снова встретились в моем «королевстве», в маленьком кафе на углу улиц Прони и Кардине, — мы с друзьями называли его «Пульпике».

Это было историческое место.

Пульпике, или пульпиканами, называли в бретонских легендах детей прекрасных корриган, хранительниц родников и источников; рождались пульпике от ужасных злобных карликов, в полной мере наследовали их уродство и даже превосходили в нем своих отцов. Однажды мы зашли в кафе, и все его посетители, за редким исключением, показались нам удивительно безобразными; так и вышло, что мы стали называть место наших встреч «Кафе для пульпике», а потом и просто — «Пульпике». Находилось оно совсем рядом с моей квартирой, и я заглядывал туда каждый вечер, если только не оставался до-

ма, — а это случалось крайне редко. У моих друзей быстро появилась милая привычка наведываться в кафе, чтобы повидаться со мной. Сначала появлялся один, потом к нему присоединялся второй, затем третий и четвертый, и вскоре собиралась целая компания, из тех, кто обитал по соседству, в моем квартале. Там были молодые люди на любой вкус, высокие и коротышки, непохожие друг на друга, всевозможных профессий. Помимо Марсея Пруста, жившего тогда на улице Курсель и боявшегося подолгу сидеть в клубах табачного дыма, чаще других появлялись Рейнальдо Ан, поселившийся на улице Альфреда де Виньи, Фернан Грег, обитатель улицы Жуфруа, Константен Ульманн, смуглый, невыносимо крикливый любитель искусства с улицы Прони, Робер Брюссель, музыкальный критик с улицы Жуфруа, Пийо де Сен-Мексан и Анри Дане, мои старые друзья, о которых у нас еще будет случай вспомнить, а также Жак Бизе, сын прославленного композитора, — все трое с бульвара Мальзерб; а еще Жан Виньо с площади Перейр и Робер де Флер с бульвара Курсель. В первые годы эпохи «Пульпике» к нам частенько присоединялись Клод Дебюсси, живший на улице Карди-

не, Альфонс Алле¹ с улицы Эдуар Детай, а иногда и его ближайший сосед Тристан Бернар. В «Пульпике» имелось два бильярдных стола, туда почти каждый день приходил Жак Тибо² — к сожалению, я тогда не был с ним знаком, — и, сияя своей роскошной, как у Аполлона, шевелюрой, отправлялся играть на бильярде со своим братом. Первый, скрипач-виртуоз, был весьма посредственным игроком, зато другой, виолончелист, творил на зеленом сукне настоящие чудеса. Добавьте к этой разношерстной компании еще пару хороших веселых девиц из квартала неподалеку, и картину можно считать почти законченной. Последним штрихом в ней был знаменитый фиакр Марселя, неизменно ожидавший его у входа.

У хозяина «Пульпике»; тощего, измученного одышкой человечка, была жена, еще довольно молодая женщина, носившая платье с манжетами из поддельного валансьенского

---

¹ Дебюсси, женившись, перестал ходить в «Пульпике», а Алле умер в 1905 году. (Прим. автора.)

² Т и б о Жак (1880–1953) — знаменитый французский скрипач, признанный в свое время одним из лучших в мире исполнителей произведений Моцарта. Именем Жака Тибо названа консерватория города Бордо.

кружева; она важно восседала за стойкой, и лишь изредка, словно против воли, улыбалась посетителям одними уголками губ, наступив брови и всем своим видом выражая недовольство. Среди посетителей кафе выделялся некий Кайоль, по-видимому, не раз побывавший в тюрьме, а теперь изображавший добропорядочного господина. Он хорошо одевался, без всякого стеснения рассказывал о своих похождениях и о сестрицешлюхе, «девке смазливой, что правда то правда, с такой побыть одна радость»¹. Приходили и братья Д., старший тучный, младший невероятно худой, в сопровождении маленькой толстушки, любовницы одного из них, а может быть, обоих. В кафе бывали Жео Ланж, страховой агент, приветливый и бодрый, однако не внушавший особого доверия, ювелир Лео Вейль, человек весьма приятный: если верить слухам, он проворачивал прибыльные махинации с драгоценностями, сданными в залог; Поль Ларжи, публицист и секретарь театра «Атеней», сделавший блис-

---

¹ Кстати, поговаривали, что как-то раз, пока братец обчищал один богатый дом, сестрица отвлекала внимание хозяина. Марсель обожал слушать хвастливые рассказы Кайоля. (*Прим. автора.*)

тательную журналистскую карьеру: все заискивали перед ним, ведь он мог раздобыть билет на любой спектакль; Эме Шарле (или де Шарле), второсортная актриса: у нее был нос картошкой, зато прекрасные глаза, божественной красоты фигура да вдобавок легкий и веселый нрав, так что все мы питали к ней маленькую слабость; Арлетта Дюкло, которую мне в свое время представили как близкую подругу одного из моих друзей; умница, профессионально владевшая искусством любви, она стала знаменитой после того, как ухитрилась целый месяц скрывать от полиции банкира-мошенника Булена; я же удостоился от нее бурной сцены за то, что, как ей показалось, слишком небрежно и рассеянно поздоровался с ней, когда после этой истории ее выпустили на свободу... Конечно, мы очень скоро помирились и пребывали с тех пор в добром согласии. Вся эта живописная публика страшно забавляла Марселя, а порой приводила в замешательство. Те, кто еще живы, наверное, до сих пор обитают где-то поблизости, на этих старых улицах... во всяком случае, столкнувшись с ними, я — увы! — вряд ли бы их узнал. Однако не будем об этом. Кроме описанных мною персона-

жей, каждый вечер мы видели в кафе двух незнакомцев, но раскрыли их тайну не сразу: оказалось, это служащие из конторы знаменитого парижского букмекера Дамьена, и в кафе они приходили, чтобы заключать сделки с клиентами и принимать у них ставки. В один прекрасный день мы с Ульманном, прихватив с собой Пруста, подошли к хозяину и спросили у него напрямик:

— Почему, вместо того чтобы посредничать между клиентами и букмекером, вы сами не принимаете у них ставки, потихоньку, держа это в тайне? Вы бы имели верную прибыль в золоте, солидный процент, который сейчас отчисляется в страховой фонд, а мог бы достаться вам.

Он крепко задумался, но все никак не решился последовать нашему совету, из опасения, «как бы кто об этом не прознал».

И все же однажды он не устоял перед искушением. Глупо ведь способствовать обогащению других и получать за это всего лишь ничтожные комиссионные. Представьте себе, поначалу дело у него ладилось. За первую неделю он заработал приличные деньги, и тут вдруг один из клиентов поставил на лошадку, чьи котировки были очень высоки, а

она взяла да и стала выигрывать. Пришлось заплатить клиенту огромную сумму. Для хозяина это была настоящая катастрофа. Он хотел тут же все бросить.

— Ну что же вы, не робейте! — подбадривали мы его. — Иногда случаются неудачи, но риск есть риск. Ничего, скоро вы наверстаете упущенное.

Хозяин приободрился, вновь начал опасную игру и через полгода нажил целое состояние. Теперь мадам носила воротник с жабо из настоящих кружев и улыбалась сердечно и приветливо. Супруги приобрели автомобиль, а несколько месяцев спустя мы лишились удовольствия лицезреть хозяйку: ее сменила за стойкой хорошенькая девица, из постоянных посетительниц заведения.

Спустя годы случай вновь привел меня на ту же улицу, я поселился как раз напротив «Пульпике». Сейчас, когда я пишу эти строки, стоит мне только поднять голову, и оно окажется у меня перед глазами.

Часто, выйдя из кафе, мы отправлялись в мою квартиру и там, на первом этаже, завершали наши вечерние встречи... Как же мы все любили друг друга! Когда кто-нибудь из тех, кого я охотно принимал у себя, — а их,

черт возьми, было немного, — приходил прямо ко мне, то подавал особый сигнал. Один тихонько стучал в окно набалдашником трости, другой — кончиками пальцев, а вечером условлено было негромко барабанить в ставни. Я отвечал и шел отворять дверь, или затихал и не подавал признаков жизни, и это означало, что я делаю вид, будто меня нет дома или я улегся спать, — в зависимости от настроения.

Марсель имел обыкновение являться ко мне, когда ему заблагорассудится, руководствуясь только собственной прихотью, ведь я никогда особенно не уговаривал его зайти, полагая, что было бы неправильно навязываться и досаждать ему, тем более что он так слаб здоровьем! По-видимому, он был мне благодарен за сдержанность, поскольку из всех наших общих знакомых только сам он обладал подобным качеством: достаточно вспомнить о том, как тихо и деликатно он постукивал по ставне, — тук-тук, тук-тук-тук, — уведомляя о своем прибытии. Появлялся он всегда неожиданно, держался непринужденно и даже легкомысленно, и его визиты неизменно доставляли мне удовольствие. Зимой он имел обыкновение

усаживаться вплотную к камину, придвинувшись к жаркому огню, немного раскрыв ворот шубы и распустив натянутый до самого носа широкий шарф гранатового цвета, а снаружи у дверей его, разумеется, ждал фиакр.

Как чудесно было подолгу болтать при свете настольной лампы, как дороги мне эти дни нашей юности и кафе «Пульпике»!

Глава IV

• «И все же...» •

Прежде мне казалось, что в его болезни есть изрядная доля притворства, а странная, замкнутая жизнь — самый верный способ привлечь к себе всеобщее внимание: ведь он появлялся в свете в такой час, когда все уже разъезжались по домам. Поздно вечером Марсель ненадолго прибывал к кому-нибудь в своем неизменном фиакре, серьезный, важный, в светлых перчатках, в серой фетровой шляпе, из-под которой выбивались густые пряди чуть выющихся волос; вскоре он задумчиво удалялся и проводил остаток ночи, кутя в шумной компании в кафе Вебера.

Марсель не отваживался выйти из дома, не завернувшись в тройной слой ваты; он об-

лачался в теплый сюртук, надевал одно на другое несколько пальто, поднимал воротник, порой совсем закрывая лицо, и я волей-неволей поверил в то, что его состояние действительно очень серьезно, недуг постоянно прогрессирует, и эти бесчисленные предосторожности просто необходимы. Мой друг жил среди склянок с лекарствами, ингаляций, ароматических курений, пилюль и прочих опасных снадобий, хотя все настойчиво отговаривали его ими пользоваться. Он мягко возражал, порой задыхаясь в приступах кашля: по-видимому, он и без нас знал, что ему делать. Рейнальдо Ан не раз говорил: «У Марселя такая астма, что врачи только руками разводят...» Марселю понадобилось немногим менее трех десятков лет, чтобы нам это доказать.

Он равнодушно относился к тому, что многие посмеивались над его своеобразным стилем письма, сотканным из бесконечных отступлений, запутанных фраз и вводных предложений, — но это был стиль, свойственным только ему, причем даже в устной речи. Однажды вечером, в Версале, собираясь уходить, я сказал:

— Знаете, Марсель, я имел смелость сочинить четверостишие, посвященное вам...

— Да? Прочтите-ка! — воскликнул он с любопытством.

И я продекламировал ему следующую эпиграмму:

Жертва скобок, открытых беспечно
Для назойливых «кто», «когда», «что»,
Оттого круглый год он в пальто —
Сквозняков опасается вечных¹.

Марсель по привычке рассыпался в похвалах, потом добавил:

— Как жаль, что эти милые строчки пропадут даром! Эх, если бы на моем месте был более известный поэт, например, Жан Экар, или Морис Вокер.

Несчастный, добрейший Морис Вокер служил Марселю излюбленной мишенью для насмешек, боксерской грушей для упражнений в остроумии. Я бросился его защищать:

— Какой вы злой! Чем он вам так насолил? Между прочим, Вокер мой старый друг!

— Вы спрашиваете, чем насолил? Своими «Бульжниками»! Только не говорите, что он пишет волшебные стихи, возможно, так оно

---

¹ Перевод М. Макаровой.

и есть! Мне довольно одной его пьесы, самой известной (между прочим, там звучит музыка самого Дельме!¹), настолько известной, что я знаю ее наизусть!

И он начал тихонько напевать:

Истомленный вконец ожиданьем,
Два булыжника я схватил
И всю раму тебе разбил.
Ну а ты не пришла на свиданье.

— Начнем с того, что раму не разбивают, а ломают, — продолжал он. — Далее, никто не швыряет булыжники в оконные рамы: чтобы повредить их, требуется недюжинная сила. Обычно в окно бросают маленькие камешки, целясь в стекло. Кстати, где он их взял, эти самые булыжники? Вы только представьте себе, как этот бледный, хрупкий поэт при свете луны выковыривает камни из мостовой напротив дома своей возлюбленной! Ведь, попытайся он проделать это днем, полиция, разумеется, ему бы не позволила. Ну ладно! Оставим... но только потому что это «ваш» Вокер!

---

¹ Д е л ь м е Поль (1862–1904) – композитор, автор множества песен и романсов, талантливый певец. В свое время был необычайно популярен.

Несколько смягчившись, Марсель продолжал:

Ах, проказница, ты смотри!
Завтра кину я целых три!

— Нет, это совершенно невыносимо! — вскричал он. — Три бульжника! Два еще куда ни шло, это могло бы сойти за проявление страсти... Но три!

А вот второй куплет:

Впереди у милых ворот...

Откуда взялось это «впереди»? Зачем оно тут?

Уложу я твоих друзей...

Они, видите ли, теперь просто ее друзья! А только что были дружками, то бишь любовниками! Впрочем, может быть, красотка порвала с ними, пока суд да дело...

Три и четыре камня в руку...

Три и четыре — это выходит уже семь. Да он всю мостовую разобрал! Я уж не говорю о

том, насколько нескладна сама строка. Торжественно возгласив: «Запомнят впредь мою науку!» (это еще можно пережить, хоть и с трудом), он добавляет:

Ну а завтра без лишних слов
Перебью всех твоих дружков!

Вот, наконец-то друзья снова превратились в дружков, то есть любовников... Давайте договоримся! Я не стану обсуждать с вами ни «кавалькаду жандармов», которые «по преступному следу пойдут», а потом «веревку накинута на шею», — несмотря на то что жандармы ничего, кроме наручников, ни на кого не надевают, и во Франции давно отменена смертная казнь через повешенье, — ни другие красоты третьего куплета. Но о последнем куплете я не могу не упомянуть: это подлинный шедевр.

И Марсель пропел, с лирическими нотками в голосе:

Как много мостовых окрест,
Сплошь из камней разнообразных!
В душе моей бродяжьей, страстной
Сокрыт тоски зеленой крест.

Нет больше сил ее терпеть!
О смерть, приди! Кончаю петь!¹

Давно пора, скажете вы.

Он хохотал от души, но вдруг смолк и продолжал:

— На самом деле, если бы даже ваш друг нас слышал, он бы, вероятнее всего, не обиделся. Он бы подумал: «Какая разница, что кто-то там насмехается надо мной? Такова слава. Попробуйте добиться такого же успеха, что и я, мой милый!» И он, наверное, был бы прав... В конце концов, кто я такой, чтобы судить других со всей строгостью? Ведь мой собственный «литературный багаж» ничтожен. Честно говоря, дорогой мой Рене... в нем только плохонькая книжонка, которую разнес в пух и прах Жан Лорен, несколько убогих подражательных вещиц, принятых вполне сносно, но не оставивших заметного следа в современной литературе, да еще два перевода Рескина с нелепыми пространными предисловиями: только несколько добрых друзей вроде вас сочли их не лишёнными смысла... а ведь больше никто их не читал!

---

¹ Перевод М. Макаровой.

— Марсель!..

— Да-да, только вы и, наверное, еще двое-трое друзей, которые тоже искренне расположены ко мне! А кроме этого у меня нет ничего, ничего... по крайней мере, на сегодняшний день. Так по какому же праву я издеваюсь над другими? Даже «Булыжников» у меня нет. И все же...

— И все же?..

— Разве я сказал «и все же»? Не помню. Час уже поздний. Об остальном поговорим в другой раз.

Так и закончилась — не закончившись, — одна из наших первых бесед тем версальским летом; все разговоры, все мысли запечатлелись в моей памяти удивительно ясно, и даже сейчас я могу передать их настолько точно, словно все это было вчера.

Глава V

• *Перед лицом человеческой
глупости* •

«Об остальном поговорим в другой раз»... А другой раз превратился в следующий раз, а потом еще и еще! Марселя терзали приступы смятения и отчаяния, они часто сменялись проблесками быстро угасавшей надежды, в зависимости от того, одолевала ли его в тот момент болезнь или давала ему небольшую передышку. В такое время бесполезно было его о чем-то расспрашивать, он прятался за стеной молчания.

Удалившись в Версаль на все лето, Марсель оказался отрезанным от большинства своих друзей. Иногда, к его великой радости, заезжали то Лорис, то Робер д'Юмьер, то еще кто-нибудь, мне незнакомый. Он

встречал всех с распростертыми объятиями и держался с каждым одинаково гостеприимно и предупредительно. Впрочем, гости редко задерживались у него дольше нескольких минут.

— Надеюсь, вы извините меня, друг мой, но нынче вечером я неважно себя чувствую. Пожалуй, мне следует позвать Фелицию, она проводит вас... Фелиция!..

Никакого ответа. Тогда он вытаскивал откуда-то из глубины алькова длинную тонкую трость и принимался стучать ею в дверь, сердито, но негромко. Посетитель удивлялся.

— Это вместо колокольчика. Он звенит так оглушительно, просто невыносимо... его слышно даже здесь! Этот звук пронзает голову насквозь. Фелиция!.. Должно быть, она оглохла. Бедняжка, она так мне преданна; но — увы! — она стареет. Ах, что со мной станет, когда ее не будет рядом? Впрочем, я не слишком удачно выразился: ее ведь и так никогда нет рядом! Фелиция!!!

Рейнальдо и Константен Ульманн обычно проводили лето в Версале, но в тот год отчего-то не приехали, и для Марселя един-

ственным развлечением стали мои посещения, а также редкие визиты моего двоюродного брата Эжена Белена. Иногда мы приходили вместе, чаще всего по воскресеньям, и если Марсель чувствовал себя сносно, отправлялись прогуляться по Версальскому парку. Мой друг, несмотря на палящий зной, нахлобучивал серый котелок, натягивал подюжины пальто. И, не дожидаясь наших насмешливых реплик, принимался сам потешаться над собой. Обращаясь ко мне, он декламировал:

Жертва скобок, открытых беспечно
Для назойливых «кто», «когда», «что»...

Помню, как мы долго сидели на террасе, возвышавшейся над «Королевой лягушек»¹.

---

¹ Имеется в виду комплекс фонтанов, называемый бассейном Латоны. Основная тема декора навеяна античным мифом о богине Латоне, матери Аполлона и Дианы. Соблазненная Юпитером, Латона родила близнецов. Однако, проклятая Юноной, супругой Юпитера, Латона была вынуждена скитаться по свету. Скульптурный ансамбль фонтана изображает Латону в окружении ее детей: она молит Юпитера защитить ее от ликийских крестьян, осыпающих ее оскорблениями. Чтобы утешить возлюбленную и наказать виновных, Юпитер превращает крестьян в ящериц и лягушек.

С нами были Фредерик де Мадразо¹, которого, к его великому удовольствию, все звали Коко (уменьшительное от испанского варианта его имени, Федерико), мои друзья, неразлучные Пийо и Дане, вечно спорившие друг с другом, и еще один персонаж, чье имя ни я, ни Белен так и не смогли припомнить: он рассуждал о Карле X, вовремя сбежавшем от взбунтовавшейся черни², и показался всем нам, включая Марселя, довольно скучным типом. Зато нас всюду развлекал насмешник Дане, чьи злые, порой оскорбительные шутки частенько обходились ему слишком дорого: в лучшем случае его одергивали, а в худшем — награждали оплеухой, но даже это не помогало его урезонить. Мимо нас прошла женщина, катя перед собой детскую коляску. Ребенок, надо сказать, был довольно некра-

---

¹ Тонкий, даровитый художник, сын известного живописца Раймондо де Мадразо, который, несмотря на большую разницу в возрасте, женился на одной из старших сестер Рейнальдо Ана. (*Прим. автора.*)

² К а р л X (1757–1836) – последний представитель старшей линии Бурбонов на французском престоле, правил с 1824 по 1830 год. Июльская революция 1830 года и падение правительства заставили его отречься от престола, затем он вынудил отречься и своего сына, герцога Ангулемского. Карл отправился в изгнание в Великобританию.

сив. Дане, уставившись на него, зычным голосом изрек:

— Господи, до чего же уродливый ребенок! — Потом, сняв шляпу и галантно поклонившись даме, добавил: — Утешьтесь, сударыня, он долго не протянет!

Марсель вздрогнул, словно в него вонзили кинжал: ему не доводилось слышать ничего ужаснее! Мать удалилась, то ли не расслышав, то ли решив, что имеет дело с сумасшедшим. Впрочем, Дане, коротышка с круглой пунцовой физиономией, произнося эти жестокие слова, выглядел так смешно, если не сказать нелепо, что Марсель, как и все мы, был обезоружен. Несмотря на это, он предупредил Дане, что в последний раз появляется на людях в его обществе, и больше с ним не разговаривал. В тот день Версаль блистал несказанной красотой, но не прошло и часа, как нам пришлось покинуть парк, где цветущие газоны источали густой аромат, вызывая у Марселя удушье.

В другой раз, как-то вечером, мы с Марселем (помнится, с нами были еще Мадразо, Белен и Дане) отправились в одно из наших версальских эльдорадо, «Английское кафе», принадлежавшее супругам Лакуэнт, на улице

Дюплесси, ныне улице маршала Фоша, напротив вокзала на правом берегу. Мы расположились внутри, в дальнем зале, куда не могли добраться губительные для Марселя сквозняки, и стали играть в забавную игру, которую называли «виселицей». Каждый вооружался карандашом и получал листок бумаги, где один из игроков предварительно чертил штрихи, обозначавшие буквы, из которых состоял какой-нибудь известный александрийский стих. Нужно было его угадать, для этого игроки называли букву, предположительно имевшуюся в строке, и, обращаясь к ведущему, просили подтвердить или опровергнуть догадку. Например, кто-нибудь называл букву М. Ему отвечали: третья в четвертом слове. Следующий по очереди игрок называл свою букву, и если ее в стихе не было, или такую уже называли раньше, он объявлялся «повешенным». Игрок мог оказаться на «виселице» трижды, после этого он выбывал из игры, а победителем становился тот, кто первым угадывал стих и прочитывал его целиком. Игра казалась всем очень увлекательной, и Марсель с его богатой эрудицией и проницательностью, конечно, должен был все время побеждать. Так и было бы, если бы

не его скромность и тактичность. В основном он с восторгом наблюдал за тем, как азартно играют другие: они называли часто встречающиеся буквы и, конечно, угадывали, хотя такие подсказки были слишком неопределенны. Зато Марсель, называя наобум редкие буквы, вроде У, Х или Ф, почти в каждом круге оказывался на «виселице». И с воодушевлением поздравлял счастлиwick победителя.

— Это просто чудо! — восклицал он. — Какая образованность, какое искусство, какая удивительная прозорливость!

И вот наступала его очередь загадывать строку. Игроки собирались с мыслями и, призвав на помощь все свои способности, наконец отгадывали никому не известную строку из произведения какого-нибудь Мориса Сэва или Малларме. Марсель, обладавший обширными познаниями в самых разных областях, просто не понимал, какую трудную задачу перед нами поставил, и, не желая того, превращал игру в настоящую пытку. Однако сам он от души наслаждался и заявлял, что ничего лучше придумать невозможно.

Следующие два дня после того вечера он болел. И как только ему взбрело в голову вый-

ти из дома? Им овладело уныние. Моя мать, хотя была нездорова, — после удара ее частично разбил паралич, — сокрушалась, что не может видаться с ним почаще. Стараясь по мере сил развлечь Марселя, она передавала ему книги и журналы... Мне почему-то кажется, что книги, которые обычно читала моя мать, женщина утонченная, отличавшаяся острым, насмешливым умом, не вызывали у Марселя большого интереса¹. Тем не менее, он в благодарность неизменно посылал ей цветы. Однажды мои дела сложились так, что я два дня подряд не заходил к Марселю, и он стал выказывать признаки беспокойства, а затем и нетерпения, хотя прямо в этом не признавался. Он прислал мне коротенькое письмо, и по его тону я сразу почувствовал, какую нелов-

---

¹ В те летние дни я принес ему несколько томов театральных пьес Лабиша и с изумлением обнаружил, что он читает их с превеликим удовольствием. Мы потом часто в разговорах цитировали этого философа, скрывавшегося под маской сочинителя водевилей: «Странно, что расставшись с человеком на двадцать пять лет, потом совершенно не знаешь, о чем с ним говорить», «Не подумайте, что я хвастаюсь, но на улице невыносимо жарко», «С точки зрения Ледовитого океана, человек такой маленький». Я с удовольствием наблюдал, как Марсель, ученик Бергсона и почитатель Рескина, постепенно влюблялся в автора бессмертного месье Перришона. (Прим. автора.)

кость испытывал мой друг оттого, что не смог немедленно ответить на любезность моей матушки. Хотя это послание содержит похвалу, не вполне мною заслуженную, я все же отважусь привести здесь весь его текст и, надеюсь, читатели не будут на меня в обиде. Наверное, мне придется так поступать и впредь, потому что иначе трудно дать верное представление о чуткости Марселя и его преданности друзьям.

Сударыня!

Я совсем расхворался и потому не смог, как мне хотелось бы, отблагодарить Вас за Вашу бесконечную доброту, которая растрогала меня до глубины души. Присланные Вами журналы очень развлекли меня и подбодрили. Тем не менее, должен Вам сказать, самую большую радость мне доставляет заботливое сочувствие Рене и наши восхитительные беседы.

С глубоким почтением,
неизменно признательный Вам

Марсель Пруст

Я написал Рене коротенькую записку, в надежде, что он получит ее нынче же

вечером, если возвратится *не слишком поздно*, и окажет мне честь своим визитом.

Само собой разумеется, вечером я был у него *не слишком поздно*, так что даже успел лечь спать *не слишком поздно*.

Марсель, увидев меня, необычайно обрадовался.

— Вот и вы, дорогой Рене! Как мило, что вы зашли ко мне прямо сегодня! Я грустил, меня мучили жуткие приступы кашля. Приди вы раньше, я, скорее всего, не нашел бы сил вас принять. Между тем, вы не появились, и мне следовало бы *рассердиться*¹. Однако я, конечно, не рассердился, хотя вы меня и *бросили*.

Немного помявшись, он рассказал мне, что вновь вступил в «борьбу», и она до сих пор не закончена. Действительно, голос его звучал непривычно задиристо, а волосы были взъерошены, и он напоминал молодого петушка, который даже после драки все еще топорщит перья, сохраняя воинственный вид. Так что же произошло? Дело в том, что в

---

¹ У нас с Марселем появился собственный небольшой словарь, о котором речь пойдет немного позже; слово «рассердиться» именно оттуда. (Прим. автора.)

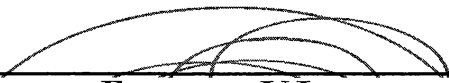

обществе вновь был поднят едва ли не самый большой вопрос того времени: зашла речь о применении жестких законов, направленных против религиозных конгрегаций, и Марсель почувствовал, как в нем пробуждаются две враждебные друг другу личности, обязанные своим появлением двум ветвям его предков. После дела Дрейфуса и до нынешнего дня они уживались довольно мирно, но теперь вступили в отчаянную схватку. С одной стороны, по линии матери, он был евреем, с другой, по линии отца, — французом и католиком, консервативным, но относительно толерантным, и теперь «варварские законы», разработанные партией, представлявшей интересы франкмасонов и примкнувших к ним евреев, вызывали у него бурное негодование. Несколькими годами ранее его так же возмутили крайние меры, предпринятые военными при поддержке клерикалов — и еще по меньшей мере половины Франции. Он искренне полагал, что нынешнее преследование верующих католиков ничем не лучше той травли, что сломала жизнь ни в чем не повинному офицеру-еврею. Беда, по его мнению, заключается в том, что евреи, отстояв справедливость и одержав победу, те-

перь внезапно потеряли присущее им чувство меры и принялись мстить, пустив в ход всю накопившуюся за долгие годы горечь и ярость. Их изгоняют из великосветских салонов? Что ж, пусть так. Они возьмут свое там, где только смогут, где пригодится их природный гибкий ум, то есть во всех важных общественных сферах: образовании, литературе, управлении, других видах деятельности, определяющих государственную политику, — короче говоря, в том, от чего зависит дальнейшая жизнь страны и ее будущее. Этот процесс будет развиваться все быстрее и быстрее, ему будут сопротивляться все упорнее и упорнее, и несчастный Марсель станет разрываться на части, а эти части символизируют собой две половины Франции.

— Вы-то можете позволить себе присутствовать при этом расколе в роли обычного наблюдателя, — говорил он мне, — хотя само по себе это зрелище ужасно. А каково мне? Ведь мне придется принять чью-нибудь сторону, но чью? В этом деле не может быть справедливого решения, нет ни правых, ни виноватых. Вероятно, здесь разумнее было бы поискать для себя выгоду, или положиться на чувства, но разве для них тут найдется

место? Ах, дорогой Рене, ваше счастье, что вам не надо разрываться напополам! А у меня, увы, и так слишком переменчивая натура, да к тому же я вечно раздваиваюсь, так что же со мной будет? Дайте совет. Возможно, еще не все сказано. Люди отказываются любить друг друга, но со временем, если наука продвинется вперед, может быть, станут делать прививку мудрости... Например, научатся прививать ум и сердце Пастера. Да, знаю, ваш отец его не любил, но если бы Пастер сделал людям прививку мудрости, наверное, все сразу бы изменилось, как вы думаете? А привить им нужно было бы самого Пастера! Ах, Рене, люди так глупы, но какое же несказанное удовольствие за ними наблюдать!

Глава VI,

*• в которой появляется,
а затем исчезает
господин Груссо •*

— **И**так, расскажите мне, что новенького. Вы ведь только что из Парижа. Как там «Пульпике»? Что подельывает господин Кайоль? Он такой же забавный, как и его сестрица, которая скверно ведет себя, пока он обчищает незадачливых сограждан... Он в Париже?

— Мне об этом ничего не известно. Наверное, он предается удовольствиям деревенской жизни и, как все люди из высшего общества, ожидает открытия охотничьего сезона. Зато я видел господина Груссо.

— Господина Груссо?

— Да, знаете ли, господина Груссо.

— Что-то я не припоминаю, кто такой господин Груссо.

— Как же, я о нем не раз вам рассказывал.

— Мне? Как вы говорите? Груссо? Нет, полагаю, вы ошибаетесь.

— Неужели?

— Ну конечно! Но что вам мешает рассказать о нем сейчас?

— И то верно. Думаю, это вас позабавит.

— Я слушаю.

— Итак, господин Груссо... Нет, дорогой Марсель, наверное, это будет неправильно... Тем более что я дал слово хранить тайну.

— Кому?

— Моему другу Пийо.

— Кому, Сен-Мексану?

— Да нет же, Пийо.

— Какая разница? Боже мой, мы же с ним знакомы. Разумеется, он не станет на вас сердиться, он ведь знает, что я никому ничего не разболтаю.

— Итак, Марсель... Только учтите, это секрет.

— Могила!

Это тоже было одно из наших любимых выражений. Когда кто-нибудь из нас говорил: «Могила!», обещая не выдавать тайну, это заведомо означало, что клятва нерушима, и он ручается своей честью. Я убедился, что Марсель будет

нем, как мраморная статуя. В конце концов, первым проговорился не я, а Пийо.

Раньше, еще до нашего с ним знакомства, Пийо, который мне очень нравился, принимал участие в соревнованиях наездников-любителей, и на него частенько заключали крупные пари. После целой череды несчастных случаев любительские скачки были запрещены, а ипподром Коломб, где их обычно устраивали, закрыт. Так Пийо оказался не у дел. Поскольку ему совершенно нечем было заняться, он переехал к сестре (или к сестрам) в Версаль, где она держала (или они держали) частную школу для девочек. Некоторое время Пийо прозябал в бездействии, потом стал подрабатывать то здесь, то там; именно тогда мы и познакомились. Со времен скачек у него осталось множество приятелей среди спортсменов. Не сообщу я этих подробностей, читателю непонятна была бы атмосфера того мира, куда я пригласил его заглянуть.

Я рассказал Марселю, что однажды, зайдя в «Пульпике», обнаружил там Пийо; за его столиком сидел незнакомец, красивый мужчина, безусловно выбритый, удивительно приятный, однако мой приятель не считал нужным представлять нас друг другу, чем очень меня озадачил. Я решил, что у них какой-то серьез-

ный разговор, не предназначенный для чужих ушей, и отсел подальше, за другой столик. Потом незнакомец удалился, и Пийо, подойдя ко мне, попросил извинения за то, что не представил нас. С этим человеком по имени Груссо судьба свела моего друга еще в юные годы, в доме матери, женщины невысокого происхождения. Этот тип привязался к мальчику и решил вооружить его знаниями, которые смогут пригодиться в будущем и обеспечить безбедное существование. Итак, он стал давать ему уроки... как бы это выразиться?.. словом, он обучил Пийо мастерству карточного шулера.

Марсель посмотрел на меня, вытаращив глаза, и смог только выдать:

— Ого!

Потом, немного придя в себя, воскликнул:

— Ну, дальше, дальше!

— Об остальном вы сами можете догадаться.

— Мне как-то не по себе...

— И вот, дорогой Марсель, этот самый Груссо, изображая знатного вельможу, жил себе в Париже на широкую ногу: у него были самые красивые девушки, роскошный дом с многочисленной прислугой. Так продолжалось полгода, а следующие полгода ему пришлось

странствовать по свету, из одного казино в другое, занимаясь своим опасным ремеслом и не задерживаясь нигде больше трех дней. Ведь полиция могла сцапать его в любой момент...

— Вот бедняга, — прошептал добросердечный Марсель, горестно вздохнув.

— Представьте себе, этот бедняга, как вы изволили его назвать, поддался душевному порыву и несколько месяцев назад связал свою судьбу с прелестной юной девой, которая страстно влюбилась в него, и от которой он сам был без ума.

— И что же случилось потом?..

— Потом случилось вот что. Он, конечно, не решился поведать ей правду о своей двойной жизни, и ему пришлось таскать ее за собой по всем казино и жульничать у нее на глазах, и так продолжалось все эти ужасные полгода.

— Но это же чудовищно!

— А теперь подумайте, что было бы, если бы с ним что-нибудь произошло... Потому-то он повсюду носил с собой заряженный револьвер... единственное средство разом покончить со всем прямо на месте, когда однажды его схватят за руку!

— Да, все так, все так... Бедный малый! Какая потрясающая жизнь!

— Неужели? Вы находите?

— Я не имею в виду моральную сторону дела, тут, разумеется, можно спорить... Но с точки зрения впечатлений, ощущений... Вы подумайте: полгода он жил в мире и покое, среди роскоши, о какой только может мечтать самый утонченный сибарит... потом внезапно все меняется, он рыщет по свету, словно разбойник, он живет как в аду, втайне страдая, он ежеминутно подвергается смертельной опасности, презирая ее и всякий раз принимая трезвое решение; он проявляет отвагу висельника, смеющегося в лицо бесчестию и смерти! Согласитесь, это необыкновенно!

— Признаюсь, я не пытался взглянуть на его судьбу с подобной точки зрения...

— Перед нами жизнь, лишенная спокойствия и очарования, далекая от той, о которой мечтал добрейший Плантен¹. Помните то знаменитое стихотворение...

---

¹ П л а н т е н Кристоф (1514–1589) – французский типограф и поэт, большую часть жизни провел в Голландии; внес много новшеств в печатное дело, к началу 1570-х годов его типография стала крупнейшей в мире. Самое знаменитое его издание – Biblia Poliglotta на четырех древних языках, отпечатанная тиражом около полутора тысяч экземпляров.

Дом иметь удобный чистый и красивый,
Сад, плоды, вокруг шпалер душистых строй,
Мало беспокойства и детей шумливых,
Обладать всецело верною женой...¹

Вы же сразу безошибочно поймете, что человек, имеющий такое представление о счастье, никогда не свернет с однообразной, скучной до дурноты «прямой дороги»; он мечтает только о мирном семейном счастье, да чтоб детей было поменьше... от них ведь столько шума! Какой великолепный эгоизм! Какая самоуверенность! Никто не посмеет ни на йоту изменить его четкие планы, ему нет никакого дела до тех, кто обитает с ним по соседству, он не станет лишать себя ни единого су ради того, чтобы им помочь! А тот, другой, далекий от мелочей убогой повседневности, существующий в постоянном кошмаре, щедрый и великодушный, ибо сам нуждается в снисхождении, — он-то, я уверен, всегда придет вам на помощь... Ах, Рене, все, что я вам наговорил, полный абсурд... такое со мной бывает в минуты отвращения к жизни, бесцельной жизни вроде моей! Мне бы

---

¹ Перевод Веры Швех.

так хотелось взглянуть на этого господина Грессо и на его юную супругу, ослепленную любовью...

— К сожалению, это будет не скоро. Кажется, завтра они намерены уехать...

— Ох, прямо мороз по коже. Уехать... Сколько таинственного и волнующего вдруг появилось в этом слове! Уехать, казино, и все прочее!.. Прощайте же, господин Грессо. Не стану желать вам удачи. Может быть, мы с вами когда-нибудь увидимся. Счастливого вам возвращения!

Месяц спустя Пийо сообщил мне, что на улице Чернуски, где жил господин Грессо, он видел вернувшуюся с юга молодую даму, в глубоком трауре...

Глава VII

• Дебюсси, или Голубой конверт •

Познания Марселя в области музыки были, скорее всего, не очень велики, зато он обладал такой тонкой чувствительностью, что постепенно пристрастился к музыке и не мог без нее обходиться. Меня уверяли, будто однажды ночью он позвонил скрипачу Капе, умоляя как можно скорее приехать к нему вместе со своими коллегами-музыкантами и сыграть квартет Дебюсси. Как-то раз мы долго обсуждали постановку «Пеллеаса»¹, и он мне сказал:

— И вы с того самого времени больше не виделись с Дебюсси?

---

¹ Имеется в виду опера «Пеллеас и Мелизанда» (1902), написанная Клодом Дебюсси. В основу оперы положена одноименная драма Мориса Метерлинка (1892).

— Почему же, еще несколько месяцев мы довольно часто виделись. Надо отметить, это было не лучшее время в его жизни. Сначала он бросил бедняжку Лили, а потом от него отвернулись все его друзья. Только мы с Пьером Луисом¹ не пожелали, чтобы наши имена значились в списке пожертвований в пользу несчастной, покинутой в полной нищете Лили: благородное начинание, ничего не скажешь, однако его целью было не столько поддержать Лили, сколько уничтожить Дебюсси. Какой же порыв негодования охватил тогда всех композиторов, какое единодушие они вдруг проявили! Черт возьми! Они просто хотели утопить Дебюсси, и такая возможность им представилась, причем на следующий же день после премьеры «Пеллеаса»! Ради этого можно пойти на небольшие жертвы. И тогда Дебюсси, озлобившись на весь род людской, решил не ждать продолжения событий и принять меры: он полностью

---

¹ Лу и с Пьер (1870–1925) – поэт, романист. Один из лучших его романов, «Женщина и паяц» (1898), был неоднократно экранизирован, самый известный фильм по нему снял великий режиссер Джозеф фон Штернберг: «Женщина – это дьявол» (1935) с Марлен Дитрих в главной роли.

изменил свою жизнь и отдалился даже от тех, кто был ему предан. Безумные дни... или дни безумия. Вот во что превратилась наша чудесная дружба — вероятно, теперь уже навсегда.

— Но ведь Дебюсси вас очень любил, разве нет?

— Конечно, я в этом нисколько не сомневаюсь.

— Вы же по сравнению с ним были совсем ребенком!

— Может быть. Дело в том, что наши отношения и так постепенно сходили на нет. Когда он женился на Лили, то стал реже видаться с друзьями. Бедняжка все время хворала.

Марсель ее отлично помнил: в первые месяцы после свадьбы она часто бывала в кафе Вебера вместе с Клодом. Блондинка...

— От природы она шатенка, довольно невыразительной внешности, — уточнил я.

— Ну а для нас пусть будет блондинкой, — отозвался Марсель. — Тоненькая и бледная... В романе написали бы «хрупкая», а на самом деле — чахоточная.

— Ее друзья дали ей прозвище «Ходячие мощи», — расхохотавшись, подхватил я.

— А мы — «Мелизанда»¹. Наверное, не слишком оригинально, зато гораздо милосерднее.

— Между тем, сам он не имел ничего общего с Пеллеасом.

— Естественно. Он больше походил на другого персонажа, Голо, и был так же красив.

Примерно в то же самое время я подружился с Рейнальдо. Все знали, что отношения между Дебюсси и Аном, как говорится, «не клеились». Рейнальдо не понимал музыку Клода. А тот, со своей стороны, считал творческие искания Рейнальдо полнейшей чепухой. Что касается произведений для вокала, то здесь Клод признавал за Рейнальдо кое-какие успехи, да и то не относил их к разряду выдающихся. Рейнальдо тогда купался в первых лучах славы, самых приятных, если верить Вовенаргу², да и Прусту тоже: он часто рассуждал на эту тему, хотя самому ему не до-

---

¹ М е л и з а н д а (Мелюзина) — фея, персонаж средневековых легенд, восходящих к кельтской мифологии. По преданию, заточила своего отца-короля в горе, и за этот грех должна была каждую субботу превращаться в змею.

² В о в е н а р г Люк де Клапье маркиз де (1715–1747) — французский мыслитель, писатель-моралист, автор знаменитых афоризмов.

велось в них понежиться, потому что слава обрушилась на него в одночасье. Несмотря на блистательный струнный квартет и прелюдию «Послеполуденный отдых фавна» Дебюсси был известен публике гораздо меньше, чем Ан: статьи о Рейнальдо, украшенные фотографиями, публиковались во всех ежегодных музыкальных справочниках, посвященных современным композиторам, — зато вы не нашли бы в них ни имени, ни изображения нашего великого Клода. Однако признание не имело для Рейнальдо никакого значения; он обращал внимание только на завистников и хулителей... ну, иногда еще на страстных поклонниц, в которых сам никогда не влюблялся. Дебюсси, в отличие от него, не был любим публикой, за исключением узкого кружка «приближенных»; казалось, применительно к нему само слово «любовь» теряло смысл. Дебюсси вызывал безумный восторг и страстное поклонение, и так было еще до появления на свет «Пеллеаса»!

— Видит бог, я очень люблю Рейнальдо, — повторял Марсель. — Тем не менее, должен признать, что ваш Дебюсси не производит на меня отталкивающего впечатления, несмотря на его огромный лоб и наигранное

добродушие: подумать только, обращается ко всем «мой дружок», а в жизни рубит с плеча, не зная сомнений.

До сих пор не могу взять в толк, как получилось, что этот гениальный музыкант — я имею в виду Дебюсси — и такой удивительный мудрец, как Марсель, будучи знакомы, никогда не поддерживали дружеских отношений. Может быть, их рассорил Рейнальдо? Дебюсси несколько раз сообщал мне об их легких стычках, или, вернее сказать, намеках на стычки, и о «первых шагах» Марселя к примирению; смею предположить, что музыкант ничуть не преувеличивал, ведь Пруст отличался неизменной доброжелательностью и скромностью. Я даже коснулся их отношений в книге, посвященной Дебюсси, и уже предвкушал, как Марсель, со своей стороны, сделает попытку представить события в выгодном для себя свете, и как я повеселюсь. Однако он не дал мне такой возможности: я совершенно позабыл о его обезоруживающей искренности. Да, правда, как-то вечером, выходя от Вебера вместе с Клодом, Марсель предложил проводить его до экипажа. В книге я написал: «Прусту показалось, что Дебюсси слушает его невнимательно и

не следит за ходом его мысли, не желая вникать во все ее тонкости и рассуждения». В общем, именно так все и было. Пруст добавил, что, несмотря на это, он пригласил композитора на вечер, который устраивал у себя дома в его честь — здесь тоже рассказы обоих совпадают, — однако Клод вежливо, но твердо отказался, оправдываясь тем, что он медведь, редко покидающий свою берлогу, и намерен впредь таковым оставаться. Тем все и кончилось.

— Да, милая выходка, вполне в духе Клода, — грустно признал я.

— О, я совершенно на него не сержусь! Не то чтобы он был плохо воспитан, вовсе нет, просто он из тех, у кого в детстве не было прислуги.

Естественно, я не поддержал его намерения оправдать Клода. Тогда Марсель произнес, понизив голос:

— Ну, ладно, ладно! Мы оба восхищаются Дебюсси, но Рейнальдо об этом не скажем. Это секрет, «могила», понятно?

Мало-помалу нам припомнилось все, например, как Дебюсси после важных драматических событий в его семейной жизни перестал появляться у Вебера. Мучительный раз-

рыв с Лили, встреча с другой женщиной, попытка самоубийства несчастной Лили, которую пришлось спешно везти в клинику. Дебюсси сделался неуловим, в глубине души мне было жаль покинутую женщину, и все окружение Клода горячо поддерживало бедняжку..:

Марсель нетерпеливо ждал, когда я продолжу. Я рассказал ему о том, как ходил навещать Лили на улицу Бизе, как мы вели доверительные беседы, как в самую горькую минуту, когда желания жить уже не осталось, несчастная воспрянула духом, узнав о том, что ей сочувствуют сотни людей, есть даже анонимные доброжелатели. Она показала мне письма, которые только что получила, среди них лежал конверт со значительной суммой денег без имени отправителя. Она сломала себе голову, гадая, кто был этот таинственный друг, проявивший такую щедрость.

— Значит, она пыталась его найти, — протянул Марсель.

— Конечно, она мучилась оттого, что не имеет возможности выразить ему свою признательность.

— Правда?

— Она даже полагала — и я был с ней почти согласен, — что в этой щедрости есть нечто оскорбительное.

— О боже! Да будет вам! — вскричал Марсель.

— У меня до сих пор перед глазами тот голубой конверт.

— Доставленный, наверное, каким-нибудь посыльным...

— Да, Марсель, верно...

Внезапно меня осенила одна мысль, возможно, безумная, и я взглянул ему прямо в глаза.

— А кстати, милый Рене, — вдруг оживился он, — я получил от Рейнальдо письмо, где он много говорит о вас... и, разумеется, о своей возлюбленной, Саре Бернар! Хотите почитать?

Глава VIII

• *Самодержавный властитель* •

Щедрость Марселя стала притчей во языцах. Госпожа де Клермон-Тоннер в выразительном очерке, посвященном Роберу де Монтестью и Прусту, рассказала историю о том, как Марсель после ужина вознамерился отблагодарить метрдотеля тремя сотнями франков, как все дружно накинулись на него, объясняя, что не следует подавать дурной пример и баловать прислугу, а он все-таки настоял на своем.

Жан Кокто, в свою очередь, писал: «Однажды мы с Прустом выходили из отеля «Ритц». Он, по доброте сердечной, раздал на чаевые все, что было у него в кармане. Подойдя к швейцару, он обнаружил это и спро-

сил, не может ли тот одолжить ему пятьдесят франков. “Кстати, — торопливо проговорил он, увидев, как мужчина полез за кошельком, — оставьте их себе, они предназначались вам.”»

Так швейцару удалось «неплохо» заработать.

Мне ничего не остается, как добавить к этому прелестному анекдоту текст *in extenso*¹ письма Марселя ко мне, которое поможет вам составить представление о его щедрости, немного ребячливой, но достойной восхищения.

Рене!

Обещайте, что дадите мне ответ, *как настоящий друг*, то есть честно и без недомолвок, потому что я все это время глаз не сомкнул, и меня неотступно преследовали мучительные сомнения. Помните, как накануне вечером, у Вебера, когда мы уже собрались уходить, потому что кафе закрывалось, и нас спешили оттуда выставить, я, несмотря на Ваши настойчивые возражения, стал расплачиваться и

---

¹ Полностью, без сокращений (*лат.*).

дал официанту монету в десять франков? Если мне не изменяет память, по счету с нас причиталось четыре с половиной или пять франков, разницу я оставил на чай; мне показалось, что это вполне разумная сумма, и официант вроде бы тоже был доволен.

Однако — тут я призываю Вас изо всех сил напрячь память — не прошло и нескольких минут, как я, выходя вместе с Вами из кафе, заметил нашего официанта: он вполголоса о чем-то беседовал со своим коллегой, посматривая на нас престран-ным образом. Я на секунду задумался, с чего бы это, но ничего Вам не сказал, потому что счел эту сцену недостойной внимания; но потом, вернувшись домой, я вспомнил, как несколькими днями раньше, получив примерно такой же счет, разумеется, от *другого официанта*, я оплатил его, оставив двадцать франков, а не десять; получается, в прошлый раз чаевые были втрое больше. Если бы не странная сцена, свидетелем коей я невольно стал, уверяю Вас, мне не пришло бы в голову сопоставлять факты. Надо сказать, доселе я не испытывал никаких угрызений совести, иначе в

нынешних обстоятельствах воздержался бы от невольного, но все же весьма прискорбного проявления скупости. Я намереваюсь в следующий раз исправить ошибку, — если, конечно, вы посоветуете мне так поступить, — потому что не следует *усугублять свою вину* (кстати, об этом я тоже прошу вас поразмышлять). В обсуждении событий, конечно, принимали участие *оба* официанта, в этом у меня нет никаких сомнений, но больше всего меня терзает одно предположение: *второй*, получив сведения от *первого*, мог вообразить, будто с ним поступили так по злему умыслу, чего, клянусь Вам, у меня и в мыслях не было! Полагаю, — нет, я убежден, — что бедный малый воспринял этот случай как скрытое неодобрение его поведения, в то время как виной всему была моя обычная рассеянность. Ни за что на свете я не хотел бы, чтобы он продолжал так думать, ведь обижать тех, кто ниже тебя, — это величайшая *подлость*, самая омерзительная низость. А ведь он, наверное, так и решил, как вы думаете? Скажите мне прямо, без околичностей, что мне делать, потому что я могу: 1) успокоить беднягу и 2) вознагра-

дить его как следует, ибо это будет справедливо¹. Жду Вашего ответа с обратной почтой.

Странное письмо, не так ли? Между тем, я не сомневался в искренности Марселя. И все же где-то в глубине этих строк чувствовалась едва заметная, возможно невольная, насмешка. Впрочем, так или иначе, из этого письма понятно, каков был Марсель, с его вечными тревогами и беспокойством по пустякам. Он испытывал угрызения совести из-за дурного поступка, которого не совершал, но который могли ему приписать, и мысль об этом была для него еще более невыносима, чем даже мысль о болезни и смерти.

Подобно большинству самодержавных властителей, — как самых жестоких, так и самых милосердных, — он любил, когда любили его. Впрочем, он не забывал о щедрости, справедливо полагая, что при неблагоприятном стечении обстоятельств она ему сослужит добрую службу.

---

¹ Он так и сделал: вознаградил «обиженного» официанта, тот горячо благодарил его, хотя и был немало удивлен. (Прим. автора.)

Во время подготовки к публикации переводов Рескина ему пришлось выслушать суровые нарекания от сотрудников «Меркюр де Франс» за то, что, нещадно правя корректуру, он совершенно измучил и загонял работников типографии. Потому-то он решил впредь, если будет выпускать в свет новую книгу, сделать все так, чтобы никто не мог ему перечить. Он много раз повторял мне:

— Дорогой друг, вы с вашими знакомствами, возможно, ниспосланы мне самим Провидением, и однажды, когда я буду нуждаться в помощи, вы сумеете устроить все наилучшим образом. Когда настанет время, я попрошу вас оказать мне любезность: отправиться к издателю, которого мы с вами подыщем, и получить его согласие, — с вашим умением ладить с людьми это просто детская забава, — на публикацию труда, написанного, как это ни печально, вашим покорным слугой; при этом я намерен взять на себя расходы на печать, переплетные работы и рекламу книги. Если вы согласитесь, я попрошу вас еще кое о чем: действуйте решительно и ни в коем случае не напоминайте мне о том, чего требуют и чего не допускают правила приличия. Не нужно говорить мне, что с моим талантом не следует вес-

ти себя, подобно дилетанту, что об этом немедленно все узнают и поднимут меня на смех. Где это видано, издание за счет автора!.. Как это ужасно, как унижительно! Не стоит упоминать также, что издатель, согласившийся на такие условия, совершенно не будет интересоваться моей книгой и позволит ей провалиться, потому что все его расходы оплачены, а до прочего ему дела нет! А вот это мы еще посмотрим, я ведь намерен ему предложить — и попрошу вас взять на себя труд ему это передать — достойный процент от продажи моего произведения, ежели он согласится заняться его распространением. Видите ли, друг мой, при моем слабом здоровье мне необходимо, чтобы душа была спокойна. Мне невыносима мысль о том, что некий редактор станет читать и изучать мой текст, и только потом примет решение. Я не хочу умереть, дожидаясь, пока какой-то человек, которого я не знаю, и даже никогда не видел, проявит доброту и, дав благоприятный отзыв, подарит мне право дышать и жить. Боюсь, для этого я слишком горд!

Между тем однажды он мне признался, что был бы счастлив поскорее обзавестись собственным издателем, ведь «в голове у него за последнее время кое-что созрело»; я

охотно предложил ему собрать необходимые сведения, чего ни в коем случае не стал бы делать ради себя самого. Поначалу он был глубоко растроган и написал мне:

Вы, наверное, думаете, какая у меня темная и низкая душа, какое неблагодарное сердце, как я расчетлив и корыстолюбив, — ведь я до сих пор не поблагодарил Вас за бесценные хлопоты и за все, что Вы для меня сделали, проявив несказанную доброту и любезность. Это оттого, что мне хотелось лично выразить Вам мою признательность и дружеские чувства, и каждый день я думал, что, наконец, соберусь с силами и навещу Вас, но мне было очень плохо, и я со дня на день откладывал визит: к тому меня вынуждали постоянное удушье и утомление.

Потом, внезапно передумав, мой мягкосердечный тиран изволил послать мне такую записку:

Дорогой Рене!

Теперь я осознал, что Вы плохо поняли меня вчера вечером. Мне было бы

крайне неприятно, если бы Вы взяли на себя эти хлопоты. Я с Вами совершенно искренен и рассчитываю на Вашу дружбу, которая подскажет Вам, что именно нынешние, а не прежние мои слова *серьезны как никогда*, и я говорю это не из скромности или нежелания обременять Вас заботами, но из-за себя самого, ибо я без всякой пользы могу попасть в неловкое положение, что было бы весьма нежелательно. Итак, договорились, и больше никаких недоразумений: Вы никуда больше не пойдете и даже никому не расскажете, что куда-то ходили. Надеюсь, мы увидимся нынче вечером. Посылаю Вам самый теплый дружеский привет.

Марсель

До меня не доходят никакие новости, и чувствую я себя довольно скверно.

Вечером мы увиделись, и в конце концов поиски издателя все же возобновились, что принесло удовлетворение и мне и, по видимому, ему тоже, так как он написал мне:

В ожидании того момента, когда мне можно будет выезжать и посещать «Пуль-

пике», дыша его спертым, тяжелым воздухом, я хотел бы прийти к Вам, сердечно пожать руку и сказать, как я тронут Вашим милым вниманием и неизменной готовностью прийти на помощь.

Потом, поскольку спешить было некуда, а может потому, что предложить пока было нечего, мне пришлось окончательно оставить переговоры.

* * *

Сейчас почти невозможно поверить в то, что роман «По направлению к Свану» отвергли все влиятельные парижские издательства: «Нувель Ревю Франсез», «Меркюр де Франс», «Фаскель»¹, «Оллендорф»²; его взяли лишь в «Грассе», да и то на униженных условиях, предложенных самим Марселем, то есть за счет автора. Только после ошеломительного успеха книги издательство

---

¹ Этому издателю роман рекомендовали Луи де Робер и Гастон Кальметт, а потом и Морис Ростан. (Прим. автора.)

² Которому его рекомендовал Луи де Робер. (Прим. автора.)

«Нувель Ревю Франсез», наконец, настезь распахнуло двери перед великим писателем. Когда в те времена вы упоминали Марселя Пруста, вам отвечали: «Марсель Пруст¹... э-э...» Кроме нескольких верных друзей, которые ничем не могли помочь, долгие годы никто даже не вспоминал об этом неудачнике, этом сумасброде, чьи книги впоследствии привели в восхищение весь мир!

---

¹ Много лет спустя, после кончины Пруста, я однажды был в гостях у своих добрых друзей, – пожалуй, стоит их назвать, – супругов Корто, и речь зашла о творчестве Пруста. Я заметил, что в его произведениях есть чудесные отрывки, из них следовало бы составить антологию, чтобы читателям не приходилось отыскивать их в огромных объемах текста. Кто-то из присутствующих сказал: «Да, действительно, например, сцена с Франсуазой, которая режет цыпленка, или смерть бабушки». – «Смерть бабушки, это откуда?» – спросил я. «Как это откуда? – удивилась госпожа Корто. – Это же из...» – Тут она попыталась вспомнить и призвала на помощь мужа. – «Фред, вы не припоминаете? Смерть бабушки...» – «Да, как же, это так прекрасно». – «Рене спрашивает, откуда этот эпизод». – «Откуда этот эпизод, смерть бабушки? Разумеется, из “По направлению к Свану”. Или, скорее, из “Под сенью девушек в цвету”. Вам так не кажется? В общем, это точно в одном из этих двух романов». Вернувшись домой, я вооружился обоими томами и стал искать нужный отрывок, копаясь в бесконечно длинных абзацах. Все равно что

искать иголку в стоге сена! Промучившись целый час, я убедился, что этой сцены нет ни в одном, ни в другом романе. Назавтра мне нужно было зайти в «Нувель Ревю Франсез», где у меня готовилась к публикации книга. Уж там-то, в святилище Марселя Пруста, мне скажут всю правду. На следующий день я отправился в издательство и рассказал двум молодым специалистам по Прусту произошедшую со мной накануне историю, и она страшно их развеселила. «Вот он, настоящий снобизм, – сказали они. – Люди восхищаются Прустом, а сами его не читали». – «А в самом деле, – вдруг спохватился я, – откуда эта сцена?» – «Что значит откуда?» – «Ну да, откуда сцена смерти бабушки?» Они явно не ждали этого вопроса. Они переглянулись, и один из них произнес: «Э-э, точно не в “Сване” и не в “Девушках”...» Черт возьми, но об этом же они узнали из моего рассказа! «Так откуда это?» – вновь спросил я. – «О, надо же, какая глупость... Представьте себе, я не помню», – признался один. – «И я тоже, – пробормотал другой. – Но ведь мне казалось, я знаю наизусть...» – «Да и я тоже! Постойте, это должно быть где-то в... погодите... да... нет... в “Содоме и Гоморре”, наверное... или в “Германтах”...» Да, это было в «Германтах», но юные фанатичные поклонники Пруста имели об этом столь же смутное представление, как мои

Глава IX

• В поисках нового пристанища •

— Кажется, Месье сегодня получше. Месье проспал допоздна. Ясное дело, после такой-то ночи...

— Да что вы говорите, Фелиция!

— Три раза мне звонил,¹ ингаляции ему готовила. Как ни приду, а он сидит в кровати да работает. Все пишет, пишет.

— Это хороший знак.

— Ох, что верно то верно. Верно и то, что хорошо бы вам с Месье поговорить, о чем он там пишет. Уже который день он работает без продыху.

---

¹ О том, каким способом «звонил» Марсель, мы уже упоминали раньше. (Прим. автора.)

И в самом деле, Марсель мне очень обрадовался. Он сообщил, что чувствует себя неплохо, что провел ночь довольно сносно (лучше, чем многие ночи за эти недели в Версале), что ему даже приснился сон. Марсель вообще крайне редко рассказывал о том, как он спит и что видит во сне. Он поведал мне, что провел ночь — разумеется, не наяву — с восхитительной молоденькой девушкой, немного странной; она была в его сновидении вместе с другой, властной и злой, втайне ненавидевшей Марселя, и они совершали разные глупости. Возможно, упоминание о них нашлось бы на страницах его романа, если хорошенько поискать... И все же мы вряд ли бы их обнаружили, ведь в 1906 году, как утверждают все биографы Пруста, замысел «Девушек в цвету» лишь едва зародился где-то на самой дальней границе сознания автора. Еще Марсель рассказал мне, что в своих фантазиях общался с множеством людей, видел множество новых лиц, возникавших перед его мысленным взором после бесед со мной, и толпа гостей была так велика, что ему захотелось крикнуть: «Довольно, уходите, я больше никого не принимаю!» Гектор принес ему лег-

кий ужин, так как было уже одиннадцать часов (вечера, разумеется), а Марсель со вчерашнего дня еще ничего не ел.

Гектор был главным дворецким, властелином помещений для прислуги. С семейством Гроссевр¹ его связывали довольно тесные отношения, он безраздельно царил в особняке, занимал особое положение и имел огромное влияние. Гектор был важным человеком и знал это. Высокий, широкоплечий, темноволосый, он гордо носил имя легендарного героя: оно отлично подходило к его красивому античному профилю. Гектор держался уверенно, с легким оттенком превосходства, впрочем, разговаривал очень вежливо и всегда готов был оказать услугу. Совсем рядом с особняком и парком, на улице Морепя, у него имелась антикварная лавка, и когда он занимался делами в Резервуар, покупателей обслуживала его жена. Гектор обладал коллекцией весьма любопытных редкостей, и из его бесед с Марселем я, невежественный обыватель, извлекал немало полезных сведений.

---

¹ Члены семьи Гроссевр были владельцами и хозяевами особняка Резервуар, передававшегося по наследству от отца к сыну. (Прим. автора.)

— Подумать только, месье Марсель, — говорил он, — нынче утром мне принесли уникальную вещь, скрипку Томмазо Балестриери, обечайки и головка из волнистого клена, с прямыми прожилками, инструмент изготовлен в Кремоне, стоит дата — тысяча семьсот тридцатый год. Это было бы просто чудо, если бы она оказалась у меня в магазине. Вот только цена... Представляете, за нее просят шесть тысяч... да еще наличными!

Марселю очень нравился Гектор. Побыв в комнате еще минут пять, тот помчался спать; когда все слуги расходились по домам, он обычно задерживался допоздна, но только ради Марселя, потом и ему приходилось удаляться: у него начинали слипаться глаза.

Марсель искал себе квартиру. Решение переехать он принял от безысходности, он не мог даже слышать о том, чтобы остаться в доме на улице Курсель, в необъятной безлюдной пустыне, где еще жила душа матери, где за минувшие восемь месяцев он пролил столько слез, и среди уродливой мебели все еще звучали отголоски его горестных рыданий.

— О нет! Только не туда, Рене, только не туда! Неважно куда, в любое другое место...

Избавиться, освободиться... Все равно какой ценой, все равно где! Мне нужно пристанище, новое пристанище...

Но здоровье Марселя внушало опасения, и в таком состоянии он, конечно, не смог бы сам заниматься поисками. Как-то утром я получил от него такое письмо:

Дорогой мой Рене!

Поскольку Вы проявляете ко мне необычайную доброту, я вынужден вновь ею злоупотребить. Не думайте, я не собираюсь отправить Вас, кроме улицы Прони, дом 77, еще и в дом 31 по улице Лаперуза, хотя он, конечно же, недалеко от Вас. Я вспомнил, что мне однажды говорили об удивительной квартирке на улице Мейсонье, номера дома не знаю: кажется, она совсем небольшая и находится рядом с Вами. Больше всего меня интересует, каковы размеры гостиной и столовой (судя по всему, обе комнаты достаточно просторны), правда ли, что эта квартира *преlestна*, а также ее «последняя цена». С Вами я могу быть спокоен, Вы всегда делаете все возможное и даже более того (это свойственно всем выдаю-

щимся людям), а посему умоляю туда не ходить, если моя просьба хоть в малой степени вызовет у Вас затруднения.

Ваш друг, самый несносный в мире зануда,

Марсель Пруст

В тот день я собирался по своим делам в Париж; стоит ли говорить, что я отправился на улицу Мейсонье, нашел нужный дом и тщательнейшим образом обследовал квартиру: она мне понравилась. Надо отметить, находилась она действительно в двух шагах от меня, почти дверь в дверь. Как было бы замечательно, если бы Марсель в ней поселился!

Марсель был очарован моим рассказом. Но на следующий день я получил очередное письмо. Он думал всю ночь. Мысленно вновь посетил квартиру на улице Прони, стал строить грандиозные планы, прикидывать, какие стены снести и как все перестроить, чтобы его новое жилище превратилось в некое подобие дворца, — увы! — абсолютно бесполезного для его обитателя, который привык проводить день за днем замураванный в одной-единственной комнате!

Рене!

Извините за надорванную бумагу и сообщите, возможно ли то, о чем я Вам скажу. Взять передние комнаты (разумеется, на улице Прони), сделать из них большую гостиную, малую гостиную и туалетную комнату (или гостиную, две малые гостиные и спальню), снести перегородки между двумя комнатами, выходящими во двор, и превратить их в просторную столовую. Что Вы об этом думаете? Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение. А может, следует сходить туда и поговорить с привратником? Не могли бы Вы спросить у него, не размещается ли спальня рядом с кухней, и не устроен ли дом таким образом, что я буду слышать игру на рояле и каждый шаг соседей у себя над головой или за стеной сбоку. Возможно ли, при нынешней отделке дальних комнат, сделать из них столовую? И позволяет ли *отделка* столовой превратить ее в гостиную? Будут ли кухонные запахи проникать в ту столовую, что я намереваюсь устроить? И большие ли потребуются расходы, чтобы заново отделать прежнюю столовую или новую столовую, ту, в которую я,

если сочту нужным, переделаю другие помещения? Дорого ли обойдется разрушить старые перегородки и возвести стены в других местах?

Сообщите, что Вы обо всем этом думаете, хотя бы в общих чертах. Было бы очень любезно с Вашей стороны сходить к привратнику и получить у него дополнительные сведения.

Искренне Ваш
Марсель

Улица Прони находилась еще ближе к моему дому, чем улица Мейсонье, и у меня были веские основания надеяться, что тревоги и метания Марселя наконец закончатся. Однако мои мучения, похоже, только начинались! По-видимому, Марсель все забыл, потому что не прошло и трех дней, как он написал мне следующее письмо:

Дорогой Рене!

Если завтра Ваши дела приведут Вас
или на площадь Лувуа,

или на бульвар Османн, к дому 102
(помните, тот самый дом, о котором мы недавно говорили; мы хотелось бы, что-

бы Вы осмотрели антресоли, а также второй этаж, где сейчас кто-то живет, но, возможно, привратник сумеет показать Вам помещение),

или к дому на улице Маргерит или на улице д'Артуа,

то, рассказав о своих впечатлениях, Вы доставили бы огромное удовольствие

Вашему другу

Марселю

Следует пояснить, что дом на бульваре Османн, куда мне предстояло отправиться, принадлежал на правах неделимой собственности Марселю, его брату и нескольким родственникам;¹ исходя из практических соображений, именно на этой квартире моему другу и следовало бы остановить свой выбор. Марсель, судя по всему, не захотел обосноваться в квартале, где жил я, о чем я, конечно, сожалел. Тем не менее, я незамедлительно поехал на бульвар Османн, все осмотрел и дал более

---

¹ Дом этот они унаследовали от господина Вейля, дядюшки госпожи Пруст, высокого, невероятно худого человека с маленькой седой бородкой, с которым я когда-то был знаком. (*Прим. автора.*)

чем благоприятный отчет о своих впечатлениях. Но внезапно понял, что Марсель снова погрузился в сомнения... Теперь уже я принял настойчиво его уговаривать.

— Видите ли, Марсель, у меня по-прежнему камень на сердце. Мне кажется, когда вы устроитесь на новом месте, все изменится к лучшему. Вы, наконец, сможете работать. Вам это совершенно необходимо. Вам следовало бы написать большой роман, в который вы вложили бы всего себя!

— Представьте, я давно над этим думаю... типажи можно найти повсюду, неважно где... Ведь это вовсе не мешает им быть абсолютно достоверными.

— Мне кажется, когда вы в конце концов всерьез впряжетесь в работу, то создадите нечто потрясающее. Вот именно, потрясающее.

На что он мне заявил:

— Там будет видно. Я не люблю спешить, подождем еще несколько дней, и тогда будем делать окончательный выбор. Относительно этой квартиры мне не о чем беспокоиться: я могу дать распоряжение, меня предупредят, когда жильцы, снимающие ее, съедут, и она никуда от меня не денется. Однако, может

статься, в ближайшие четыре дня мне придется прибегнуть к вашим советам касательно одного решения, которое пока еще не полностью созрело, но в ближайшее время, возможно, я все же его приму, если, конечно, оно не покажется вам совершенно нелепым или невыполнимым, а опасаться этого у меня есть множество оснований, но о них я сообщу тогда же, когда посвящу вас в детали моего плана, ежели, по зрелом размышлении, не откажусь от него вовсе и сочту необходимым представить его на ваше рассмотрение. Только не подумайте, что я сошел с ума. Уверяю вас, это не так!

Потом, схватив меня за руку, торопливо добавил:

— Не показалось ли вам странным, дорогой друг, что, приехав в Версаль всего на несколько дней, я нахожусь здесь уже около трех недель и пока не собираюсь никуда уезжать? Спасибо вам, Рене.

Глава X

• Крушение целого мира •

В годы правления господина Грeви¹ Лора Эйман была одной из самых известных куртизанок, чьей благосклонности добивались многие мужчины. Необыкновенное обаяние и тонкий ум сделали ее настоящей знаменитостью, что нечасто случалось с женщинами ее круга. Сколотив изрядное состояние, она рассталась с бурной светской жизнью, чтобы, наконец, полностью посвятить себя любимому занятию — скульптуре, в которой она проявила себя как талантливый мастер. Она познакомилась с Марселем, когда тот был

---

¹ Грeви Жюль (1807–1891) – французский политический и общественный деятель, президент Французской республики с 1879 по 1887 год.

еще юношей, и вылепила его бюст¹: он помнил об этом всю жизнь и необычайно этим гордился. Как только позволяло состояние здоровья, он старался ее навестить. Лора вызвала у него восхищение, он превозносил ее, ставя в один ряд с ослепительной Лианой де Пужи и гораздо выше Эмильены д'Алансон, хотя обе эти незаурядные особы, как заметил кто-то из остроумных современников (возможно, это был Шолль²), внесли бесценный вклад в возрождение «блеска и величия французской проституции».

Марсель написал Лоре Эйман множество писем, и после его кончины она сочла необходимым познакомить с ними современников. Так же поступила и мадемуазель Луиза де Морнан, очаровательная актриса. Мы должны выразить им признательность: они тщательно сохранили письма никому тогда еще не известного литератора, следовательно, обладали

---

¹ Она создала также скульптурный портрет профессора Пруста, с которым много лет дружила; впоследствии Марсель подумывал о том, чтобы преподнести бюст отца в дар медицинскому факультету Сорбонны или Медицинской академии. (*Прим. автора.*)

² Ш о л л ь Орельен (1833–1902) — французский журналист и писатель; блистательный юморист.

тонкой интуицией, редкой прозорливостью, а главное, по-настоящему умели ценить дружбу.

Мадемуазель де Морнан была близкой подругой одного из видных членов того самого кружка — «сенакля», — к которому на протяжении почти пятнадцати лет, ни разу об этом не пожалев, принадлежал и Марсель. Луиза де Морнан делала лишь первые шаги на сцене и переживала тот несчастный период, какой случается в карьере многих молодых актрис; в 1905 году, к моему великому удовольствию, Марсель обратился ко мне с просьбой: не затруднит ли меня справиться у кого-нибудь из знакомых, или, может быть, не мог бы я сам¹... В общем, несколько месяцев спустя в театре Водевиль решили поставить пьесу Бриё². До меня дошли слухи, что на две роли — совершенно неравноценные — актрисы еще не утверждены, но одна уже предложена Лоранс

---

¹ Стоит ли уточнять, что, увидев очаровательную знакомую Марселя, я заподозрил его в том, что им руководит не только дружеская забота? (*Прим. автора.*)

² Бриё Эжен (1858–1932) — драматург, член Французской академии (1909), кавалер Ордена Почетного легиона. Автор многих пьес, наиболее известные среди них: «Бланшетта», «Три дочери господина Дюпона», «Красное платье», «Одинокая женщина». После кончины Бриё его академическое кресло унаследовал Франсуа Мориак.

Дюлюк, которая играла героиню в моей пьесе «Тряпка», выдержавшей к тому времени уже сто двадцать представлений. На другую роль мне, возможно, удалось бы «протащить» Луизу де Морнан. Я предупредил о своих намерениях Лоранс Дюлюк, и она заверила меня, что если сама будет занята в постановке, то охотно замолвит словечко за мою протеже. Тогда я написал Марселю, попросив его узнать, хочет ли Луиза играть в этой пьесе. В ответ он прислал письмо, где подтвердил горячее желание своей подруги получить роль, а также высказал собственное мнение — надо сказать, довольно суровое, — по поводу моего знаменитого брата-драматурга.

Дорогой друг!

Поскольку Вы того хотите, Дюлюк будет играть великолепно; кстати, Луиза ее обожает и, что ни день, осыпает самыми горячими похвалами. Если Ваши хлопоты по поводу Луизы не приведут к желаемому результату, то я использую другую возможность; о том, что она имеется, я до недавнего времени даже не подозревал. Итак, мне сообщили, что Брие не единственный автор той самой пьесы, есть еще Эрвьё. Кста-

ти, с ним я довольно хорошо знаком. Правда, характер у Эрвье такой, что попросить его ради старого знакомства (как, впрочем, и ради самой крепкой дружбы) не то что дать кому-нибудь роль, но даже помочь с выбором штор, — это все равно как уговорить господина Пенлеве замедлить вращение Луны вокруг Земли, ибо такова прихоть графини де Ноай¹. Не знаю, должен ли я пытаться проломить стену, отделяющую литературную жизнь Эрвье от его светской жизни, но я непременно попробую это сделать, если Ваши куда более влиятельные агенты потерпят поражение. Дорогой друг, боюсь, я взвалил на Вас слишком много забот. Мне так жаль, что Вы не пришли вчера вечером к Веберу, ведь мне так много нужно было Вам рассказать.

Искренне преданный Вам
Марсель Пруст

---

¹ П е н л е в е Поль (1863–1933) – математик, специалист по аэронавтике, профессор Политехнической школы, президент Академии естественных наук; со времен дела Дрейфуса стал активно заниматься политикой. Н о а й Анна Элизабет графиня Матье де, урожденная княгиня Бранкован (1876–1933) – французская поэтесса, хозяйка модного светского и литературного салона.

Напрасные хлопоты! Пока мы собирались действовать, роли в пьесе были распределены. Тем не менее, Марсель испытывал ко мне благодарность, о чем свидетельствовало его следующее письмо:

Дорогой друг!

Уже который вечер я принимаю решение на завтра непременно выйти из дома и, как только буду уверен в том, что у меня хватит сил ступить за порог, позвонить Вам и спросить, могу ли я приехать и лично поблагодарить Вас за бесконечную доброту. Однако я все это время был болен, за исключением пятницы, когда к половине первого ночи все же добрался до Вебера в надежде увидеться с Вами. Но Вас там не было. А так как я все эти дни лежал в кровати, но по-прежнему нездоров и не знаю точно, когда мы сможем увидеться, я решил послать Вам это письмецо, чтобы сказать, какую дружескую благодарность, какую глубочайшую признательность я хотел бы выразить Вам за необычайную любезность, которую Вы проявили, дав лестные рекомендации бедняжке Морнан. Приняв во внимание то, о чем Вы мне

говорили, я не стал предпринимать никаких шагов для встречи с Э... Теперь, когда роли в пьесе распределены, думаю, это не имеет смысла. Но Ваша любезность, дорогой друг, достойна всяческих похвал! Не могу выразить, как она меня тронула, какую благодарность я к Вам испытываю.

Ваш всем сердцем

Марсель Пруст

В отличие от писем к Моран, письма Марселя к Лоре Эйман гораздо более учтивы и любезны. Вместе с тем, в них вы не найдете ни нежности, ни ласковой лести, какими обычно полны послания любовников, или бывших любовников, или тех, кто надеется ими стать. Возможно, люди недоброжелательные или испорченные выскажут предположение, что «здесь все же что-то не так», и увидят в молодом Марселе Керубино, или Фортунио¹, поющего свою знаменитую песенку. Конечно, в этих письмах есть доля кокетства, но это вполне естественно, когда речь идет о красивой женщине и ее юном «вер-

---

¹ Имеется в виду герой комедии Альфреда де Мюссе «Подсвечник»; его песенка о любви, известная российскому читателю в великолепном переводе И.С. Тургенева, очень красива и печальна.

ном рыцаре». Со своей стороны, я был убежден, что Марселю, каким я его знал в ту пору, робкому, утонченному, чувствительному, показалась бы отвратительной даже мысль о грубой интимной связи, способной испортить приятный флирт, который его забавлял, очаровывал и вводил в избранный круг, где царила Лора Эйман. Кроме того, сама Лора Эйман не считала Марселя одним из «этих юных болванов»... Вероятнее всего, более продолжительное общение с ним стало бы для нее обременительным, особенно если вспомнить ее привычку к довольно легкому — или не слишком строгому — поведению. Она не довольствовалась бы тем, что ей предлагали, и вполне могла счесть подобную сдержанность оскорбительной. Но не следует забывать о чуткости и удивительной тактичности Марселя, а также о том, что для него не составляло никакого труда превратить обычные любезные слова в любовную игру, более сладостную, чем сама любовь. Робер де Бильи рассказывал, например, «историю о юбке», где главную роль играла Лора Эйман. Поль Бурже¹ написал новеллу

---

¹ Бурже Поль (1852–1925) – один из крупнейших писателей конца XIX – начала XX века, автор многих романов, рассказов, путевых очерков. В 1894 году был избран членом Французской академии.

«Глэдис Харви», которую сам я, смею сказать, не читал, но речь в ней, кажется, шла о некоей опасной особе, списанной с Лоры Эйман. Та отравила книгу Марселю, сделав обложку из своей шелковой нижней юбки, — или, если верить Альберу Фламану¹, из лоскута от платья, — приложив к посылке следующую записку: «Желаю Вам никогда не встретить такую, как Глэдис Харвей»... Невинный флирт, обычная светская фривольность, которая ничего не значит и ни к чему не обязывает.²

Поговаривали также, что Марселя обворожила и на некоторое время привязала к себе Леони де Кломениль, красавица на пороге зрелости. Мне это кажется не слишком правдоподобным; трудно представить себе, что «седая прядь» этой высокой дамы с медлительными, важными манерами — немного смешными, вполне в духе времени, — могла внушить ему страстное чувство. Стоит лишь

---

¹ Ф л а м а н Альбер (1877–1956) – литератор, журналист, старый друг Пруста.

² Между прочим, Марсель, еще не достигнув совершеннолетия, подписывал письма к Лоре Эйман такими словами: «Ваш старый, нежный, почтительный...», из кокетства старя себя; об этой его уловке я упоминал в первой главе. (Прим. автора.)

на секунду представить себе Кломениль... и рядом Марселя!..

Лора Эйман, Кломениль, Лиана де Пужи¹, ночные звезды, меркнущие в небесах! Каждый, кто достоин жить на земле, произносил тогда эти слова. И еще много других слов...

Я был невероятно, отвратительно избалованным мальчишкой, и учился, лежа в кровати. Мой наставник, добрейший господин Малле, приходил ко мне утром, в далеко не ранний час, и давал уроки, расхаживая по комнате; я, слушая его вполуха, украдкой листал газеты. Помню, мне с трудом удавалось оторваться от газеты «Жиль Блаз». Все великие репортеры той поры, — начиная с Банвиля, Мендеса Армана Сильвестра и славного Бержера, и заканчивая Анри Фукье (который подписывал свои статьи псевдонимом «Коломбина»), — сотрудничали тогда в «Жиль Блаз». Но главное, там

---

¹ Кстати, о Лиане. Не могу не вспомнить один анекдот. Рассказывали, что Фредерик Мадразо был в нее без памяти влюблен. Зная это, Лиана, которой он очень нравился, пускала его к себе, когда принимала ванну, и говорила: «Посмотри, Коко, какие у меня белые ручки, посмотри, какие стройные ножки, какие маленькие грудки, маленькие и нежные, как у девочки, и все это... Вот, видишь? И все это не твое и никогда твоим не будет! Никогда, Коко!» (Прим. автора.)

печатали «светские новости», — надо сказать, «свет» этот был весьма своеобразен; вел рубрику некий «Хромой бес» (на самом деле барон де Во), и его заметки были целиком посвящены девицам определенного сорта, коими он открыто восхищался. Увлекательное чтение для того, чье сердце лишь пробуждается к жизни. Иногда дверь открывалась, и в комнату заглядывал мой отец: он видел, что господин Малле прилежно читает мне лекции, а я витаю где-то далеко-далеко... Ни слова не говоря, отец удалялся, сердито хлопнув дверью, а я возвращался к реальности, пристыженный его немым упреком; но имена знаменитых прелестниц по-прежнему вертелись у меня в голове, и вскоре я вновь погружался в мир грез. Нынче утром Хромой Бес рассказывал о смертельном поединке между Жанной д'Орси и ее возлюбленной, с которой она познакомилась на острове Лесбос; о том, что Жанна, стремительно отступив назад в пылу дуэли, потеряла драгоценную серьгу, а затем обвинила в воровстве противницу, свою бывшую нежную подругу; о том, что на балу, устроенном в Опере, были Мадлена Кайерак в венгерском костюме, Симона де Лаваль в наряде невесты, Лора де Шифревиль, переодетая маркитанткой, а так-

же Изабелла де Лией, Фанни Синере, Эллис Ховард, Берта д'Эгревиль, Габриэль Дюпюи, Марион Делорм и графиня Латишаф; их сопровождали бесстрашный Оближу-Бутыль, Сен-Доходьен и Лопни-Графин; все вместе они отлупили новенькую, совсем еще несмышленную девчонку по имени Маргарита де Журдан, только недавно вступившую в ряды Киферийского батальона¹, но уже пленившую всех своей наивностью и свежим очарованием. Как знать?.. А недавно написали о том, что месье На-Бочок² подумывает о самоубийстве, будучи не в силах вынести суровость восхитительной Алисы Обрэ; о том, что Ирма де Монтины и виконт Арнольд де С. решили открыть на улице Руаяль ночной ресторан «Максим», в качестве названия позаимствовав имя одного из официантов, работающих у Вебера, тем более что Вебер всем давно уже надоел, а нынешний управляющий, господин Шантепи, имел дерзость сделать красавице Ирме замечание по поводу состояния ее костюма, когда та была навеселе! Это уж слишком...

---

¹ По названию острова Кифера, где был центр культа Афродиты и находилось знаменитое святилище богини.

² Это прозвище дали Огюсту Бамберже из-за того, что он имел привычку склонять голову набок. (*Прим. автора.*)

— Вы помните этот случай, Марсель?

— О, помню ли я... К несчастью, я сидел довольно далеко от них!

— Чего только мы не придумываем про этих «восхитительных особ», живущих во дворцах, питающихся фантазиями и любовью!

Когда мне исполнилось пятнадцать, я вступил в связь с одной из них, девицей из театра, которая сделала впоследствии блестящую карьеру. Она была великолепна, водила меня на бега, и чтобы сопровождать ее, я прогуливал занятия. У меня было слишком мало денег, и она, как я подозреваю, иногда помогала мне, делая за меня ставки. О, я подавал большие надежды! Потом другая девица, из тех, о которых писал Хромой Бес, Габриэль Дюпюи, невысокая упитанная блондинка, содержанка некоего Вандерема, родственника писателя Фернана Вандерема, однажды попросила меня купить ей две карликовые пальмы: она хотела украсить свою квартиру в предместье Сент-Оноре. Так я и получил ее, и обошлось мне это всего в шестьдесят франков! Я страшно гордился собой. Вот, наконец, я тоже стал тратить деньги на женщин. В столь юном возрасте я ухитрился уже наделать шума!

Увы! В одно прекрасное утро светская хроника исчезла со страниц «Жиль Блаза», не знаю уж почему. Кажется, мне что-то говорили насчет вмешательства кого-то из правительственных кругов. Репортеры перебрались в «Эко де Пари», однако о прелестных дамах никто больше не обмолвился ни единым словом. С исчезновением Хромого Беса их слава померкла, так как отныне они лишились превосходной рекламы, всегда появлявшейся как нельзя кстати. Богатая коллекция высокородных воздыхателей, которую собирали эти дамы, вскоре рассыпалась. А ныне не осталось ни великих куртизанок, ни простых кокоток. Целый мир улетучился, подобно туману. Я еще застал его, но был свидетелем того, как он постепенно рушился...

— Я-то старше вас, — заметил Марсель. — В те годы я занимался тем, что основывал или помогал другим основывать литературные журналы, имевшие шумный успех. Мои соратниками были молодые люди выдающихся способностей, например, Робер де Флер, Фернан Грег, которые потом стали членами Академии... Ах, сколько потеряно времени!

Глава XI

• Запретные утехы •

Бесчисленные исследователи жизни и творчества Марселя Пруста предпочитают избегать одной исключительно деликатной темы. А между тем о Прусте столько судачили, столько шептались по углам, особенно после выхода в свет его книг! Слухи не нанесли ему значительного ущерба, Марселя по-прежнему помнили, однако ложное толкование событий привело к тому, что серьезно пострадала его репутация. Мы не простили бы себе, если бы обошли эту тему молчанием, ведь мало кому, как нам, выпало счастье хорошо его знать. С другой стороны, что еще мы могли бы рассказать, о каких подробностях поведать, чтобы невольно не исказить

факты, не быть пристрастными? Нам придется быть крайне внимательными, чтобы ни одно слово не оказалось случайным и не увело нас в сторону от истины.

* * *

Однажды Марсель вдруг заявил мне ни с того ни с сего:

— В дни юности у меня было достаточно времени, чтобы подумать о зарождающихся влечениях и первых опытах запретной любви, всех подростков в раннюю пору взросления одолевают подобные мысли. С течением лет они либо уходят, либо крепко впечатываются в мозг. Скажите мне, Рене, во что превратилась моя жизнь? Я стал развалиной, больным человеком, вокруг меня множество склянок с лекарствами, как реторт в лаборатории алхимика, и у меня не осталось ни времени, ни силы жить. Доселе я жил чужой жизнью, и это представлялось мне необычайно увлекательным. Я не ощущал себя ни одиночкой, ни изгнанником, я был, если можно так сказать, человеком «вездесущим»! Ни одна черточка характе-

ра, ни один удар чьего-либо сердца не ускользнули от моего внимания. Это довольно мучительно, но ни за что на свете я не хотел бы другой судьбы. Я вовсе не зритель в цирке, но я пристально наблюдаю за тем, что происходит со всеми, кто в нем находится. Теперь, когда я поведал вам об этом, вы будете знать обо мне все.

Надо сказать, после этих слов я вспомнил об одном моем прежнем партнере по карточным играм, молодом человеке... назовем его Т.¹ Годом раньше он учился вместе с Марселем в лицее Кондорсе и намекнул мне, что обнаружил у него некую склонность, встречающуюся не так уж редко; при этом Т. уверял меня, что самому ему подобные влечения неведомы. А между тем мне показалось... Поэтому я просто перестал с ним видеться. Мое собственное детство прошло среди мальчиков и девочек, нас не ограничивали в общении. Но довольно, речь сейчас не обо мне, так что вернемся к Марселю. Кроме его полупризнания и нескольких слов Т., мне больше ничего не известно, и это все, что лично я

---

¹ Речь здесь идет о младшем брате одного очень известного адвоката. (Прим. автора.)

могу сообщить читателям по данному деликатному поводу.

По всей видимости, в глазах света чувства и желания Марселя представляли собой великую тайну. Целомудрие этого странного молодого человека, который редко выходил из дома, не пил, равнодушно относился к еде, не курил, о чьих связях ничего не было известно, вызывало всевозможные толки и будоражило воображение парижан, и без того слишком богатое. Так за Марселем и закрепились определенная репутация, созданная сплошь из домыслов; впрочем, приверженцы любви, «о которой не принято говорить», обожают приписывать собственные склонности тем, кто хоть что-то собой представляет. В общем, Пруст вскоре обнаружил, что его с почетом приняли в ряды легиона, куда с давних пор зачисляли многих, начиная с Сократа, или, например, Алкивиада и Цезаря, и кончая не кем-нибудь, а самим Вагнером.

Совершенно ясно, что у Марселя был весьма ограниченный опыт общения с женщинами. Ходили слухи о том, что он встречался с двумя молодыми особами, но чем закончились их отношения, никто толком не

знал. Обе были барышнями из высшего света, и ни одной, ни другой не удалось разбудить в нем сильные чувства.

В пространном послании к своему другу Жаку де Лакретелю¹, написанном перед выходом в свет романа «По направлению к Свану», Марсель уверял, что, создавая свою Жильберту, он думал об одной девушке, которая впоследствии стала княгиней Р.; «она была великой любовью моей жизни, о чем никогда не узнала»². Затем добавлял: «Или второй великой любовью, поскольку их было по меньшей мере две». Это внезапное признание могло бы нас взволновать; но Пруста нужно читать очень внимательно и понимать буквально: фраза «их было по меньшей мере две» позволяет предполагать, что их было не «две», а несколько, а это значительно принижает ту роль, которую, каждая в отдельности, сыграли они в его жизни. В этом небрежно брошенном «по меньшей мере» чувствуется его юноше-

---

¹ Л а к р е т е л ь Жак де (1888–1985) – французский писатель, из семьи литераторов; был избран членом Французской академии в 1936 году.

² Может, это была мадемуазель Браницка, которая потом вышла замуж за князя Георгия Радзвилла? (Прим. автора.)

ская порывистость и очаровательное простодушие. О скольких прелестных девах, на миг задержавшихся в его жизни, не оставив в ней следа, «с любовью» думал он, когда писал эти слова?¹

---

¹ Он говорил также, что, создавая образ госпожи Сван, думал об очаровательной кокетке по фамилии Кломениль – но представлял ее себе только в те минуты, «когда они вместе прогуливалась у Голубинового тира». Как видите, ничего серьезного, и очень далеко от любви. (Прим. автора.)

Глава XII
*• Немного солнца
за прикрытыми ставнями •*

Нельзя сказать, что Марсея совершенно не заботило, что говорили — или не говорили — о нем окружающие. Вернее, что о нем думали или могли подумать. У меня часто возникало впечатление, что, изображая глубокую рассеянность, он исподтишка внимательно меня изучал. Кажется, его красивые восточные глаза на мгновение становились удивительно зоркими, в них вспыхивало ослепительное пламя и, опалив меня, тут же угасало. Вынужденное затворничество не позволяло ему претендовать на звание «великого сердцеда», и для него предпочтительнее

было стать отверженным, нежели попасть в категорию убежденных девственников, или гомосексуалистов, или существ, не имеющих пола. Он выбрал для себя роль глубокого старца, на собственном опыте познавшего жизнь во всех ее самых порочных проявлениях, со всеми ее постыдными тайнами.¹

— Как это мило и как смело с вашей стороны, — говорил он мне, — с такой беспримерной самоотверженностью навещать почти каждый день такое старое, отвратительное чудовище, каким, вероятно, вам меня расписывали. Я так вам признателен, что даже не смею об этом говорить, потому что все сразу подумают, будто в отношении вас у меня зреют нечистые помыслы. Не надо, не отвечайте, я и без вас знаю, что вы станете меня защищать даже от меня самого, руководствуясь своей совестью и дружескими чувствами.

---

¹ «Он прекрасно понимал, что всем известно, в каком аду он растратил свою жизнь, не имея сил выйти оттуда», — писал Анри Массис. Действительно, именно такое впечатление Пруст должен был производить на тех, кто читал его книги, не имея ни малейшего представления о нем самом: (*Прим. автора.*)

В этом тоже проявлялась его наивность, ибо в своих долгих одиноких размышлениях он склонен был все преувеличивать, и люди, к числу которых он принадлежал, — или думал, что принадлежит, — виделись ему в ложном свете, он представлял их гнусными личностями, всецело зависящими от своих пороков и лицемерно восстающими против общества. В XX веке на подобных людей стали посматривать с доброжелательной усмешкой, считать их забавными и поощрять любые проявления самого вызывающего цинизма. Пруст же не изменил свою точку зрения, и подтверждение тому мы находим на страницах его произведений. И я охотно побился бы об заклад, что тот, кого провозгласили верховным судьей и великим знатоком порока, тот, кого называли «мемуаристом» и «эпическим поэтом» гомосексуализма,¹ в первую очередь был выдающимся художником, коим руководила не столько безошибочная интуиция, сколько не знающее границ воображение. Он говорил об извращениях и странностях

---

¹ Это слова графа де Люппе из его статьи в газете «Корреспондан», опубликованной в мае 1930 года. (Прим. автора.)

так же легко, как о природе, с которой он так мало был знаком и которую воспевал, запертый в стенах своей комнаты.¹

Он умел так описывать природу, что мы называли это чудом. И разве не чудо то, что он написал позже, несколько лет спустя, в «Сване»:

«Я лежал в кровати с книгой в руке, в комнате, трепетно защищавшей свою прозрачную хрупкую свежесть от яростных лучей послеполуденного солнца; она пряталась за неплотно прикрытыми ставнями, и все же солнечный блик исхитрился как-то просунуть между ними легкие желтые крылышки и, будто застывший мотылек, замер в уголке,

---

¹ Здесь следует вспомнить один любопытный эпизод из жизни Марсея. Он несколько раз встречался с Оскаром Уайльдом, примерно за год до того, как знаменитого английского писателя судили и приговорили к тюремному заключению по обвинению в гомосексуализме. Робер де Бильи рассказывал, что они оживленно беседовали, Уайльд развеселил Марсея неожиданными, остроумными высказываниями, и в конце беседы Марсель попросил у него совета относительно галстука, который ему следовало бы надеть, когда он будет позировать художнику Жаку-Эмилю Бланшу, взявшемуся написать его портрет. Так что на Уайльде в некоторой степени лежит ответственность за то, что Пруст на портрете изображен в серо-голубом галстуке. (*Прим. автора.*)

между ставней и стеклом. Мне едва хватало света, чтобы читать, и я мог представить себе, как великолепно сияние дня, лишь по стуку молотка Камю, заколачивавшего пыльные ящики на улице де ла Кюр, стук этот далеко разносился в звенящем воздухе, какой бывает только в знойные дни, и словно щедро сыпал вокруг сверкающие алые звезды; ему вторило тоненькое жужжание мух, исполнявших для меня камерный концерт, посвященный лету...

Прохладный полумрак моей спальни был для залитой солнцем улицы тем же, чем тень для луча, то есть он так же светился, вызывая в моем воображении целостную картину лета, а между тем мои собственные чувства, если бы я отправился на прогулку, дали бы мне насладиться лишь ее фрагментами».

Не кажется ли вам, что, однажды увидев какой-нибудь уголок природы, Марсель словно фотографировал его, вернее, запечатлевал в своей памяти, как картину, которая оставалась там навсегда? В зависимости от обстоятельств, это мог быть Коро, или Юбер Робер, или Рейсдал. Можно сказать, вся природа жила вместе с ним в его комнате.

В ноябре 1906 года Марсель писал госпоже Гастон де Кайаве (впоследствии она стала госпожой Жан-Морис Пуке):

Уже четыре месяца я в Версале; вот только действительно ли это Версаль? Я все время лежу в постели и *ни разу* не был ни во дворце, ни в Трианоне, нигде. Я просыпаюсь, когда уже опускается ночь, и часто думаю: а может, это гнездо, герметично закрытое и освещенное электричеством, находится неизвестно в каких краях, а вовсе не в Версале, где я не увидел даже желтого листка, кружащего над водоемом. Вот как прекрасна моя юность и как прекрасна моя жизнь!

Конечно, Марсель несколько сгустил краски (вы помните, я рассказывал, как однажды, прекрасным летним днем — по-моему, он был не единственным, — мы ходили с ним гулять в парк, а потом сидели вместе с друзьями на террасе дворца), но в основном он говорил правду. За все лето он осмелился лишь на несколько часов выбраться в Версальский парк, которым он восхищался в особенности потому, что это был уголок природы, искусно подправленный королевской рукой.

Как-то вечером Жорж де Лорис заглянул навестить Марселя, но тот в последнюю минуту почувствовал себя так скверно, что не смог даже проводить его в столовую. Тем временем пришел Рейнальдо, и Марсель стал умолять, чтобы они оба поужинали в ресторане, а после трапезы вернулись к нему. Разумеется, они его гости, и ужинать будут за его счёт. Они хотели отказаться, но Марсель рассердился и принялся настаивать на своем; им пришлось отправиться в ресторан, где метрдотель стал навязывать им самые сложные и самые дорогие блюда. Друзьям это не понравилось, и, заказав простую сытную еду, они с удовольствием отужинали и снова пошли к Марселю, который устроил им ужасную сцену, так как принял их скромность за упрямство, нежелание подчиниться его воле и оскорбление его достоинства. Неужели им непонятно, что они испортили ему удовольствие видеть их?!

В другой раз я сам стал свидетелем забавной сцены. Я пришел в бильярдную комнату Резервуар, чтобы взглянуть на поединок моего друга Шамбрена (будущего генерала, а не будущего посла, как вы могли подумать, потому что посол, играющий на бильярде, это...)

с Анри Гроссевром, занимавшим первый этаж особняка, и тут вдруг появился Марсель. Он был в домашних туфлях без задника и, разумеется, завернут в несколько теплых халатов и закутан в меха; он услышал, что все мы здесь собрались, и тут же поспешил присоединиться к нам, несмотря на болезнь: я так много рассказывал ему о Шамбрене, не скупясь на похвалы, что Марселю не терпелось с ним познакомиться. Я представил их друг другу, Марсель уселся в кресло и принялся руководить ходом партии. Он вскрикивал каждую минуту:

— О, какая красивая игра! Ах, господин Шамбрен, как жаль, что вы пропустили этот удар! О да, теперь гораздо лучше!.. Bravo, bravo!

— Да нет же, — мягко поправил его Анри Гроссевр, — здесь вышла осечка, два шара столкнулись.

— Ах, все равно! Это было так красиво!

Но тут Шамбрену досталась очень сложная комбинация. Шары почти соприкасались, и в этой позиции выбить его шар было почти невозможно. Шамбрена мог спасти только так называемый удар сверху, когда кий ставится вертикально, коротко бьет по шару,

и главное при этом не порвать сукно. Все собралось вокруг игрока, с волнением следя за малейшим его движением... удар... кий стремительно упал вниз, шар, всего мгновение покрутившись на месте и слегка задев соседний, полетел дальше и по пути вытолкнул к бортику третий. Свершилось. Марсель бурно выражал восторг и блистал красноречием. Это чудо, он не видел ничего подобного; должно быть, само Провидение вмешалось в игру, иначе шар не смог бы пролететь вот так, описав полукруг. Марсель заявил, что на всю жизнь сохранит воспоминание о Шамбрене и его героическом деянии. Партия была окончена; не знаю, кто из двух знаменитостей одержал победу, но уверен, что остаток вечера мы с Шамбреном провели у Марсея, и компанию нам составила бутылка виски. Хотя Шамбрена поначалу несколько смущали манеры Марсея, казавшиеся ему довольно странными, мы втроем поклялись в вечной дружбе, которую ничто не разрушит. Шамбрэн вспоминал потом, что встречался с Марселем еще два или три. Он всегда считал Пруста обаятельным безумцем.

В особняке Резервуар Марсея обожали, хотя далеко не все с ним были знакомы. С то-

го вечера он начал постоянно общаться со всеми обитателями дома: с Анри Гроссевром, высоким, очень приятным человеком, художником, который владел любопытной коллекцией старинных гравюр — прекрасная тема для бесед с Марселем; с Гроссевром-отцом, добрейшим стариком, круглолицым, с седыми бакенбардами, — кажется, вскоре его не стало; с Эженом Гроссевром, младшим братом Анри, смуглым и черноволосым человечком в пенсне, — говорили, что он ужасный скареда; с его женой, белокурой, довольно хорошенькой, но какой-то бесцветной, — она часто болела, потом сошла с ума и умерла молодой; с мадемуазель Ирмой Гроссевр, типичной старой девой, ведавшей денежными делами семейства и появлявшейся на людях довольно редко, — ходили слухи, что она до сих пор страстно влюблена в красавца актера Вольни, своего дальнего родственника; наконец, с мадемуазель Алиной, душой этого дома, седой старушкой с непроницаемым лицом, которая следила за всем и все замечала — обычно она занимала позицию у входа в столовую и сидела там, склонившись над расходными книгами. Марсель позвал заходить в гости только мадемуазель Алину и, особен-

но настоятельно, Анри Гроссевра; оба время от времени ненадолго наведывались к нему справиться о здоровье. Короче говоря, постепенно его стали лелеять и баловать, как любимое дитя, и он воцарился в этом уголке Версаля — того Версаля, которым он, сидя взаперти в своей комнате, любовался только в воображении... как тем солнечным бликом, что проскользнул к нему меж прикрытых ставен.

Глава XIII
• Ужасный Копперфилд •

В юные годы я испытывал неизъяснимый восторг перед знаменитым художником Альфредом Стевенсом¹; он много лет дружил с моими родителями и относился ко мне с большой любовью, в память о которой я берегу мой детский портрет, написанный им в ту пору. Эта картина — самая прелестная вещь из тех, что я когда-либо видел. Поймите меня правильно, в слова «прелестная вещь» я не хочу привносить ни капли личной гордости. Секрет красоты этой картины кроется в том, как она задумана, в самом ее духе

---

¹ С т е в е н с Альфред Эмиль (1823–1906) — бельгийский живописец, близкий друг Эдуара Мане.

и стиле и, конечно, в удивительном мастерстве живописца. На ней я сижу, забившись в глубокое кресло и зябко съжившись, я печален, задумчив, кажется, слегка напуган, и крайне утомлен долгими сеансами позирования. С тех пор прошло много лет. Наша дружба с семейством Стевенса не то чтобы оборвалась, но у нас было слишком мало возможностей поддерживать ее. С того дня, как мы похоронили отца, нам уже не довелось встретиться. В одно чудесное погожее утро, будучи в Версале, я получил телеграмму: в ней сообщалось, что Альфред Стевенс тоже покинул этот мир. Не медля ни минуты, я собрался и первым же поездом уехал в Париж, попросив передать Марселю, что я испытал тяжелое потрясение и вечером, вероятнее всего, приду навестить его позже обыкновенного.

Когда я наконец пришел к нему, то заметил, что его совершенно измучила астма; тем не менее, позабыв о собственных невзгодах и глядя на меня участливо и тревожно, он бросился ко мне, нежно обнял и принялся расспрашивать о том, что со мной приключилось и как я себя чувствую. Мне пришлось описать ему весь день, час за часом, как, собравшись с силами, я совершил «все эти по-

ездки», — так Марсель сочувственно назвал тяжелые, но неизбежные формальности, мучительные даже для тех, кого беда непосредственно не коснулась. Рассказал я и о том, как все время боялся ненароком произнести какую-нибудь избитую слащавую фразу, от которой возникает ощущение фальши и притворства.

— Ах, Рене, бедный мой Рене! — то и дело вздыхал Марсель.

Когда я приехал в дом Стевенса, все семейство покойного художника собралось в его просторной мастерской: дочь, прелестная Катрин,¹ и три ее брата, вечно ссорившиеся друг с другом и объединявшиеся по двое во временные союзы против третьего, если в них разыгрывал дух соперничества. Осторожно ступая по безупречно натертому, сверкающему, как солнце, паркету, я прошел от двери в глубь мастерской, словно переплыл бескрайнее море, обнял по очереди всех четырех, еле сдерживая слезы, и печально поцеловал их. Вскоре вошел какой-то незнакомый

---

¹ Двенадцать лет спустя тонкая, чистая красота этой самой Катрин свела с ума нашего друга Клода Дебюсси. (Прим. автора.)

господин и, приблизившись к Леопольду, старшему сыну, что-то прошептал ему на ухо. Тот заметно побледнел и прошептал что-то Жану, среднему брату, а он, в свою очередь, наклонившись к младшему, Пьеру, что-то сказал ему. Пьер отрицательно мотнул головой, и тогда Жан, повернувшись к Леопольду, произнес несколько слов вполголоса. Оба, как мне показалось, быстро взглянули в мою сторону, затем Леопольд, поднявшись, подошел ко мне. Он напомнил мне о том, как мы дружили, как я восхищался их отцом, потом добавил, что он, Леопольд, относится ко мне очень хорошо, как и раньше, и что его братья и сестра будут всегда мне благодарны за искреннее сочувствие их горю. Мне предложили последовать за незнакомым господином, который проводил меня в комнату, где был установлен гроб, я постоял там недолго, вздрагивая и не в силах вымолвить ни слова. С этой семьей у меня все было кончено.

— Я знаю, вы поняли, Марсель! — горячо воскликнул я.

— Да, бедняжка Рене, конечно! — отозвался он.

Спустя несколько минут я вышел и простился со Стевенсами; прекрасные, величе-

ственные, они, все вчетвером, проводили меня до парадной двери. Мы поклялись встречаться до конца наших дней, но я понял совершенно ясно, что с этой минуты мы будем связаны только священными для всех нас воспоминаниями — воспоминаниями о наших отцах; кроме этого все неминуемо сотрется, исчезнет, и наши отношения тоже, отныне у нас не будет ничего общего, кроме горькой отрады оплакивать усопших. Вот и попробуйте это объяснить!

— Все очень просто, — сказал Марсель. — Эти молодые люди всегда жили в атмосфере восхищения талантом их отца и поддерживали его культ, как бы в противовес ему существовал и культ вашего отца, доктора, которым все тоже восхищались. Сами они будто бы отошли на задний план, вернее сказать, у них просто не было собственной жизни. Как хорошо, что именно вы, сын вашего отца, пришли попрощаться с покойным, исполнив свой печальный долг. Это было ваше последнее общение с ними, последняя встреча, имевшая смысл и для них и для вас. Потом вы увидите на похоронах, и у вас появится возможность сохранить друг о друге теплые воспоминания. Пройдет время, и останутся только два имени,

которые будут для них что-то значить, — Альфред Стевенс и профессор Мишель Петер. Так-то! Всякий раз, увидевшись, вы, верные памяти усопших, вместе будете о них горевать; но личность каждого из вас, ваша ли или кого-нибудь из тех четырех (даже Леопольда, старшего, очень способного художника), при этом не будет играть никакой роли; в противном случае остальные воспримут это как оскорбление памяти покойных. Помните, наш любимый Верлен говорил, что завидует мудрости Расина? Тут происходит что-то похожее. Порой, столкнувшись со смертью, люди ведут себя так странно и так необъяснимо!

— Да, — согласился я. — Все это наводит меня на мысли о маленьком Копперфилде и его чувствах. Знаете, там есть чудесные страницы. Впрочем, вся книжка очень хороша!

— Вы находите?

— А вы нет?

— Я никогда не читал «Дэвида Копперфилда», — безразличным тоном ответил Марсель. — Как, впрочем, и никакой другой книжки Диккенса.

— Ой!.. Но, Марсель!.. Что вы такое говорите? Вы никогда не читали Диккенса! Вы никогда не...

— Говорю вам, не читал. Вам это, должно быть, кажется странным, тем более что мне нравится все, что я читал «по программе», когда учил английский... не говоря уж о Киплинге... или о Шекспире, в конце концов! Даже, представьте себе, Рескин! И еще два десятка других авторов. Да, вот еще, пожалуй, Джордж Элиот...

— Ну, я ее плохо знаю.

— Например, «Мельница на Флоссе» очень изысканное произведение.¹

— Но как же «Копперфилд»... Диккенс!.. очаровательный, восхитительный Диккенс, на которого вы во многом так похожи! Нет, Марсель, это просто невероятно. Впрочем, эта книжка есть у меня дома, здесь, погодите немного, — нет, разумеется, не сейчас, потому что уже слишком поздно, — завтра утром я вам ее принесу, и вы проведете один из лучших дней своей жизни.

---

¹ Кстати, об этой книге. Марселю в ней нравились два главных героя, Том и Мэгги, брат и сестра, один серьезный, дарящий семье только радость, другая, фантазерка, приносящая родным одни лишь горькие разочарования. Он сравнивал этих персонажей со своим братом Робером и собой... конечно; сам он был сумасбродкой Мэгги. (Прим. автора.)

— Благодарю вас, Рене, я буду очень рад...

— Мне кажется, там найдется множество мест, где вы почувствуете, что встретились с самим собой. Как я счастлив, Марсель, что этим открытием вы будете обязаны именно мне!

На следующий день я спозаранку отправил посыльного с книгой, чтобы Марсель не потерял ни одной драгоценной минуты. Вечером я явился к нему, заранее смущенный его благодарностью, на которую, мне казалось, я был вправе рассчитывать.

Как бы не так! Не успел я открыть дверь, как Марсель разразился стенаниями.

— О, Рене! Что я вам такого сделал? И что вы сделали со мной? Ведь эта книга просто жуткая, она отвратительна!

— Отвратительна? «Копперфилд» отвратителен?

— Этот маленький мальчик испытывает гордость оттого, что у него умерла мама!

— Ну, если посмотреть на это именно так... Но это же одно из самых лучших мест в книге! Перестаньте, возьмите-ка лучше книгу, и...

— Я больше ни за что к ней не притронуся. Рене, вы просто ужасны, я вас, конечно, прощаю, но впредь никогда так не поступайте.

И мы сменили тему. Однако я невольно думал: «Боже, сколько негодования! Как это возможно? Чтобы Марсель не читал Диккенса? Диккенса, который так похож на него самого и тоже напоминает старого дядюшку, удивляющего всех ехидными замечаниями и неожиданными суждениями; Диккенса, который порой утомляет излишними длиннотами, так что вызывает желание что-то сократить, что-то выбросить... Впрочем, с точки зрения Марселя, это вряд ли могло считаться недостатком.¹ По всей видимости, он сознательно желал оставаться человеком, который «не читал Диккенса». Но с чего бы это? Может, он боялся, что впоследствии кто-нибудь начнет их сравнивать и найдет сходст-

---

¹ Леон Пьер Кен в своей книге о Марселе Прусте рассказывает, как маленький Марсель в разговорах со своими друзьями якобы «с нежностью» вспоминал «о Копперфилде, о кончине Доры, о смерти маленькой собачки», а также о других персонажах Диккенса. Поль Леклер, друживший с Прустом, когда оба были детьми, также говорит нечто подобное. Он сообщает, что Марсель часто заявлял о своей любви к английским авторам, и это предвещало его будущее пристрастие к Рескину. Каково же было бы удивление этих двух биографов Пруста, ежели бы они оказались в тот вечер вместе со мной и Марселем! (*Прим. автора.*)

во? Это маловероятно. И все же чувства маленького Копперфилда такие прустовские!

Даже сегодня, когда я размышляю над этим, мне кажется, что начальные страницы «Свана»... Но когда я перечитываю другое место — мадемуазель Вентейль перед портретом отца... О Господи, это совсем не похоже на Копперфилда! Тут мне, пожалуй, следовало бы вскричать: «О Марсель, что я вам сделал?»

На самом деле, все гораздо проще. Я должен был подумать об этом сразу: Марсель недавно потерял мать, в те дни он с головой тонул в своем горе... Да, нечего сказать, удачный я выбрал момент!

Между тем, в тот вечер он так и забыл вернуть мне книгу; он пролежала у него весь следующий день, а я, не без задней мысли, не стал требовать ее обратно.

Глава XIV

• До самого дна запятых •

Было бы крайне досадно, если бы среди огромного вороха воспоминаний об этом человеке, который прежде вызывал у публики лишь недоумение и любопытство, а ныне приводит ее в восхищение, потерялись важные детали, и созданный мной портрет не обнаружил бы полного сходства с оригиналом. Ведь в силу обстоятельств я знал этого человека гораздо лучше, чем многие другие, и ни его громкая слава, ни мучительная болезнь не влияли на мое суждение о нем. Я пытаюсь взглянуть на Марсея глазами историка, дотошного, как энтомолог, дабы не пропустить самой незначительной мелочи и показать его неоспоримые достоинства,

которые лишь подкреплялись недостатками. Он был добр, хотя обожал дразнить и задира́ть окружающих, отличался терпимостью и снисходительностью, хотя его вечно тянуло над кем-нибудь посмеяться, имел склонность к самопожертвованию, но, как ребенок, желал, чтобы все лучшее доставалось ему. Он и был ребенком, но милое ребячество боролось в нем с широкой образованностью и врожденным знанием жизни, которое он превратил в высокое и утонченное искусство. Остается еще один вопрос, тот, что у всех на устах, — его порочность. Ответа именно на этот вопрос настойчивее всего добиваются исследователи жизни и творчества Пруста: одними движет искренний интерес, другими — опасное лицемерие. Сам бы я ответил, что на сей счет ничего определенного сказать невозможно, что никаких точных сведений нет, однако, листая страницы этой книги, все поймут, насколько скептически я воспринимаю утверждения о склонности Марсе́ля к пороку. Какой же редкостной гениальностью должен был отличаться Пруст, если он сумел внушить некоторым людям подобные подозрения: по их мнению, он являлся не только

тяжело больным извращенцем, постоянно жаждущим оргий (а завтра к этому добавят еще и уголовные преступления), но вообще был воплощенным антихристом. Случалось, что его почитатели — к коим я себя не отношу, потому что в основном был лишь сторонним наблюдателем, — проявляли такое благоговение перед ним, осыпали его такими неумеренными похвалами, что я в сравнении с ними казался вялым и безразличным, а может, слишком сдержанным или даже скрытным. Как-то раз я беседовал с братом моей жены, человеком, обладающим самыми высокими достоинствами и острым, надменным умом. Так вот, когда я позволил себе в восторженных выражениях заговорить о Бальзаке, он с непередаваемым презрением произнес: «Ваш Бальзак», — таким тоном, будто хотел сказать: «Ваша очередная мания, несчастный безумец». А вот что касается нравов, то если бы я бросился защищать беднягу Марселя, я уверен, мой родственник только пожал бы плечами и снисходительно взглянул на меня, словно говоря: «Неужели вам не жаль понапрасну тратить время? Какое все это имеет значение, когда речь идет о Прусте? Стоит ли за-

держиваться на пустяках¹, если он вызывает у вас восхищение? Однако следует непременно обратить внимание на употребление в его произведениях скобок, а также эпитетов и метафор. Тщательно изучив его тексты до самого дна запятых, мы обнаружим — о, безусловно! — истинные сокровища!»

Как бы то ни было, я нашел свой путь и не намерен с него сворачивать: это дружеские чувства, связывавшие нас с Марселем, и

---

¹ И вот теперь некий господин Эттингозен, подписывающий свои труды «Морис Саш», — фамилию Саш носила в девичестве его матушка, — в своей книге «Шабаш» рассказывает нам, как Марсель Пруст, с которым он, кстати, не был знаком, приезжал поразвлечься к Альберу (откуда якобы и взялась «Альбертина»), хозяину более чем сомнительного банного заведения, или отправлялся на скотобойни, чтобы научиться резать телят и истреблять крыс! Кроме того, господин Саш, клеветущий понемногу на всех, кто попадетс я ему под руку, упрекает Анри Массиса в некрофобии, потому что тот якобы уверял всех, будто Пруст на смертном одре раскаялся в том, что любил мальчиков. Этот педераст от рождения (я говорю о Морисе Саше), безусловно, относит себя к числу сторонников Пруста и его «феерических празднеств». Хулители несчастного Марселя зачастую настолько явно непоследовательны, что порой у меня просто руки опускаются, и хочется оставить великого писателя на их милость, принеся извинения за то, что в простодушии своем посмел попытаться его защитить. И все же мы будем продолжать это делать. (*Прим. автора.*)

обыкновенный здравый смысл. На этом и остановимся. А вдруг я все же упустил или неверно описал какую-нибудь из его маленьких причуд? Возможно, когда эта книга выйдет в свет, у меня появится желание перечитать ее и добавить кое-какие подробности, незначительные с точки зрения других, а для меня такие показательные, такие существенные. Я приходил к Марселю, он был болен... он мне говорил, что... я ему отвечал... скорее всего, именно в тот вечер, а не в другой... на следующий день гораздо больше, чем на прошлой неделе...

В тот вечер он снова исповедовался мне, рассказывая о каких-то пустяках, о каких-то тревогах, как мне казалось, совершенно беспричинных.

— Мне представлялось, дорогой Рене, что я — как бы это выразить? — обнажаю перед вами свою душу, словно перед благожелательным, снисходительным духовным наставником, что вполне соответствовало той жизни, единственным свидетелем которой вы были все эти четыре месяца. И это меня завораживало... Однако неожиданно для себя я заметил, что между нами постоянно возникает едва заметная неловкость, мы

что-то не договариваем, и это портит всю игру, мало того, я стал казаться себе несносным лицемером и краснел, глядя на свое отражение в зеркале. Мне хочется, Рене, после отъезда из Версаля сохранить уверенность в том, что вы по-прежнему мой друг, хотя имеете четкое представление о моих бесчисленных, порою совершенно отвратительных недостатках. Тем не менее, у меня есть еще один недостаток, который я скрывал от вас с самого первого дня в Версале; вы, конечно, его не обнаружили, ибо в противном случае невзлюбили бы меня и перестали навещать, я уверен в этом. Это гнусный недостаток, но он есть, и с этим ничего не поделать! Я много раз пытался рассказать вам о нем, но в последний момент запрещал себе это, но теперь мне все же придется набраться смелости... Рене, вы должны меня презирать, ненавидеть и покинуть навсегда, я вполне этого заслужил!.. Знайте же, я завистник!

— Вы, Марсель?

— Да, это так. Ведь это ужасно, правда? Я завидую так сильно, как никто другой, завидую кому угодно, всем подряд, я завистник до мозга костей. Раньше я испытывал

чувство зависти к собственному брату, хотя нежно его любил; но он, счастливчик, получал такие хорошие отметки, делал такие успехи, в то время как я, невезучий, с моим неустойчивым здоровьем, в учебе постоянно хромал... Да, Рене, я завидовал собственному брату, моему милому Роберу, который, следуя желанию родителей, всерьез занялся медициной, блестяще сдавал экзамены и теперь уже далеко шагнул вперед, тогда как я, вечный больной, всегда мешкал по дороге, застревая в каждом встречном трактире!.. Вы скажете, что такая зависть естественна. В любом случае, она безобразна, и я, само собой разумеется, никому о ней и словом не обмолвился. Как же я невыносимо страдаю! Сколько мог бы об этом написать! Я часто над этим размышляю. Я завидую каждую минуту, по поводу любого пустяка. Помните, на днях речь зашла о Круассе¹, которого я, как и вас, люблю и уважаю, и вы сказали: «Он пишет пьесы, и чаще всего это не бог

---

¹ Круассе Франсис де (наст. имя Франсис Вьенер; 1877–1937) – известный драматург, чьи пьесы пользовались огромным успехом. Пруст наделил многих своих персонажей чертами этого элегантного, блестящего светского человека.

весть что. Но публика его знает, и это факт». И что же вы думаете, слова «публика его знает» тогда глубоко запали мне в душу... Мне было бы легче, если бы вы сказали: «Он необычайно талантлив», — ведь подобное утверждение всегда можно оспорить, каждый волен верить ему или не верить. Между тем, даже для такого несчастного человека, как я, живущего вдали от мира, презирающего чужое мнение, такое суждение — «публика его знает» — имеет абсолютную, непрекаемую ценность, и ей можно дать определение в трех словах: «И это факт». А вот меня, Рене, никто не знает, совершенно никто. Вы можете заговорить обо мне где угодно, но не ждите, что хоть один человек небрежным, снисходительным тоном, который так усиливает значение сказанного, сообщит вам: «Он человек известный!» Если бы я был знаменит, возможно, мне это было бы безразлично, к тому же я ничего не сделал для того, чтобы прославиться. А другие сделали — и преуспели, и этого я никак не могу допустить, это совершенно недопустимо, Н.Д., как вы говорите. Я должен иметь право на ваше расположение, и оттого так спешу вам объяснить, что это самое

Н.Д. не столь уж и важно, когда речь заходит о предметах малозначительных, например, об истинных достоинствах Круассе, возможно, куда более высоких, нежели те, что ему приписывают. Ну вот, я вам все сказал, и теперь, должно быть, вы сердитесь на меня.

— Я? Да что вы, Марсель. Ладно, признание за признание: я очень люблю комплименты, и когда их выслушиваю, то делаюсь глух ко всему на свете, кроме сладких речей, и совершенно теряю голову, а потом помню только, что мне говорили удивительно приятные слова, но повторить их я не в состоянии!

Впрочем, на самом деле Марсель отнюдь не был завистником. Если бы ему предложили стать одним из тех, кому, по его уверению, он завидовал, вы думаете, он бы согласился? И не подумал бы. Ему было неприятно, когда по мелким поводам поднимался большой шум. У него было врожденное чувство соразмерности, именно оно сковывало его, как корсет, мешая всерьез начать писать. Конечно, ему следовало во что бы то ни стало переписать себя. Кроме того, ему свойственна была потребность вечно испытывать угрызения совести, чувство вины, — эта чер-

та очень соответствовала его натуре. А еще он умел восхищаться произведениями других авторов, ему нравилось находить в них нечто неожиданное, сугубо индивидуальное, способное обогатить искусство, внести в него что-то новое и способствовать его развитию. Если же он ничего не обнаруживал, то бурно выражал возмущение, заявляя, что этим людям незаслуженно повезло, и что так добиваются не славы, а только блистательного, но мимолетного успеха, который, в конечном итоге, лишь марает грязью, застит глаза, попирает чувство справедливости, а по прошествии нескольких лет или нескольких месяцев от него не остается и следа.

— А стали бы вы завидовать, например, удаче некоего господина по фамилии Бернштейн?¹

— Нет, — не колеблясь, ответил Марсель, — потому что в нем чувствуется сила, и мне по

---

¹ Б е р н с т е й н Анри (1876– 1953) – французский драматург, автор многих популярных пьес, поставленных в театрах Больших бульваров («Варьете», «Порт-Сен-Мартен», «Жимназ»). Автор упоминает его в разговоре с Прустом, очевидно, потому, что именно в 1906 году была поставлена пьеса Бернштейна «Вор», принесшая ему первый шумный успех.

душе его успех. А вот что касается Батая¹, тут я вряд ли мог бы за себя поручиться...

— Все потому, что он на вас похож. Вы с ним из одного племени, вы оба беспокойные и, простите мне это слово, больные. По-настоящему ненавидеть друг друга могут только родные люди. Оттого-то Бернштейну и удалось от вас улизнуть. Он из другого мира, где вы никогда не станете его искать.

— И буду неправ, потому что этот человек мне безумно нравится; он нравится мне своей дикостью...

— Так могла бы рассуждать женщина. Кстати, он-то вас считает самым умным и тонким человеком в Париже. Это он сам мне сказал.

— Очевидно, потому, что перед этим вы нечто подобное сказали о ком-то другом.

— Говорите что хотите, но сопровождавшая его дама тут же заявила, что немедленно умрет на месте, если ее с вами не познакомят.

— Вот бедняга! Его счастье, что она ограничилась одними намерениями. А теперь поговорим серьезно. Рене, я давно собираюсь

---

¹ Б а т а й Жорж (1897–1962) – французский писатель и мыслитель, автор книг по философии, религии, экономике; кавалер Ордена Почетного легиона (1952).

сделать вам одно предложение. О, не пугайтесь, хотя, надо отметить, предложение это может показаться вам довольно странным... но сегодня ведь вечер откровенных признаний, не правда ли? Так что я все-таки наберусь смелости...

— Вы меня заинтриговали!

— Вы готовы? Это нечто ужасное, предупреждаю вас, но я прошу вас дать ответ со всей откровенностью, не опасаясь меня огорчить. Согласны?

— Согласен.

— Клянетесь?

— Клянусь.

— Значит так, у меня в голове созрел сюжет пьесы, и я хотел бы написать ее вместе с вами! Пока не отвечайте, не отвечайте! Конечно, вы не можете, и я как никто понимаю вас! Сочинять пьесу в соавторстве со мной! Вам, такому молодому, такому чистому, писать пьесу вместе со старым развратником вроде меня! Считайте, что я ничего не говорил! Благодарю вас, вы очень добры!

— Вы ничего не поняли, Марсель. Напротив, я невероятно польщен!..

— К сожалению, вам и без меня есть чем заняться, у вас много другой работы, вечно

не хватает времени... в общем, вы подумайте! В конце концов, представим себе, что я ничего не говорил.

— Да нет же, Марсель, ничего подобного, говорили.

— Ничего я не говорил! Само собой разумеется, ваше имя будет стоять первым. Между нами такая разница... меня ведь никто не знает... И это факт!

— Марсель, позвольте с вами не согласиться. Я все хотел вам возразить, но вы мне не дали возможности. Вы еще не знамениты, но уже широко известны...

— Кое-кому из салонных завсегдатаев да горстке оригиналов... правильнее сказать, порочных личностей. Ну, так что? Вы пока не надумали отказаться?

— О, до этого еще далеко. Напротив того, ваше предложение весьма соблазнительно.

— Это правда? Истинная правда?

— Осталось только ознакомиться с вашим сюжетом.

— Это будет называться... ах, такое красивое название! Да, очень красивое название для пьесы! Она будет называться «Садист».

— Действительно, любопытное название. Немного рискованное...

— Вам нравится? О, я так рад! Итак, вы намерены подумать?

— Непременно. А каков будет сюжет?

— Какой сюжет?

— Ну, этот самый садист, он...

— Это же название. Это не сюжет.

— Как, это не сюжет? Так чего же вы хотите? Речь пойдет не о садисте?

— Нет, это будет в лучшем случае один из персонажей.

— И что с ним происходит, с этим вашим садистом?

— А вот это, Рене, должны придумать вы. Я предлагаю вам сюжет: садист. А все приключения и перипетии — это уже ваше дело, ведь вы же пишете для театра. Дальнейшее меня не касается, тут я предоставляю вам полную свободу. Мы, конечно, могла бы работать вместе, если вам этого так хочется. Мне бы это доставило огромное удовольствие. Главное — найти сюжет.

«Садист» не имел продолжения. Впрочем, недалек был тот день, когда нам пришлось покинуть Версаль. Но что этому предшествовало!..

* * *

Помнится, как-то вечером Марсель, беседа со мной о Доннэ, чью кандидатуру выдвинули в члены Академии, сказал:

— Друг мой, я сейчас вам задам один вопрос, вы только отвечайте на него не раздумывая. Скажите, что бы вы предпочли: стать членом Французской академии или членом Жокей-клуба?

Я на секунду потерял дар речи, а потом воскликнул:

— Черт возьми! Думайте обо мне что хотите, но на сегодняшний день я предпочел бы Жокей-клуб!

Марсель схватил меня за руку, и при этом лицо его выражало живейшее удовольствие. Он вскричал:

— Наконец-то я вижу перед собой разумного человека! Тут даже не о чем спорить: любой гражданин имеет право штурмовать врата Академии и рано или поздно одержать победу, а вот в Жокей-клуб кого попало не примут.

— Извините, Марсель, но я сказал «на сегодняшний день», потому что мы еще далеко не в том возрасте, когда задумываются об Академии.

— Это не совсем так. Знаете, Рене, я — тот, кого вы сейчас видите перед собой, — уже был членом академии.

— Вы, Марсель?

— О, конечно, это была не Французская академия, но тоже очень приятная академия, уверяю вас, и у нее были свои прелести. Все это случилось в доме поэта Жозе Марии де Эредиа, который тогда выставил свою кандидатуру на выборы во Французскую академию. Вы знаете, у него были три дочери, юные девушки в цвету, и младшая из них, самая лукавая и насмешливая, решила, что было бы забавно объединить некую группу людей, основав некое подобие настоящей академии и сделав ее целью отсутствие всякой цели, кроме одной: время от времени собирать нас в доме ее отца, великого поэта, где мы могли бы свободно болтать о литературе и прочих милых пустяках, никого не стесняясь и ни перед кем не отчитываясь. Там бывал Анри де Ренье¹, по слухам, воспылавший страстью к прелестному организатору сего благородно-

---

¹ Р е н ь е Анри Жозеф Франсуа де (1864–1936) – поэт и прозаик, последователь символизма, автор многочисленных романов, рассказов и стихотворений. С 1911 года – член Французской академии.

го движения, — Боже милостивый, Рене, девушка и вправду была очень хороша! — Поль Валери, Фердинан Эроль, Пьер Луис, Жан де Тинан, мой старый приятель Фернан Грег, братья Бертло, Пьер Сарду¹ и я собственной персоной, избранный постоянным секретарем, а также еще несколько человек. Организация получила название «Академия канаков».² Чтобы вступить в нее, не нужно было произносить речь, хватало умения строить гримасы, и тот, кто проявлял наибольшую выдумку и сноровку в этом виде спорта, далеко от академизма, становился

---

¹ Э р о л ь Андре-Фердинан (1865–1940) – писатель, автор драматических произведений, романов, стихотворений, эрудит (специалист по Индии и буддизму); внук известного композитора Луи-Фердинана Эроля. Т и н а н Жан Ле Барбье де (1874–1898) – писатель, автор романов и исторических хроник. Б р а т ь я Б е р т л о – имеются в виду, вероятнее всего, сыновья знаменитого химика и видного политического деятеля Марселена Бертло (1827–1907); один из них, Рене (1872–1960), был известным философом. С а р д у Пьер (1873–1952) – выпускник парижской Школы изящных искусств, архитектор, автор многих знаменитых проектов; участвовал в масштабной реставрации Елисейского дворца и театра Опера-Комик.

² К а н а к и – коренные жители Новой Каледонии, заморской территории Франции в юго-западной части Тихого океана.

победителем и членом общества. Помню, Поль Валери так скривил свое красивое мечтательное лицо, что оно превратилось в неузнаваемую, совершенно отвратительную маску, и его с восторгом приняли в академию. Как же мы тогда были молоды!¹ Какой долгий путь мы все прошли с тех пор! Ренье и Валери прославили Францию и стали настоящими «бессмертными» в зеленых мантиях, Мари де Эредиа превратилась в Мари де Ренье, а Пьер Луис, Фернан Грег и другие тоже стали знаменитостями, каждый в своем ремесле. И только один из них — надеюсь, Рене, вы догадались, о ком идет речь? — только один из них все бредет по той же дороге... старый попрошайка, старый завистник, не способный даже ненавидеть, и имя его Никто, и надежды его — ничто!

---

¹ Поль Валери, о котором здесь упоминалось в связи с «Академией канаков», сохранил лишь смутное воспоминание об этом забавном эпизоде. Он сообщил мне, что вряд ли был знаком с Прустом, или очень мало знаком: кажется, видел его всего один раз. Вероятно, это было в доме Эредиа, если только память ему не изменяет. (*Прим. автора.*)

Глава XV
• Ночные птицы •

«А Руже, какой его ждет конец?»

Мой отец, многоопытный практикующий врач, взглянув на человека, мог без труда предсказать, от какой болезни и, довольно точно, как скоро тот уйдет из жизни. Как-то вечером матушка, в порыве любопытства, а может, движимая состраданием, стала расспрашивать его о том, что ждет их знакомых, назвав несколько имен. Господин Такой-то был приговорен к туберкулезу, а возможно, даже раку, и отец отмерил ему самое большее два или три года, у другого, по его мнению, через полгода должен был случиться тяжелый приступ грудной жабы, затем удар и паралич — как же, наверное, страшно ставить

подобный диагноз! Наслушавшись неприятных прогнозов относительно здоровья своих знакомых, матушка, видимо, решив разогнать мрачное настроение, в шутку спросила у отца, какую судьбу он предсказывает одной из ее собачек, Руже, терьеру с приплюснутой мордой, выдающейся вперед нижней челюстью — и необычайно скверным характером. Он как раз крутился у ее кресла и терся о его ножки своим жирным тельцем, желая то ли почесаться, то ли просто поиграть. Отец предрек, что несчастное животное в самом скором будущем хватит апоплексический удар, и пес от него либо умрет, либо станет тупым и безразличным, как это нередко случается и с людьми. Тогда матушка, погладив пса, с нежностью произнесла: «Бедненький мой Руже, ничего, даже если случится удар, он будет совсем небольшой, и все обойдется». Гордый всеобщим вниманием, Руже с удвоенным усердием принялся тереться о кресло, благодарно поглядывая на хозяйку и громко урча.

Марселю очень нравилась эта незатейливая история, в которой проявлялась доброта моей матери; она никогда не изменяла привычке держаться со всеми ласково и очень

любила посмеяться. У нее была своеобразная, немного детская манера вести беседу, и от разговоров с ней мои друзья получали огромное удовольствие. Уроженка Бургундии, она выросла в Версале, а потому отличалась в высшей степени насмешливым умом и в общении с близкими людьми частенько использовала острые, но не обидные выражения и словечки: она утверждала, что унаследовала их от своей прабабушки. Среди них были, например, «отшлифованный» (нарядный и славненький), «плетун» (лгун, человек, сочиняющий небылицы), «клюкетто» (очень худой, нескладный человек), и еще множество других, которые я, к сожалению, позабыл, потому что этот маленький словарь уже давно не в ходу.

Примерно в таком же направлении шли наши мысли, когда мы с Марселем придумали слово «косоглазый», обозначающее — о ужас! — скучные клише с претензией на оригинальность, от которых сводило челюсти, и можно было «окосеть». Люсьен Доде в смешной статейке о Марселе цитирует несколько таких избитых выражений: «я пришел со своей верной свитой», «мы совершили продолжительную прогулку», «коварный Альбион»,

«наши доблестные воины», «водная стихия».¹

Моя мать, а еще больше отец по мере сил старались приносить людям радость и выражать свои мысли так, чтобы их понимали. Матушка в первые же месяцы брака стала по крохам собирать наше семейное состояние. Оно было уже довольно значительным, когда однажды мой брат, намного старше меня, парижский биржевой маклер, спекулируя с ценными бумагами, потерял очень крупную сумму. Матушка без малейшего колебания отдала ему все, что имела, и все, чем располагал я (разумеется, с моего согласия), лишь бы никто не предъявлял к нам претензий и не шептался у нас за спиной, лишь бы никто не трепал доброе имя моего отца, незадолго до того ушедшего из жизни. Мы продали все: особняк, коллекцию картин. Матушке пришлось доживать последние годы в весьма скромной квартирке, а я лишился возможно-

---

¹ Мы с Марселем договорились кроме особых слов и выражений использовать и определенные знаки. Например, когда один из нас двоих хвалил третьего и говорил то, чего на самом деле не думает, то подавал знак второму: мы называли его «подморгнуть носом», что означало «Как же, как же!» или «А он и поверил!». (Прим. автора.)

сти перебраться из своего жилища на первом этаже в более приличное. Однако у нее были две черты характера, преобладавшие над всеми прочими; они-то ее и спасли, и именно они больше всего восхищали Марсея: матушка терпеть не могла сидеть на месте и умела радоваться жизни. Однажды вечером Мишелю, моему брату, пришла фантазия отвести меня в театр, и она нас охотно отпустила; самой ей пришлось составить компанию отцу, а тот, привыкший много работать, обычно ложился рано. Мы сидели на представлении в «Варьете», потом, когда объявили антракт, решили зайти в маленькое кафе по соседству с театром. И кого же, вы думаете, мы увидели за одним из столиков? Вы угадали: нашу матушку, устроившую себе «холостяцкую» прогулку. Мы с Мишелем, дабы ее не смущать, решили притвориться, будто ее не заметили. Она тоже сделала вид, что не видела нас, а мы поспешили вернуться в театр и занять свои места, как ни в чем не бывало. В другой раз после ужина мы с братом вышли из дома, каждый по своим делам, а она поднялась в спальню с намерением лечь в постель, но передумала и, решив как-то убить время, отправилась в Батиньоль, в маленький теат-

рик, справедливо полагая, что вряд ли нас там встретит, а значит, не поставит в неловкое положение. Она была невероятно доброжелательна. Однажды вечером я рассказал ей, что случайно встретил друга детства по имени Вебб, который теперь работал в театре, взяв псевдоним «Ферналь».

— Так-то, старик — сказал он мне, — я теперь заурядный актеришка!

Мама рассмеялась и с тех пор, упоминая о нем, всякий раз улыбалась и говорила: «Твой друг актеришка». А еще один мой приятель, молодой человек очень привлекательной наружности, жил с женщиной гораздо старше него, да к тому же очень богатой. Его матушка именовала «твой друг содержанец», но у нее и в мыслях не было отказать ему от дома.

Марсель хорошо знал все эти свойства ее характера. Он также высоко ценил ее редкое благородство и изысканные манеры. Вот один пример. В день, когда она обычно принимала гостей, пришла одна дама, которую она, как ни силилась, так и не смогла узнать. Они побеседовали о том о сем, но матушка старалась не затрагивать в разговоре ничего личного. Это оказалось не так просто. Тут

пришла еще одна дама и кинулась обнимать первую; матушка испытала облегчение и, подавая чай, наклонилась ко второй гостье и узнала у нее имя первой, так что та ничего не заметила.

— А теперь, — заявила матушка, обратившись к ней, — мне следовало бы попенять вам за то, что вы ни словом не обмолвились о ваших прелестных детках!

За два года до нашей с Марселем встречи в Версале здоровье матушки серьезно пошатнулось. Как я уже упоминал, она оправилась от удара, но почти перестала двигаться. Марсель со дня приезда постоянно говорил о ее высоких душевных качествах, о ее тонком уме. Ее нынешний уединенный образ жизни поначалу произвел на него тяжелое впечатление — ведь сам он был так одинок! — потом вызвал у него живейшее сочувствие, переросшее в сильную привязанность. Матушка, как и я, как и Марсель, поздно вставала, поздно ложилась спать, в общем, все мы были ночными птицами. Как бы поздно вы ни постучались к ней в комнату, вы неизменно нашли бы ее бодрствующей: она обычно сидела в кровати, обложенная во всех сторон подушками, и читала, или писала письма. Между

нею и Марселем возникла тесная связь; как между «цепляющимися» атомами Демокрита, но кроме того, их объединяли общие воспоминания: о докторе Прусте, о моем отце, о недавно ушедшей госпоже Пруст... Когда мать Марселя умерла, моя матушка написала ему письмо, продиктованное самыми искренними чувствами, и получила от него трогательный ответ, некоторые строки из которого чрезвычайно смутили меня.

Не могу выразить Вам, сударыня, как сильно тронуло меня Ваше восхитительное письмо, и я с удовольствием выразил бы Вам свою признательность раньше, если б только мог. Но я совершенно раздавлен скорбью, недугом и горестными мыслями о том, как я вечно огорчал бедную матушку своими несносными болезнями.

Если бы я взамен хотя бы мог порадовать ее таким же успехом, какой снискал Ваш дорогой Рене с его пьесой «Тряпка». Передайте ему, что я от всего сердца благодарен за его доброту, которую он проявил, почтив память моей несчастной матушки. Мне приятно думать, что Ваше здоровье значительно улучшилось, и что

у Вас впереди еще много прекрасных лет. Я вновь благодарю Вас, сударыня, за Ваши слова и обещаю, что никогда их не забуду.

Прошу у Вас позволения впредь называться Вашим почтительным другом.

Марсель Пруст

И это написали вы, Марсель! Что же испытываю я сейчас, перечитывая эти строки спустя много лет и ощущая себя по сравнению с вами ничем, меньше чем ничем!

Итак, миновала еще неделя. Отрывая время от других, куда более увлекательных занятий, я продолжал носиться по Парижу в поисках пресловутого «пристанища» для Марселя. Однажды вечером мы много говорили о моей матери, он задавал мне кучу вопросов и вдруг замолк, потом произнес:

— Послушайте меня, Рене. Несколько дней назад я говорил вам об одном плане, созревшем у меня в голове. Потом я не осмелился снова вернуться к нему. Странно, не правда ли? Однако эта идея неотвязно преследует меня, и, думаю, ее все же можно осуществить. Я совсем один, ваша матушка тоже одна... Она грустит, я подавлен. Я знаю,

денег у нее почти не осталось; я, конечно, не очень богат, но мои средства позволяют мне ни в чем себе не отказывать... Что бы вы сказали, а главное, что бы сказала она, если бы я предложил нам объединиться? Она как бы будет немножко моей матерью, я не буду претендовать на то, чтобы она считала меня сыном, но вы можете не сомневаться, я стану для нее самым преданным другом. Мы снимем квартиру, достаточно просторную для того, чтобы каждый мог жить, как пожелает, нимало не стесняя друг друга. Что же касается вас, мой милый Рене, стоит ли говорить, что вы станете жить абсолютно независимо, и все же рядом с вами всегда будут два великих выдумщика, которые очень вас любят! Если я кажусь вам нелепым, не говорите мне этого, вы сделаете мне больно, а в настоящее время мне это совсем ни к чему! Я собираюсь много работать. Я обдумываю кое-что очень интересное, по крайней мере, мне так кажется. Вы так часто возвращали мне уверенность в себе, так часто меняли мою жизнь к лучшему... Как знать? Может, вскоре я написал бы «нечто потрясающее», как вы мне однажды сказали. Я бесконечно признателен вам за эти слова.

— О, вам не за что быть мне признательным! Разве что однажды ваши читатели скажут мне спасибо.

— Я бы приходил повидаться с вами в вашу «отдельную» квартиру, когда у вас было бы время и желание меня принять. Мы могли бы поболтать подольше... а могли бы пойти в «Пульпике»!

Я поговорил с матушкой, она развеселилась, но план Марсея отвергать не стала, напротив, ей показалось, что в этой невероятной затее имеются реальные преимущества. Но если вдуматься, она ведь очень больна... Даже если найдется квартира с тремя отдельными входами, она все равно будет напоминать просторный лазарет, а это так мрачно. Марсель, очевидно, тоже себе это представил. Я, со своей стороны, подвергался опасности постоянно сталкиваться с друзьями Марсея, и хорошо если это будут, например, Лорис или Бибеско; но среди них попадались и такие... В общем, может появиться слишком много причин для раздражения и обид. На самом деле, это было бы непросто для всех! Кстати, и для моей матери тоже, ведь ей пришлось бы переезжать дважды, сначала из Версаля в Париж, потом в Париже из од-

ного жилища в другое. Это было практически невыполнимо! В конце концов, Марселю пришлось немедленно принимать решение относительно квартиры на бульваре Османн: его торопили с ответом, потому что появились другие «претенденты».¹ Короче говоря, рассудок вмешался и победил безрассудство. И каждый остался жить там, где жил. Марсель вскоре забыл думать о своем плане. А матушка моя скончалась спустя полгода.

---

¹ «Это очень скверная квартира, полно пыли, кругом деревья, словом все, что я терпеть не могу», – писал в те дни Марсель госпоже Кайаве. Тем не менее, все вышесказанное не помешало ему не далее как в октябре снять эту квартиру. (*Прим. автора.*)

Глава XVI

• *Путь в Дамаск* •

Я никогда не «выходил в свет». Не то чтобы высшее общество вызывало у меня робость, скорее оно приводило меня в ужас. Еще в юные годы я почувствовал, сколько в нем замаскированного тщеславия и скрытой злобы, и решил создать свой собственный «свет». Я никак не мог понять, почему Марселя, обладавшего высокими достоинствами и острым умом, так притягивало это «высшее общество». Он с невыразимым наслаждением произносил некоторые имена, и это указывало на то, что он хотел попасть в высший свет вовсе не за тем, чтобы, как уверяют многие, найти новое поле для наблюдений, а чтобы доставить удовольствие самому себе — я

чуть было не сказал физическое. Он произносил эти имена медленно, протяжно, ожидая, что вы зададите ему какой-нибудь вопрос, и он сможет их повторить, а значит, еще раз услышать. «Как вы сказали? Фенелон? Ах да, извините, я не расслышал. Фенелон!» Он был на «ты» только с людьми «из знати»: Фенелоном, Бибеско, Альбуфера...¹

Надо сказать, в то лето все заметили, что с Марселем произошли значительные перемены. Мне показалось, он больше не хмурится, не бросает вокруг тревожные взгляды, и исчезла куда-то его растерянность, так беспокоившая меня в первые дни после его приезда в Версаль. Теперь он почти беспрерывно шутил, все его забавляло, даже сущие мелочи... Словом, если бы не его ужасная астма, вы бы решили, что перед вами обычный человек, ничем не отличающийся от других.

Каждое утро я получал от него письмо, потому что, как справедливо заметил Жорж Лорис, чем ближе к вам жил Марсель, тем большим хотел с вами поделиться, вследствие чего писал вам гораздо чаще. В то же вре-

---

¹ А однажды и с Робером де Бильи, в письме, которое Марсель написал ему, когда тот занимал пост атташе посольства в Берлине. (Прим. автора.)

мя, когда он удалялся от вас, его сердце, его душа постепенно закрывались. Стоило вам исчезнуть месяца на два, он без всякой жалости «отделялся» от вас, и в этом не было никакого вероломства.

Мы с ним придумали забавное развлечение — игру «Весь Париж». Марсель полагал, и не без основания, что этот светский ежегодник весьма поучительное издание с точки зрения психологии и в то же время самое занимательное из всех ему известных. То, каким образом в нем были изложены — или как издателям рекомендовали излагать — сведения о парижанах из высшего общества, рассказывало об их характерах больше, чем ежедневное общение с ними. Какой-нибудь Дюпон или Дюран спешил уточнить, что супруга его — урожденная Ангерран де Вильпаризи. Другой следом за именем указывал десятки наград, коими его удостоили иностранные государства, — так он пытался скрыть отсутствие у него Ордена Почетного легиона. Третий упоминал о том, что является членом полутора десятков обществ и клубов, давая их названия в сокращении, однако среди этих буковок нельзя было найти одной — «Ж», обозначающей Жокей-

клуб.¹ Можно было также заметить, что Ротшильды, которые еще недавно состояли едва ли не во всех обществах и кружках Парижа, теперь, после дела Дрейфуса, не числились ни в одном уважаемом клубе. Для

---

¹ Кстати, в один прекрасный день в таком ежегоднике после фамилии Пруст появилась буква П. Как известно нашим читателям, эта буква означает «Поло»; это спортивное общество проводило конные соревнования на площадке у дворца Багатель в Булонском лесу, туда допускались участники и зрители только из лучшего парижского общества. Возникает вопрос: зачем Марселю понадобилось это самое поло? Те, кто не догадывались о его снобизме, порой вызывавшем раздражение, очень удивились бы, увидев его на трибуне перед началом большого состязания; он восседал в цилиндре, перчатках сливочного цвета и кремовом галстуке, в компании нескольких великосветских дам – и на фоне пышной зелени, словно нарочно выросшей здесь для того, чтобы вызвать у него обострение сенной лихорадки. Вступление в клуб поло стало для него серьезной победой: он сумел, пусть даже прибегнув к различным ухищрениям, сделать так, чтобы высшее общество «официально» признало его. Судя по всему, к этому приложил руку маркиз д'Альбуфера, и, вероятно, у него тоже возникли кое-какие трудности. Впрочем, Марсель не замедлил огорчить его, опубликовав статью, где нелестно отзывался о семействе Мюрат, с которым маркиз состоял в родстве по линии жены. Немного позднее Пруст, начав печатать свое грандиозное творение, выказал глубочайшее благоговение перед этими людьми, дружбы коих он так добивался, став сначала их Зоилом, а потом, вероятно, Аристархом. (Прим. автора.)

лукавых замечаний Марселя находились и другие поводы, особенно приятные ему как завязтому снобу.

Кстати, в то версальское лето именно его снобизм претерпел самые большие изменения. Было очевидно, что Марсель не гоняется больше за полезными людьми и связями. О высшем обществе он теперь говорил так, как отзывался бы о любовнице, которую намерен вскоре оставить, но до поры до времени старается это тщательно скрывать.

В последние месяцы в Париже я начал замечать, что Марсель находит все больше удовольствия от общения с Константенем Ульманном, человеком забавным и своеобразным, нежели со своими приятелями аристократами. Диковинные рассказы странных людей увлекали его куда больше, чем салонные сплетни. Казалось, среди его приятелей значительно поубавилось титулованных особ, осталось только несколько знатных друзей, с которыми он продолжал видеться по привычке.

Теперь он поддерживал отношения с высшим светом через посредников. Если ему требовалось, например, получить точные сведения о каких-то подробностях, связан-

ных со старшинством и наследованием в том или ином благородном семействе, сделать какие-либо уточнения в его генеалогии, он, вместо того чтобы отправиться с визитом и лично обо всем расспросить, прибегал к помощи Фенелона или Бибеско.

Эти радикальные перемены были, возможно, тем явлением, которое наиболее логично вписывалось в его жизнь. В начале пути юного, привлекательного, богатого, всеми обожаемого Марселя неодолимо притягивало «высшее общество», причиной тому был снобизм, заставлявший его добиваться прочного положения в свете. Он постоянно бывал в аристократических домах и страстно желал сравняться с потомками древних родов. Он безуспешно пытался понять, в чем же состоит это неуловимая, непередаваемая особенность, общая для всех людей знатного происхождения, и это его раздражало. Потом ему удалось наконец приблизиться к осуществлению своей мечты. Он стал своим для многих из «пропащих детей»,¹ то есть отпрысков аристократиче-

---

¹ Выражение из книги барона Эрнеста Сельера о Марселе Прусте. (Прим. автора.)

ских семейств «конца века», однако он все же не был допущен в дома вельмож, эти святилища, накрепко запертые для посторонних.

Однако Марсель был слишком умен и проницателен, чтобы всю жизнь провести в погоне за тем, что он сам впоследствии назвал «утраченным временем». Прошло еще несколько лет, и он, повзрослев, если не сказать постарев, начал понимать всю тщетность этой затеи. И что же дальше? Почему он не отказался от нее сразу? Потому что он уже чувствовал, как в нем подспудно накапливается бесценное богатство, которому суждено стать основой его грядущего творения, — мысли и суждения о людях, их поступках, характерах и судьбах. Он продолжал бывать в свете, но отныне его приводил туда отнюдь не снобизм, но необходимость: ему нужно было время, чтобы полностью сформировались образы персонажей, зревшие в его голове. Он изучил еще не все особенности мышления тех, кто впоследствии станет бароном де Шарлю или Форшвилем, не был до конца уверен, каковы манеры будущих Германтов, и не имел представления о том, где могла бы за-

казывать свои причудливые шляпки маркиза де Камбремер.¹

Потом, когда вся эта конструкция из тонких оттенков чувств, которую выстроил Марсель, пришла в движение, когда он убедился, что она работает четко и слаженно, он отправился в добровольное заточение в Версаль, где ему предстояло принять трудное реше-

---

¹ Андре де Фукийер мне как-то сказал, что много лет назад, в те дни, когда Марсель под руководством Монтеस्कью делал первые шаги в свете, ему удалось заглянуть в его дневник, где тот тайком записывал сведения обо всех хоть чем-то интересных ему светских персонажах, их характерах, привычках, семьях, – словом, обо всем, что только можно было увидеть самому или выведать у других. Тем более забавно то, что в произведениях Пруста вы не найдете никаких верных подсказок, которые помогли бы узнать, с кого списан тот или иной герой, и назвать имя прототипа. Пруст собирал отдельные черты людей, потом соединял их, так и возникал определенный персонаж. Многие люди, принадлежавшие к числу его друзей или близких знакомых, были расстроены тем, что не обнаружили себя в его книгах, для них не нашлось никакой, даже неприятной, даже проходной роли. Рейнальдо, неизменный, самый дорогой, самый преданный друг Марселя, не удостоился даже беглого упоминания. (*Прим. автора.*)

В наиболее известном переводе «Поисков», принадлежащем Н. Любимову, фамилия «Камбремер» превратилась в «Говожо»: переводчик стремился таким образом передать ее несколько неприличный смысл.

ние. А теперь он точно знал, что ему делать, поселился в квартире на бульваре Османн и, захлопнув за собой дверь, остался там, словно в ловушке. Ему настойчиво слали приглашения, по крайней мере, в первое время, но ему не было до этого дела; потом о нем постепенно забыли, до тех пор пока запоздалая ослепительная слава не вознесла его до небес. Прежде чего бы он только ни сделал, к каким бы ухищрениям ни прибегнул, каких бы сложных ходов ни измыслил, лишь бы только добиться заветной цели — получить визитную карточку важной дамы с приглашением на вечер. Отныне драгоценной карточке суждено было валяться в углу, в полном забвении.

Большинству биографов Пруста его снобизм виделся совсем в ином свете, равно как и все его поведение вообще. Однако только исходя из нашей позиции, можно дать разумное объяснение, по какой причине он удалился от общества и стал жить затворником именно в тот момент, когда его положение в свете наконец укрепилось.

С определенной точки зрения, нам кажется досадным, что Марсель удалился в уединение слишком рано, лучше бы он сделал это лет на двенадцать позднее, потому

что картина мира, которую он нам нарисовал, к тому времени уже значительно устарела. Это огромный, великий мир, каким он был, без прикрас, однако он кажется нам удивительно далеким, потому что мир этот еще не подвергался испытанию войной и не «считал своих мертвецов». В нем вы не найдете практичных молодых людей, которые пришли на смену прежним бездельникам и заняты поиском средств к существованию, тогда как их старшие современники довольствовались тем, что прожигали жизнь.

Этот преждевременный уход от мира оказал на творчество Пруста куда большее влияние, чем можно себе представить. Лишив себя возможности писать свое полотно с натуры, он вынужден был населять будущий мир образами и заполнять его предметами только при помощи памяти и воображения. Возможно, поэтому Марсель наделял своих персонажей необыкновенным романтизмом. Этот необузданный романтизм особенно ярко проявился в характерах его героев-извращенцев. Это уже не просто люди с пагубными наклонностями, они отверженные, проклятые, а что может быть романтичнее, чем отверженные? В этом смысле,

был сделан огромный шаг вперед, по сравнению с прошлым веком, когда никто на такое бы не отважился. Шарлю слишком далек от Вотрена, да и жилетник Жюльен отнюдь не Рюампре¹.

* * *

Как бы то ни было, в то время, готовясь похоронить себя на бульваре Османн, в квартире, «где деревья упираются ветками в окно», он устраивал свою жизнь так, чтобы стать самому себе хозяином. С определенной точки зрения, он, можно сказать, обуржуазился. Он вдруг вспомнил о брате и его семье: мне прежде никогда не доводилось слышать, чтобы он о них так подробно говорил. А еще он сказал:

— Я буду крайне нуждаться в друзьях, настоящих друзьях, которых не отпугнут неминуемые трудности, связанные с моей болезнью, которые придут меня навестить, а если

¹ Барон де Шарлю и жилетник Жюльен — персонажи цикла романов М. Пруста «В поисках утраченного времени», Вотрен и Рюампре — персонажи «Человеческой комедии» О. де Бальзака.

их не примут, не преминут снова заглянуть на следующий день... Они скрасят мое одиночество, когда я не захочу видеть никого кроме них. Я словно превратился в амбар, и этот амбар переполнен! Во мне все бродит и кипит!.. Пора с этим покончить. Представьте себе, ради этого, а еще ради того, чтобы не слышать соседских голосов и шагов, я придумал обить пробкой комнату, всю целиком. После этого чудесного спокойного лета — только было ли оно и вправду спокойным, Рене? — мне хочется тишины, хоть немного тишины. Вы не в состоянии понять, дорогой друг, сколько хорошего вы мне сделали за эти месяцы, в течение которых я, в благодарность за вашу доброту, донимал вас своей астмой, своими причудами, жалобами и, наконец, Фелицией! Конечно, вам и в голову не приходило все это взвесить, я вот мне пришлось! Бедный Рене! Теперь я чувствую в себе достаточно смелости для того, чтобы взглянуть миру в лицо и увидеть его таким, какой он есть. О, я несчастный! Наверное, это огорчительно, но я начинаю чувствовать себя серьезным человеком.

Глава XVII

•Аромат духов•

Уже поздно. Ноябрь идет к концу. Придется все-таки возвращаться в Париж. Моя пьеса¹ почти пристроена, но еще не закончена, и закончу я ее нескоро, если все будет так же неопределенно, как и раньше. Поскольку я не знаю, кто ее будет играть, — то ли те актеры, для которых я писал роли, то ли какие-то другие, — мне, вероятно, придется много раз ее переделывать от начала до конца. Кроме того, у меня есть и другие причины, чтобы вернуться... может быть, любовь?

---

¹ Речь идет о комедии в трех действиях под названием «Мотылек», представление которой состоялось в театре Буфф-Паризьен. (Прим. автора.)

Но как сказать об этом Марселю?

— А сам он в ближайшие дни не собирается уезжать? — спросила матушка. — Ему, должно быть, здесь скучно, ведь он все время один!

— Сейчас, по-моему, ему совсем неплохо, он бывает то у одного, то у другого, друзья вернулись в Париж из летних путешествий и навещают его, — например, Рейнальдо. Между прочим, для них это непросто, ведь они каждый раз приезжают сюда, не будучи уверенны, что их примут, а когда их все же принимают, им приходится несколько часов подряд не курить, потому что запах табака, как и вообще все запахи, «убивает» Марселя! Поэтому бедняга проводит время, занимаясь делами, связанными с наследством, и ведя переписку по поводу покупки китайской вазы, по слухам, очень древней, или какого-нибудь старого сундука.¹

---

¹ Немного об этих предметах. Марсель настойчиво уговаривал меня принять от него в подарок маленький круглый столик эпохи Людовика XV, в память о нашем версальском лете. Он даже велел доставить мне его в Париж, но я отказывался, и он стал уверять меня, что это «очаровательный маленький столик», и он мне непременно понравится. Я вспомнил об этом эпизоде, читая «Письма Марселя Пруста к госпоже С.» (*Прим. автора.*)

Я бы на его месте все это выкинул без всякой жалости!

— И слишком поспешил бы, мой бедный мальчик. Эти вещи совершенно необходимы ему в жизни.

— Не можем же мы до конца своих дней оставаться в Версале, ожидая того момента, когда пробковая комната превратится из мечты в действительность.

— Почему бы тебе не предупредить его мягко и осторожно? Кто знает, а может он сидит здесь исключительно ради тебя?

— Только этого мне не хватало! Ну хорошо, договорились, вечером, да, нынче же вечером я очень осторожно все ему скажу.

И я отправился к нему. Марсель был не один. У него сидел Мадразо, в канареечно-желтом жилете не по сезону; он важно поводил своим коротеньким носиком, принимая картинные позы в духе танагрских статуэток. Мадразо был человеком острого ума, чем-то напоминающего ум Рейнальдо, голос у него тоже был, как у Рейнальдо, трескучий, словно просеянный через металлическое сито, и жесты как у Рейнальдо. Он был довольно способным к живописи и довольно рассудительным в жизни. Он нас очень забавлял. И вдруг

он бессознательным движением сунул руку в карман своего роскошного жилета, достал оттуда сигарету, потом коробок спичек, потом взял в рот сигарету, потом вытащил спичку и... чирррк!

Марсель испустил даже не крик негодования, а некий звук, более всего напоминавший рычание дикого зверя. Напрасно Мадразо, торопливо распахнув окно, выбросил на улицу сигарету и спичку, это его не спасло. Его приковали к позорному столбу, ему растолковали во всех подробностях, что он собой представляет. Никогда еще тишайший Марсель не приходил в такое неистовство. Он даже принялся грубо браниться.

— Вы мерзкий негодяй, вы самый настоящий подлец, — взревел он, и даже Фелиция, прибежавшая на помощь, не смогла его утихомирить. — Вы нарочно пришли сюда, чтобы убить меня! Убирайтесь вон! Вы не любите меня! Никто меня не любит!

— Как, из-за такого пустяка, и дыма-то почти не было... — попытался было оправдаться Мадразо.

— Убирайтесь! От вас воняет! Убирайтесь!

Мадразо ничего не оставалось, как подчиниться.¹ Двумя неделями раньше Марсель так же выставил из дома Ульманна, когда тот пришел к нему надушенный. Отдав распоряжение открыть окна настежь, Марсель укрылся в соседней комнате, а Ульманну запретил появляться у него раньше чем через неделю, чтобы можно было за это время привести в порядок квартиру и истребить все лишние запахи.

Мадразо ретировался, и Марселю, конечно, стало совестно за свою резкость. Он попросил Фелицию догнать его и позвать обратно, но того уже и след простыл.

— Я был неправ, — смущенно произнес Марсель. — Я напишу ему завтра. Я вдруг почему-то вспомнил одну даму, совершенно

---

¹ До этого случая мне лишь однажды довелось видеть Марсея в таком состоянии. Это было в его квартире на улице Курсель, в тот вечер, когда у него собирался сенакль. Пришел молодой врач, соученик брата Марсея, Робера. Его звали доктор Грифон, он имел сомнительную репутацию, отличался уродливой внешностью и блестящим умом. У Марсея случился приступ. Грифон заявил ему: «Дайте-ка я посмотрю, что с вами стряслось». И, даже не договорив, почти насильно принялся выслушивать Марсея. (*Прим. автора.*)

очаровательную, думаю, она вам тоже нравится; так вот, она мне казалась очень привлекательной, но от нее отвратительно пахло духами. Какая жалость!.. Мне доставило бы такое удовольствие ее увидеть, тем более что она сама обещала встретиться со мной, после того как осенью вернется с моря. А еще в разговоре по телефону она обещала мне в этот день не душить, чтобы от нее не шел слишком возбуждающий запах. Как вы думаете, Рене, она уже вернулась? О, когда... когда вы привезете ее ко мне? Скажите когда, чтобы я мог хоть ненадолго спокойно заснуть, несмотря на ужасную спичку Мадразо...

— Но, Марсель...

— Нет, скажите когда, поклянитесь, что ее привезете! Не хотите же вы, в самом деле, пополнить ряды моих убийц?!

Пришлось ему подчиниться. Упомянутая дама приехала вместе со мной через три дня, на ней не было ни капли духов. Само собой разумеется, Марсель принялся уверять ее, что безмерно ей благодарен за сострадание. На следующий день он сделал заказ своей цветочнице в Париже, распорядившись доставить даме огромный букет роз,

которые чудесно пахли!.. А мне он сказал, что это самая прекрасная женщина в мире — и тон его показался мне почти искренним.

Так и вышло, что мне не удалось в тот вечер сообщить Марселю о нашем скором отъезде.

Глава XVIII

• «Когда б он вновь расцвел...»¹•

Потом, на следующий вечер, я почему-то не смог прийти к нему, и наутро получил от него следующее письмо:

Дорогой Рене!

Нынче вечером, как никогда, меня терзают печаль, усталость, мысли о скором отъезде. А потому, если для Вас не слишком обременительно прийти ко мне, я бы очень хотел, чтобы Вы меня навестили; Ваш визит, как всегда, и даже более чем всегда, стал бы для меня бесценным подарком.

---

¹ Из стихотворения Поля Верлена «Соломинкой в хлеву надежда нам зажглась...» (из цикла «Мудрость», часть III; перевод Георгия Шенгели).

Я отправился к нему так скоро, как только смог. Что за мысли об отъезде мучили его?.. Он сказал, что когда-нибудь все-таки придется покинуть Версаль, и настало время об этом подумать. Вот только когда уезжать? Не упустив случая, я тоже как бы вскользь упомянул о том, что, со своей стороны, был вынужден предусмотреть возможность в самом скором времени...

Спустя два дня я написал ему из Парижа, что нам с матушкой пришлось неожиданно вернуться домой, но что я в ближайшие дни навещу его. Он сразу прислал мне ответ, что навсегда сохранит воспоминание о наших версальских вечерах, когда я, да и моя матушка тоже, щедро дарили ему столько доброты! А сам он уже некоторое время собирался вернуться в Париж и только ожидал того дня, когда я сообщу ему о нашем отъезде из Версаля; теперь его ничто здесь не удерживает, и он тоже возвращается!

Значит, матушка была права. Мы оба тянули время, в расчете на то, что один из нас сделает первый шаг, и так могло продолжаться до скончания века!

На дворе уже стоял декабрь. Не успели мы оглянуться, как Марсель следом за нами

перебрался в Париж. Я отправился в его квартиру на бульвар Османн, где ему еще предстояло многое устроить. Пробковая комната была пробковой лишь на две трети, а еще на одну треть материала не хватило. Зато Фелиция со своими вещами уже успела разместиться на новом месте. Несмотря на это, настроение у нее было прескверное. Марсель торопил маляров, упрасивал каменщиков, скандалил с кровельщиками, и в конце концов, по прошествии нескольких дней, окончательно «выдохся». Поскольку он «почти никого» не поставил в известность о своем приезде, к нему толпами прибывали визитеры. Однако их чаще всего не принимали. Марсель сел за работу. Вдобавок ко всем прочим невзгодам, его жестоко мучила астма, и он имел право на то, чтобы его оставили в покое. Сам я старался проявлять сдержанность. Возможно, излишнюю сдержанность. Я боялся испортить ему воспоминание о наших версальских вечерах. И поплатился за это. Он написал мне вот это письмо:

Дорогой Рене!

Посылая это письмо, я преследую сразу несколько целей:

1. Сказать Вам: О Рене, вы говорили, что после возвращения в Париж я не найду времени с Вами встречаться! А между тем именно Вы, зайдя ко мне на минутку две недели назад, нашли тысячу предлогов, чтобы быстро уйти, и пообещали заглянуть на следующий день. Но Вы так и не пришли! Не пришли!

2, связанное с 1. Сказать Вам, что Вы даже вообразить себе не можете, чем обернулись для меня эти две недели. Впервые в жизни у меня четыре раза подряд случились ужасные приступы, они длились тридцать шесть, сорок, пятьдесят часов! А что ожидало меня потом!.. Может, смерть... Вы, конечно, скажете: вот и хорошо, что я не приходил, поскольку мы все равно бы не увиделись. Но, Рене, иногда все же выпадают передышки, и Рейнальдо, которого я, естественно, не мог принять в разгар приступа, тем не менее приходил на следующий день, а если мне все еще было плохо, еще через день. В конце концов, Вы могли бы справиться о моем состоянии по телефону, чтобы не утруждать себя бесцельной беготней. Какой же Вы неверный друг!

Не думайте, что я назвал Вас так, потому что сержусь, я понимаю, ко мне трудно подладиться, часы, когда я принимаю, неудобны, к тому же всегда возможны досадные случайности. Но что же тогда должен говорить д'Альбу¹, который женился и теперь не может бывать у меня по вечерам, а мне легче умереть на месте, чем принимать посетителей днем, особенно теперь, когда я ужинаю в десять часов. (Когда я ужинаю! Да я уже целую неделю ничего не ел.)

3. На самом деле, дорогой Рене, я пишу Вам совершенно по другой причине. Она состоит вот в чем: я только что нашел Ваше письмо двухнедельной давности и увидел строки, написанные поперек листа; поначалу я их не заметил. Я их прочитал, и они очень меня огорчили: в них Вы сообщаете о том, что тяжело больна Ваша тетушка Белен. Надеюсь, милостью Божьей она за эти дни поправилась, а я, уверяю Вас, за эти дни измучился, все думал о ее бедном сыне, господине Эжене, и если бы Вы могли по телефону или письмом (толь-

---

¹ То есть маркиз д'Альбуфера.

ко не телеграммой, потому что посыльный непременно пойдет по парадной лестнице и разбудит меня) сообщить мне о ее здоровье, это доставило бы мне величайшую радость. Возможно ли это? Сегодня вечером чувствую себя гораздо лучше, почти хорошо, правда, боюсь, это продлится лишь несколько часов, а мне нужно быть здоровым по меньшей мере несколько дней. Приступы такие сильные, что я на грани безумия. Моим «домашним» неприятностям нет конца, это даже становится смешно, так что воистину «примерно наказать меня решили боги»,¹ а сам я наказал себя и того суровее. Ко всему прочему, Фелиция закатила мне ужасную сцену, о которой я поведаю Вам, если Ваше сердце все так же отзывчиво, как в прежние дни, в Версале. И все же, «увиджу ль я тебя? Каким? — Мне неизвестно».² Только

---

¹ Слова Ореста из трагедии Жана Расина «Андромаха» (действие V, явление пятое; перевод И. Шафаренко и В. Шора).

² Строка из стихотворения Поля Верлена «Жоржу Верлену» (из цикла «Любовь»; перевод Георгия Шенгели). Жорж Верлен (1871–1926) – единственный сын Поля Верлена и Матильды Моте де Флервиль.

знайте, Рене, что места, где мы побывали, иногда навеки дарят нам свою душу, которую собирались дать лишь взаймы. Кстати, мой доктор полагает, что мне придется навсегда покинуть Париж, если мое состояние не улучшится; возможно, Версаль станет для меня постоянным местом обитания. А поскольку вы сами проводите там шесть месяцев в году, то шесть месяцев мы будем видеться, а на другие шесть месяцев забывать друг о друге, и это будет превосходная гимнастика для чувств. Как поживает наш Константен? Если Вы его увидите, передайте ему от меня, что я по-прежнему к нему расположен.¹ Но заклинаю Вас всеми святыми, никому не говорите, что я вернулся в Париж. Ведь я очень болен и не хочу никого видеть... разве что Вас.

Ваш Марсель

---

¹ Константен Ульманн действительно пользовался особым расположением Марселя. Он склонял Марселя к игре на бирже, а иногда и на бегах. Надо ли говорить, что Марсель – да и Константен, вероятно, тоже – выигрывал крайне редко. Каждый раз он боялся, что будет разорен, но, слава Богу, этого не произошло. (*Прим. автора.*)

Как вы поняли, у него в голове внезапно возник новый план, чем-то напоминающий прежний: жить бок о бок со мной и моей матушкой! Только на сей раз этот план был немногим скромнее.

Однажды, несколько позже, в разговоре со мной он к нему вернулся. Сначала я все никак не мог принять решение... к тому же, мы с матушкой не могли перебраться в Версаль раньше начала следующего лета. Вдобавок, он сам не мог уехать из Парижа: тому было множество причин. Работа все больше и больше поглощала его. Незаметно для себя он начал привыкать к тому, что я подолгу у него не бываю; мое продолжительное отсутствие он называл странной фантазией и относился к нему с философским терпением — а может, ему просто хватало друзей и без меня? У него тоже порой бывали причуды, о чем свидетельствует следующее письмо, где он рассказывает о попытках приобщиться к новому языку:

Дорогой Рене!

Вас не удивляет, не обижает мое молчание? *Отнюдность*, вы считаете, что оно вполне естественно, — не правда ли? —

и что меня нельзя назвать невежливым или неблагодарным. *Сущностно!* Вы не думаете, что я заслуживаю упрека? *Никакозно!*

Милый Рене, Ваше прелестное письмо меня взволновало, но я поклялся дождаться одного человека, чтобы он разрешил мне использовать новое *словосоздание* и говорить *отнюдность*, *сущностно*, *никакозно*; я без конца (и не всегда к месту) вставляю эти словечки в свою речь, как любовник, который в первый раз обратился к своей возлюбленной на «ты» и подбирает фразы так, чтобы это «ты» в них обязательно звучало. В данном случае я так же неловок и так же робок, как поэт, завидующий Гебе, изображенной на чашке его возлюбленной.¹

Дать такое разрешение мог только его друг, он же придумал разыграть меня и взял с Марселя обещание не говорить мне, что они

---

¹ Намек на стихотворение французского поэта-символиста Стефана Малларме (1842–1898) «Тщетная мольба» (1883). Этот сонет Малларме послал Верлену, чтобы тот опубликовал его в журнале «Лютеция».

знакомы; этого человека в те дни не было в Париже, и Марсель никак не мог дожидаться его возвращения, чтобы собраться «всем вместе».

Рене,

настанет ли когда-нибудь этот день?

Вы были так добры, так деликатны ко мне всю минувшую осень, что теперь Версаль представляется мне чем-то вроде затонувшего города Иса¹, который возникает временами из глубин памяти моего милого Рене.

Ах, куст сентябрьских роз! Когда б он вновь расцвел!

Неизменно Ваш

Марсель

Увы! Сентябрьским розам не суждено было расцвести вновь. Никогда! Прошел месяц. Два месяца... Пять лет! Марсель все работал, по-прежнему ничего не вынося на суд публики. Мы виделись все реже и реже. Потом я женился. И надо сказать, он был одним из немногих, кому я поторопился сообщить эту

---

¹ Имеется в виду старинная бретонская легенда о добром короле Градлоне и чудесном городе Исе, затонувшем в морской пучине.

новость. И получил по пневматической почте вот это удивительное, великолепное и, пожалуй, очень мудрое послание:

Дорогой Рене!

Даже самые нежные слова не смогут передать, как взволновало меня Ваше письмо, и множество мыслей, множество пожеланий переполняют мое сердце. Я слышал, мисс Чепмен прелестна, и я Вас поздравляю; дорогой Рене, еще немного, и Вы начнете быть счастливым, только Вам нужно вспомнить, что Вы еще очень молоды. Вступая в пору зрелости, Вы пережили горькие времена, и их следует вычесть из Вашего возраста (который, впрочем, и так не велик). Кроме того, Вы знаете, что возраст, выраженный в цифрах, — это не более чем шутка. Возраст лишь изредка отражает истину, а остроумное замечание Вашего отца может служить нам утешением: человеку столько лет, сколько его артериям. «Вам тридцать лет, сударь». — «Ничего подобного, сударь, мне восемнадцать, и мои артерии могут это подтвердить».

Сегодня, Рене, поздравляя вас с будущей женитьбой на мисс Чепмен, я дол-

жен сказать, что, будь я знаком с Вашей невестой, я поздравлял бы именно ее. Потому что, Рене, провести всю жизнь с Вами — это, должно быть, очень приятно! Уверен, быть Вашей женой совсем не скучно (несмотря на то, что на меня уже не раз сваливались большие неприятности из-за подобных формулировок, отчасти заслуженно, не думайте, что перед Вами запоздалое циничное признание в порочных желаниях).

Дорогой Рене, надеюсь, женитьба увенчает Вашу жизнь короной из цветов и радости, которой Вы заслуживаете как никто.

Надеюсь также на то, что после свадьбы Вы не забудете своих друзей и ту привязанность, что Вы им внушили. Чаще всего я вспоминаю о самом большом Вашем друге, о том создании, которое любит Вас, и которое Вы сами так нежно любите, о госпоже Д. Я уверен, Ваше счастье ей настолько дорого, что она не хочет его с Вами делить; впрочем, я уверен и в том, что Вы тоже желаете ей счастья и потому не станете добавлять его к своему.

Дорогой Рене, я часто думаю о Вас, принимаю Вас у себя, мысленно и в ре-

альности, и представляю Вас себе так же ясно, как если бы мы сидели и болтали. Вероятно, в самом скором времени Вы получите мою книгу, которая станет доказательством того, что я никогда не был последним из...

Искренне Ваш. Довольно странное письмо для свадебного поздравления (Лабииш).

Марсель

Мне желательно знать, какой подарок Вам бы понравился, потому что при том образе жизни, который я веду, я буду невероятно долго всем этим заниматься, а мне все же хотелось бы, чтобы Вы получили подарок прежде, чем появится на свет Ваш четвертый ребенок.

Я много думал о Вашей матери!

Подобная концепция чувственной жизни, с ее безусловно сомнительной, с точки зрения привычных устоев, моралью, поразила и очень смутила меня, тем не менее, в ней было нечто такое, над чем следовало подумать. Может, она предвещала ту самую знаменитую «аморальность», в которой

академики, пришедшие в ужас, как им и было положено, так яростно упрекали Марселя, ссылаясь на Бергсона (родственника Пруста и, в течение многих лет, его вдохновителя).

Приближался день моей свадьбы. Накануне, памятуя о наших доверительных беседах в Версале, я не устоял перед соблазном поделиться с Марселем моими тревогами: я боялся, что меня измучает волнение, и я не смогу уснуть, а наутро, во время церемонии, «на которой я предпочел бы не присутствовать», у меня будет ужасное лицо.

Марсель написал мне:

Бедный малыш Рене!

(Эта бумага Вас немного утешит: она еще более мятая, чем Ваша!) Возможно, не все окружающие нас существа могут быть без колебаний отнесены к роду человеческому, и именно поэтому мы с Вами стали жертвами почтовых злоключений. Видите ли, я только что получил Ваше прелестное письмо в конверте, покрытом странными словами и цифрами, нацарапанными пером и цветными карандашами, так что по пес-

троте колорита он вряд ли уступил бы даже картинам Ватто; в довершение всего на нем виднелась загадочная надпись: «Обнаружено в ящике пневматической почты». Интересно, а что их так удивило? Может, они думали найти его на тротуаре или в помойке?¹ В конце концов, немцам оно не достанется! Оно досталось мне, и как же я этому рад! Во-первых, потому, что оно наполнено остроумием и дышит добротой, во-вторых, Рене, потому что Вы не только очаровательная личность, но и очаровательный персонаж, Вы просто божественны в роли беспечного и одновременно встревоженного жениха. Дорогой Рене, написать подобное письмо «в такие дни» — это подлинный героизм. И если вы хотели произвести на меня впечатление, знайте: вам это удалось. Впрочем, я убежден, что Вы к этому не стремились, и что так сама собой проявилась Ваша природная оригинальность. Мне неизмеримо важнее получить от

---

¹ Еще одно выражение Марселя, рядом с которым он сделал пометку: «Как грубо!» (*Прим. автора.*)

Вас письмо, чем даже пойти на вашу свадьбу. Потому что тот Рене, который благодаря этому письму запечатлелся в моей душе навсегда, гораздо драгоценнее для меня, чем ничтожная вероятность того, что Вы могли бы испугаться и не прийти на церемонию (куда, надеюсь, я все-таки приду).

Я Вас целую (только не пугайтесь, это всего-навсего стилистический прием).

Ваш Марсель

Тогда же он сделал моей невесте восхитительный подарок (два старинных настенных канделябра), за который она его поблагодарила уже после свадьбы. А он ее поблагодарил за ее благодарность.

Сударыня!

Ваше очаровательное письмо и все то, что Вы выразили в нем с такой деликатностью, доставило мне большое удовольствие. Двойное удовольствие: я знал, что у Рене прелестная жена, но увидев, как она доброжелательна с его друзьями, как она мила с ними, я получил возможность самостоятельно убедиться в том, что похвалы в ее

адрес, которые я слышал не раз, нисколько не преувеличены, и я искренне порадовался за моего друга. Я только что ему об этом написал. И я не сообщил ему о Вашем письме лишь потому, что оно пришло уже после того, как я отправил свое.

Примите, сударыня, уверения в моем глубоком и трепетном почтении, а также мою безграничную признательность.

Марсель Пруст

Год спустя он опубликовал «По направлению к Свану». Появились первые восторженные отклики. Потом началась война. Прошло еще пять лет, и появились «Девушки в цвету». Марсель получил Гонкуровскую премию, одержав знаменитую победу над Доржелесом¹ с его прекрасным романом «Деревянные кресты». Шум стоял невообразимый. У Марселя появился свой королевский двор, поговаривали, что Пруст равнодушен к похвалам.

Я по-прежнему оставался в стороне. Потом получил награду. Он мне написал.

---

¹ Доржелес Ролан (1885–1973) – французский писатель и журналист; в 1954 году был избран президентом Гонкуровской академии.

44, улица Амлен

Как я счастлив, дорогой Рене!

Ваш крест (слава Богу, этот крест не деревянный) озарил радостью Голгофу моей печальной жизни.

«Вчера и сегодня, нынче вечером и завтра...»¹ от всего сердца я искренне Ваш, дорогой Рене.

Марсель Пруст

Друзья передавали мне от него самые теплые слова. Он получил награду, я ему написал. Вот она, слава! Теперь все было «не так». Он не просто кого-то принимал, он давал аудиенции... К нему приезжали из всех уголков мира. Его авторитет был поистине безграничен.² В те годы он писал друзьям редкие коротенькие записки. Иногда соизво-

---

¹ Слова из популярной песни «Весенняя серенада», написанной в 1883 году Августой Мэри Энн Холмс (1847–1903).

² Многочисленные господа Саши и многие другие, им подобные, настойчиво убеждают нас в том, что обнаружили у себя склонность к гомосексуализму под влиянием творчества Марселя, которым восхищалась вся молодежь, начиная с 1920 года и до горестных лет войны. Вероятно, несчастный Марсель стал одной из причин –

лял дать обед в «Ритце», пригласив на него нескольких особ королевской крови — не надушенных — или нескольких американских миллионеров, жаждущих его увидеть. Но что бы они ни делали, ни у одного из них не было, как у меня, «своего» лета с Марселем!

Однажды я узнал от Рейнальдо, что Марсель тяжело болен, а врачи опасаются, что его организм, ослабленный долгими годами излишних предосторожностей и чрезмерного ухода, перестанет бороться. Можно было ожидать чего угодно. Хватило бы и обычного гриппа.

21 ноября 1922 года, когда стихли заупокойные песнопения, профессор Робер Пруст, крепко обняв меня, сказал: «Он так вас любил!»

возможно, даже главной — общего упадка, который привел к катастрофическому поражению 1940 года. А может быть, кто-то заодно обвинит его и в том, что этот великий развратитель, этот сумрачный писатель — по словам Клоделя, в лучшем случае бесполезный, — способствовал падению нравов и развитию низменных инстинктов в наши дни. Это будет весьма правдоподобно, особенно в нынешние времена, когда слова и понятия потеряли исконный смысл, не приобретя никакого другого, а значит, можно согласиться с чем угодно. (*Прим. автора.*)

•
Рене Петер
ОДНО ЛЕТО С МАРСЕЛЕМ ПРУСТОМ

Редактор Т. Бердикова
Корректор О. Лялина
Художник В. Коротаева
Компьютерная верстка У. Кузина

Подписано в печать 26.03.2007. Формат 84x108 1/32
Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskervill.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,76 + 1 вкл. = 12,6. Тираж 2000 экз. Заказ 2049

Издательство Б.С.Г.-ПРЕСС
109147, Москва, Большая Андроньевская ул., д.22/31
Тел/факс (495) 980-21-59, 912-26-51
E-mail: bsgpress@ Rambler.ru; www.bsg-press.ru

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Марсель Пруст.
1890-е годы

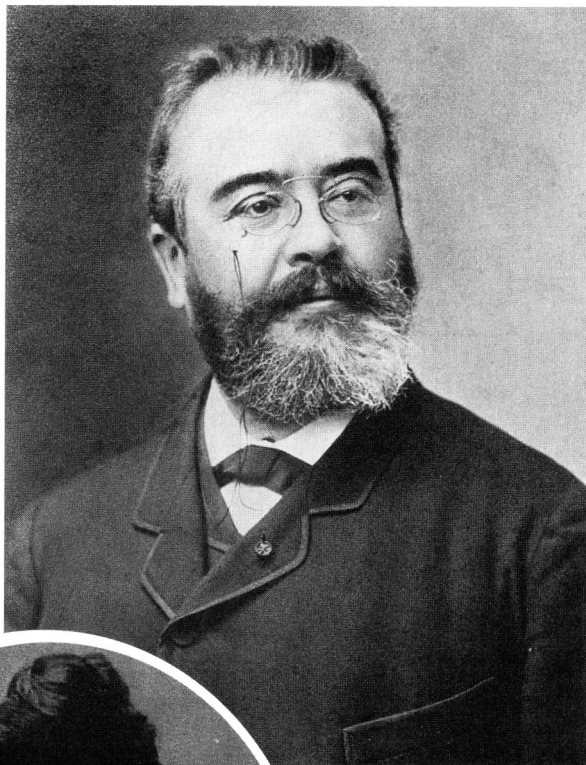

Натэ Вейль, дедушка
Марсея Пруста

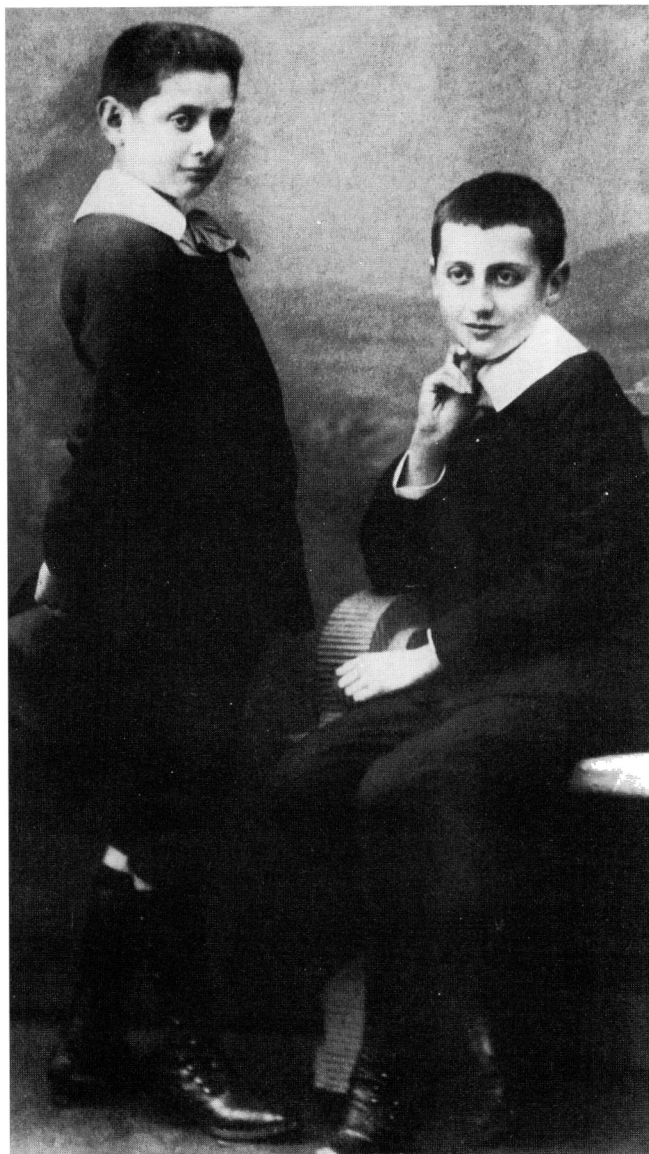

Адель Вейль, бабушка
Марсея Пруста

Профессор
Адриан Пруст,
отец Марселя

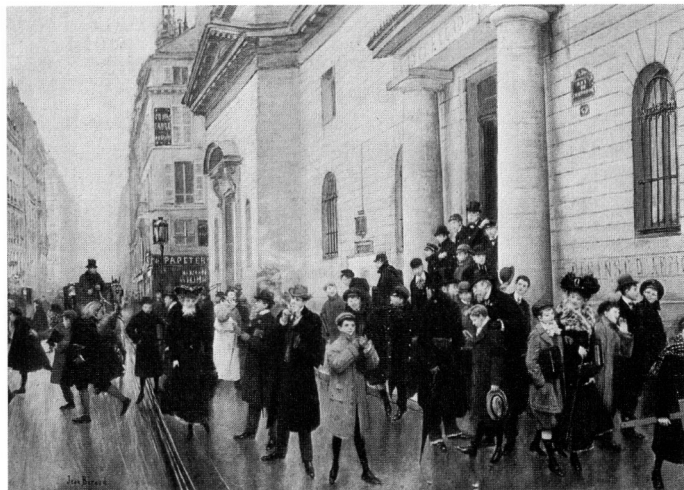
Жанна Пруст, урожденная
Вейль, мать Марселя

Братья Робер и Марсель Прусты. *Конец 1880-х годов*

Курс философии профессора Дарлю в лицее Кондорсе

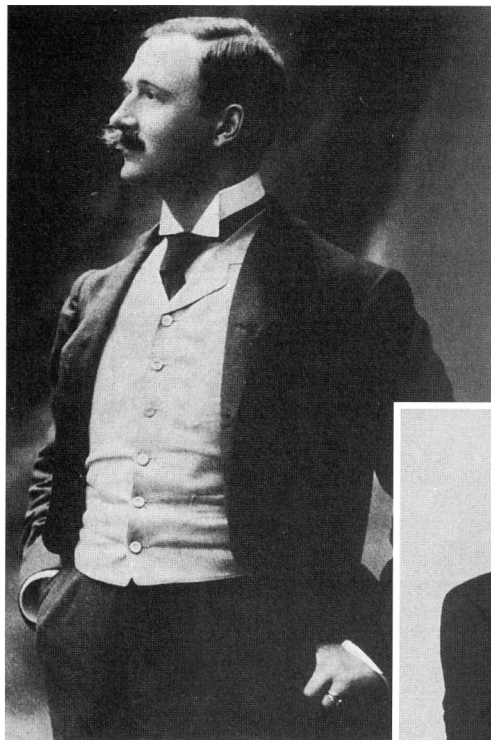
Лицей Кондорсе. С картины Жана Беро

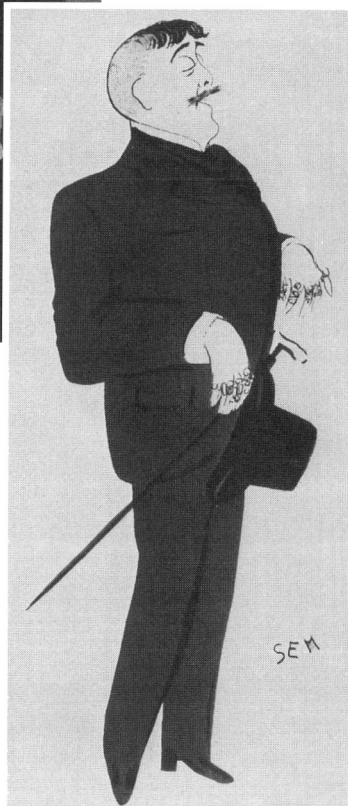
Марсель Пруст
на военной службе.
1890 г.

Рейнальдо Аñ

Робер де Билѝ

Карикатура
на Жана Лоррена

Мадлена Лемер

Госпожа Строс.
С портрета работы
Эли Делонэ

Le Petit Journal

Le Petit Journal
CHACUN 5 CENTIMES
Le Supplément illustré
CHACUN SEMAINE 5 CENTIMES

SUPPLÉMENT ILLUSTRÉ
Huit pages : CINQ centimes

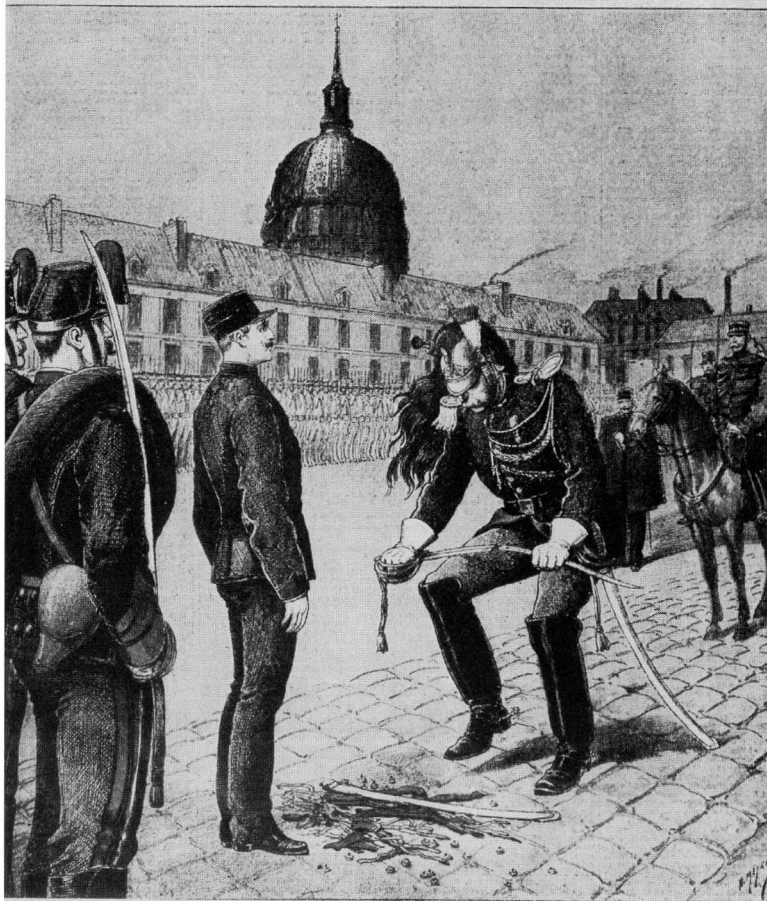
ABONNEMENTS

PARIS 1 fr. 20 c. 3 fr. 50 c.
DEPARTEMENTS 1 fr. 20 c. 4 fr.
ÉTRANGER 1 fr. 20 c. 5 fr.

Sixième année

DIMANCHE 13 JANVIER 1895

Numero 2

LE TRAITRE

Dégradation d'Alfred Dreyfus

Разжалование капитана Дрейфуса

Рене Петер.
Около 1902 г.
(Права охраняются)

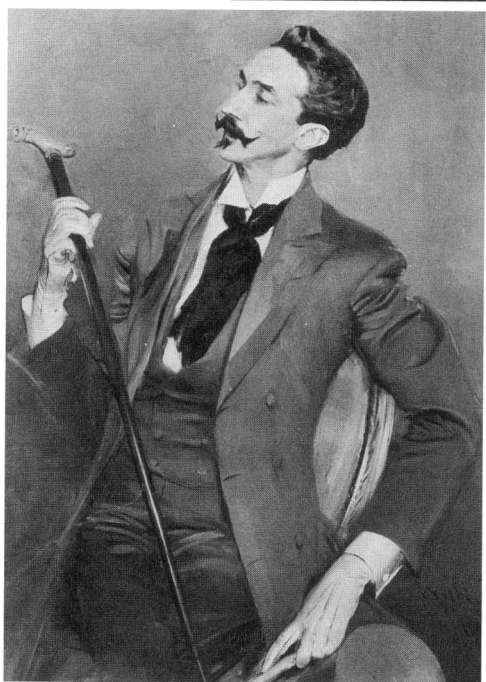
Клод Дебюсси

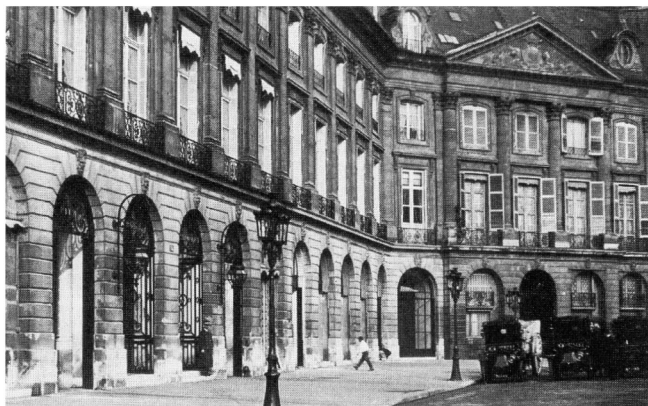
Марсель Пруст,
Робер де Флер
и Люсьен Доде

Князь
Антуан
Бибеско

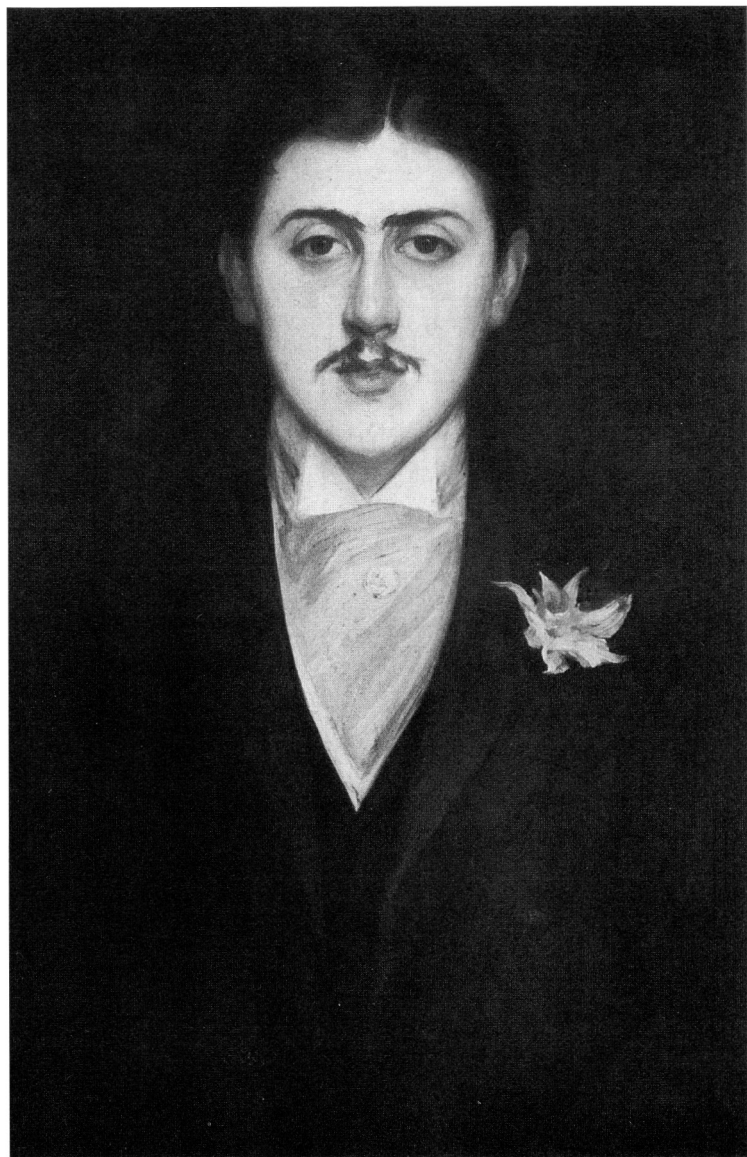
Граф Робер
де Монтескью.
С портрета работы
Дж. Болдини

Отель «Ритц» в Париже

Лора Эйман

Марсель Пруст. С портрета работы Ж.-Э. Бланша

Луиза де Морнан

Лиана де Пужи

Графиня Анна де Ноай

Марсель Пруст в последние годы жизни

Рене Петер с детства был знаком с Марселем Прустом, их отцы принадлежали к избранному кругу выдающихся французских врачей. Потом Рене и Марсель надолго потеряли друг друга из виду. Прошло двенадцать лет, и в 1904 году, после оглушительного успеха пьесы Петера «Тряпка», Пруст возобновил с ним отношения, и вскоре они подружились. Немногим более года спустя скончалась мать Марселя, он решил покинуть свою парижскую квартиру и в конце весны 1906 года перебрался в Версаль, в старинный особняк Резервуар неподалеку от дома, где обычно проводил летние месяцы Рене Петер.

Все лето и большую часть осени друзья встречались почти каждый вечер, подолгу беседовали, вспоминая минувшие дни, обсуждая последние события, строя планы на будущее. Потом версальское лето закончилось, и жизнь вновь развела их в разные стороны.

Записки Рене Петера обнаружила в семейном архиве и подготовила к публикации его внучка, Доминик Браше. Эти воспоминания знакомят читателя с Марселем Прустом, которого еще не коснулась слава. На страницах книги перед нами чудесным образом возникает неповторимая атмосфера парижского общества начала XX века, полная веселья и беззаботности.

ISBN 5-93381-234-X

9 785933 812340